

Источниковедение в школе 2008 № 1 (6)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС12-0005 от 17.11.2004 г.

К 90-летию Александра Исаевича Солженицына

Журнал для учащихся и учащихся

Содержание выпуска:

ОТ РЕДАКЦИИ Об изучении творческого наследия А.И. Солженицына в школе	3
<u>Материалы к урокам</u>	
УЧИТЕЛЬ–ВОИН–ПИСАТЕЛЬ. Три урока памяти А.И. Солженицына	9
«КРОХОТКИ» Урок литературы для учащихся 5 класса	24
НЕОБЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. Урок русского языка для учащихся 6–7 классов	31
ПОВЕСТЬ СКОРБНЫХ ЛЕТ. Материал к уроку истории и литературы для учащихся 8–9 классов	38
А. И. СОЛЖЕНИЦЫН О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ. Материал к уроку обществознания для учащихся 10–11 классов	43
<u>Материалы для учителя</u>	
О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	48
В ПОИСКАХ ПРАВДЫ	58
ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГУМАНИЗМА	66
ВЫСОКОЕ МИРОЧУВСТВИЕ ПИСАТЕЛЯ	77
<u>Хрестоматия</u>	89
<u>Приложения</u>	
Краткая хронология жизни и творчества А.И. Солженицына.....	126
Состав Собрания сочинений А.И. Солженицына в 30 томах	137
Содержание Тома 1 «Рассказы и Крохотки» Собрания сочинений А.И. Солженицына в 30 томах	138

Учредитель: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского

Редакция: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского
ул. Академическая, 3, г. Новосибирск, 630090, РОССИЯ
Тел./факс: (383) 3332810
e-mail: pochta@orthgymn.ru
<http://www.orthgymn.ru>

Главный редактор:
протоиерей Борис Пивоваров — председатель Попечительского совета
Православной Гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского

Над выпуском работали:

Л. П. Талышева, к.э.н., директор Православной Гимназии
Борис Пивоваров, протоиерей, магистр богословия
О. Г. Щеглова, к.филол.н., зам. гл. ред.
Димитрий Долгушин, священник, к.филол.н.
О. А. Павлова, к.п.н.
Ф. Ф. Ахмадиева
Андрей Баженов, священник
А. Б. Пивоваров
Е. Ю. Бабенков
А. Ю. Шевцова

Компьютерная вёрстка: Е. Ю. Бабенков

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать 17 ноября 2008 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО ИПП «Офсет».

Ул. Арбузова, 4а, г. Новосибирск, 630117, РОССИЯ.
Тел./факс: (383) 3328232
E-mail: ofset@cbnet.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Об изучении творческого наследия А. И. Солженицына в школе

Когда ставится вопрос об изучении в школе нового материала по литературе или истории, то сразу почти автоматически возникает недоумение или возражение: «А где взять часы?»

Пресловутых «часов», как известно, не хватает всегда. Но представим фантастическую ситуацию: на освоение творчества Александра Исаевича Солженицына «часов» отводится изобильно! И что тогда?

Тогда может возникнуть новый вопрос: «А не трудно ли будет школьникам читать столь серьёзные произведения?»

Конечно, трудно, особенно если школьник уже достиг такого «уровня развития», что ничего кроме «Гарри Поттера» читать не способен. А что же может быть лёгкого в изучении русской классической литературы?!

Однако подлинная проблема современной российской школы заключается в том, что многогранное творчество Александра Исаевича не укладывается в формировавшуюся более полувека (1920–1970 гг.) парадигму школьного литературоведения и школьной историографии. И тем интереснее представляется постановка задачи серьёзного, углублённого изучения творческого наследия А. И. Солженицына в **РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ**.

Углублённое изучение его сочинений в общеобразовательном учреждении будет заключаться в том, что, читая произведения А. И. Солженицына, мы будем стараться понять его мысли, его идеи, его мироощущение, его боль, его надежды, а не будем пытаться втискивать его произведения в рамки привычных литературоведческих и историографических схем.

Любого писателя легче «проходить» в школе, если к нему прикрепить ярлык «противоречивый». Солженицын очень последователен! Его путь русского учителя, русского воина, русского писателя был крестным, но прямым путём. Как историографа его трудно переиначить, потому что сильнейшей стороной его творческого метода была тщательная работа с источниками. Недаром же во время гонений на писателя главным оружием против него стала клевета.

Очевидно, что в настоящее время творчество А. И. Солженицына, как выражаются кинокритики, — *не формат* для современной школы. Недаром три десятка лет Солженицын *не был «допущен»* в школу. Но разве можно утверждать, что содержание учебных программ, учебно-методических пособий и учебников по родной литературе, истории и культуре уже достигло совершенства? Разве современная школа закрыта для освоения новых исторических источников, для изучения новых литературных произведений? Разве уже утеряна надежда, что российская школа всё же начнёт заниматься обновлением содержания образования, а не только внедрением новых технологий?

Что же нужно делать, чтобы творчество А.И.Солженицына заняло достойное место в учебно-воспитательном процессе российской школы, а не только в программах 9 и 11 классов по литературе?

Прежде всего необходимо бережно-текстуальное, а не обзорно-поверхностное изучение творческого наследия А.И.Солженицына. Именно такой подход поможет российской школе подняться на более высокий уровень преподавания и русской литературы, и родной истории, и обществознания, и других предметов гуманитарного цикла.

Нужно также не бояться отступить от того догматизированного подхода в преподавании в школе русской литературы, истории и культуры в целом, который сложился в годы запрета и Достоевского, и Солженицына. Школа должна учесть горькие уроки XX века. Как сказал сам Александр Исаевич в своём видеобращении на вручении ему Российской Государственной премии 12 июля 2007 года: «И этот наш горький отечественный опыт ещё как может пригодиться при повторе неустойчивых общественных состояний, предупредить нас от новых губительных срывов. Мы не можем ещё когда-нибудь их себе позволить».

Конечно, проще всего творчество А.И.Солженицына подвести под «лагерную» тему в русской литературе XX века, не касаясь самого существенного — духовно-нравственной составляющей творческого наследия писателя: вопросов о правде жизни и достоинстве человека, о судьбе России, о перспективах общества, исповедующего культ потребления. Не следует также забывать, что духовно-нравственные категории писателя коренятся в мире православной культуры России.

Александр Исаевич получил широкую известность как писатель благодаря публикации глубоко потрясшей читателей повести «Один день Ивана Денисовича». Это произведение было напечатано в журнале «Новый мир» в 1962 году.

Мировую известность писатель Солженицын приобрёл благодаря зарубежной публикации в середине 1970-х годов великой и скорбной повести о страданиях нашего народа в годы красного террора и сталинских репрессий — «Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956». Но в 1970-е годы не могло быть и речи об изучении произведений писателя в школе. В это время его книги и журнальные публикации были уже изъяты из общественных библиотек страны.

В начале 1990-х годов запрет на изучение в школе произведений А.И.Солженицына был снят. Но до настоящего времени в большинстве общеобразовательных учреждений России изучаются всего лишь два произведения Александра Исаевича: «Матрёнин двор» и «Один день Ивана Денисовича». В лицеях, гимназиях и школах с углублённым изучением предметов гуманитарного цикла преподаватель может позволить себе несколько расширить этот перечень.

В 2002 году издательством «Детская литература» в серии «Школьная библиотека» была выпущена книга «Матрёнин двор. Рассказы». Книга рекомендована для старшего школьного возраста. В неё кроме «Матрёны» вошли «Один день Ивана Денисовича» и «Крохотки». Книга снабжена интересным предисловием

Людмилы Сараскиной «Подпольная литература А.Солженицына в проломе свободы».

Серьёзным напоминанием об актуальности творчества А.И.Солженицына для российской школы стала кончина Александра Исаевича, последовавшая **3 августа 2008 года**. 5 августа, в день всенародного прощания с великим русским писателем, глава правительства России Владимир Владимирович Путин поручил министру образования и науки **«дать свои предложения о том, как сделать, чтобы творчество Александра Исаевича Солженицына заняло достойное место в учебном процессе и литературе»**.

Департамент государственной политики в образовании Министерства образования и науки Российской Федерации в письме от 4 сентября 2008 года «О методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А.И.Солженицына в общеобразовательных учреждениях», назвав писателя **символом русской культуры XX века**, призвал расширить изучение его творческого наследия в школах России.

«Творческий и жизненный путь А.И.Солженицына необходимо изучать в школе, — говорится в приложении к вышеуказанному письму Департамента государственной политики в образовании. — Фигура А.И.Солженицына слишком значима и масштабна, чтобы быть неизвестной школьникам. На сегодняшний день его творчество изучается в курсе литературы XX века, однако педагогами представление о личности и творчестве А.И.Солженицына даётся зачастую фрагментарно».

«Российская газета» 10 сентября 2008 года опубликовала статью Ирины Ивойловой «Один урок Александра Исаевича» с подзаголовком: «Миннауки разъяснило, как изучать Солженицына в школе». Автор статьи подчёркивает, что в методических рекомендациях, направленных в регионы Министерством образования и науки, «упор сделан на текстуальное, а не обзорное изучение творчества нобелевского лауреата». Действительно, ведь самое важное в постижении русской классики — это *вдумчивое прочтение* произведений писателя. Прочсть творения Пушкина, Достоевского, Солженицына гораздо важнее, чем разобрать то или иное произведение классика, чаще всего не прочитав его как следует.

Принимая во внимание рекомендации Департамента государственной политики в образовании Министерства образования и науки, Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского (Академгородок, Новосибирск) посвящает очередной выпуск журнала «Источниковедение в школе» жизни и творчеству Александра Исаевича Солженицына.

Как и предыдущие выпуски, настоящий номер журнала «Источниковедение в школе» представляет собой сборник учебно-методических материалов, предназначенных *для учащихся и учащихся школ, гимназий и лицеев*.

Основными источниками содержащихся в журнале учебно-методических разработок являются сами произведения А.И.Солженицына. Кроме этих первоисточников при подготовке материалов сборника авторским коллективом использовались две интереснейшие книги:

1. **«Между двумя юбилеями (1998–2003)»**: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И.Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005.
2. Сараскина Л. **«Александр Солженицын»**. М.: Молодая гвардия, 2008. Серия «Жизнь замечательных людей».

Задача журнала «Источниковедение в школе» — вводить в учебный оборот новые (для школы!) исторические и литературные источники и тем самым способствовать постепенному обновлению содержания общего образования.

Задача настоящего выпуска «Источниковедения в школе» — содействовать более глубокому освоению российской школой творческого наследия Александра Исаевича Солженицына. Именно *освоению*, а не *прохождению*.

Редакция журнала «Источниковедение в школе» выражает надежду, что 11 декабря 2008 года, в день 90-летия Александра Исаевича, этот выпуск поможет учителю провести урок, посвящённый памяти великого русского писателя, которому принадлежат слова:

*«Я хотел быть памятью. Памятью народа,
который постигла большая беда».*

Материалы к урокам

John

УЧИТЕЛЬ — ВОИН — ПИСАТЕЛЬ

Три урока, посвящённые памяти А.И.Солженицына

Урок 1. Судьба учителя

Урок 2. Судьба воина

Урок 3. Судьба писателя

* * *

Введение

11 декабря 2008 года исполняется 90 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Родился писатель 11 декабря 1918 года, а умер 3 августа 2008 года. Поэтому мы можем считать себя его современниками, а он был современником почти целого века. Александр Исаевич написал много замечательных книг, которые помогают нам поддерживать живую связь с событиями всего 20 столетия.

За свою долгую и многотрудную жизнь А.И.Солженицыну доводилось заниматься самыми различными работами. Он был откатчиком вагонеток, глинокопом, маляром, нормировщиком, плотником, каменщиком, бригадиром механических мастерских, литейщиком, плановиком-экономистом, научным сотрудником в закрытых (секретных) научно-исследовательских учреждениях. Но все эти профессии он осваивал в неволе, когда был арестован и несправедливо приговорён к многолетнему заключению.

По первой своей профессии Солженицын был школьным учителем. По второй — военным: во время Великой Отечественной войны он, обучившись на артиллериста и став офицером, командовал батареей. Третьим и самым любимым его делом стал писательский труд.

Впрочем, у всех этих профессий есть нечто общее: и учительство, и ратное дело, и писательский труд — всё это можно назвать **служением Отечеству**.

И каким бы делом А.И.Солженицын ни занимался, он никогда не отступал от своего главного жизненного принципа — **жить не по лжи**.

Долгий девяностолетний жизненный путь А.И.Солженицына не укладывается ни в одну книгу, ни в один рассказ, ни, тем более, в один урок. Стремление подробно описать жизнь и творчество великого русского писателя — это попытка объять необъятное. А изучение произведений писателя в школе несомненно заслуживает целого школьного спецкурса.

Поскольку по школьной традиции знакомство с литературным наследием того или иного писателя начинается с изучения его биографии, то, готовясь к 90-летию А.И.Солженицына, постараемся сделать хотя бы краткий обзор его жизненного пути, где он предстанет перед нами как замечательный школьный учитель, как отважный боевой офицер и как писатель, имя которого золотыми буквами вписано в историю русской классической литературы и в историю России.

Итак: три урока, посвящённые памяти А.И.Солженицына.

Урок 1. Судьба учителя

Учить детей в школе для писателя Солженицына, по его собственному признанию, было счастьем. Всё остававшееся от учительских обязанностей время он писал рассказы, повести, занимался историко-литературными исследованиями. Занятие литературой было для него также истинным счастьем. Два любимых дела укрепляли его душевные силы в жизни, которая была переполнена тяжелейшими испытаниями.

Первый опыт школьного учительства Александр Исаевич получил осенью 1941 года. В начале августа он, выпускник Ростовского государственного университета, просился добровольцем на фронт. Но на фронт его не взяли. **В середине августа Солженицын получил распределение на работу в среднюю школу города Морозовска Ростовской области. Школы должны были работать и в военное время.**

Однако уже 16 октября 1941 года учитель математики Александр Солженицын получил мобилизационную повестку в военкомат — нужды фронта пересиливали нужды народного образования. По окончании артиллерийских курсов в звании лейтенанта Солженицын был определён в 794-й Отдельный армейский разведывательный дивизион. Потом — фронт, офицерская служба, тяжёлые бои, высокие боевые награды, арест, допросы, долгие годы тюрем и лагерей...

Но первая его профессия — учительская — напоминала о себе и в заключении. Когда в Экибастузском лагере политзаключённые объявили забастовку-голодовку, то в какой-то момент лагерное начальство было вынуждено пойти с забастовщиками на переговоры. Среди переговорщиков был и Солженицын. Вот как он описывает сцену перед началом переговоров: «Мы прислонились к стенам, опустили глаза и замерли, как каменные. Мы опустили глаза потому, что смотреть на хозяев взглядом подхалимным не хотел уже никто, а мятежным — было бы неразумно. Мы стояли, как заядлые хулиганы, вызванные на педсовет, — в расхлябанных позах, руки в карманах, головы набок и в сторону — невоспитуемые, непробиваемые, безнадёжные»¹. В описании этой сцены чувствуется опыт школьного учителя, немало повидавшего школьных бузотёров.

9 февраля 1953 года закончился срок лагерного заключения Александра Солженицына. 4 марта 1953 под конвоем он был доставлен к месту *вечной ссылки* в районный центр на севере Джамбульской области Казахской ССР — Кок-Терек.

В этом большом казахском ауле с саманными мазанками была школа-десятилетка. Ссылный писатель пришёл наниматься учителем в местное районо. Но сразу устроиться в школу ему не удалось, и поначалу он работал в райпотребсоюзе плановиком-экономистом. Работа эта не оставляла у Александра Солженицына ни сил, ни времени для занятий литературным трудом. 25 апреля, за три недели до выпускных экзаменов, его всё же пригласили в среднюю школу Кок-Терек на должность учителя математики и физики.

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 6: Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 5, 6, 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 269.

3 мая 1953 года состоялся первый урок А. И. Солженицына в Коктерекской школе.

«День, когда Солженицын, преподаватель математики и физики средней школы имени Кирова села Белик (советское название Кок-Терека, означающее в переводе «объединение»), вошёл в класс и взял в руки мел, стал истинным днём освобождения, возвратом гражданства»¹.

Кроме детей казахов в школе училось много детей из ссыльных семей: немцев, украинцев, корейцев, греков. Учились, по воспоминаниям Солженицына, жадно — это был для них единственный путь получить профессию и выйти в люди. «При таком ребячьем восприятии я в Кок-Тереке захлебнулся преподаванием и три года (а может быть, много бы ещё лет) был счастлив даже им одним. Мне не хватало часов расписания, чтоб исправить и восполнить недоданное им раньше, я назначал им вечерние дополнительные занятия, кружки, полевые занятия, астрономические наблюдения — и они являлись с такой дружностью и азартом, как не ходили в кино. Мне дали и классное руководство, да ещё в чисто казахском классе, но и оно мне почти нравилось»².

Учебная нагрузка Александра Исаевича в Коктерекской школе была двойной: он вёл в двух девятых и двух десятых классах математику, физику, астрономию. Школа занимала весь его день: для литературных занятий оставались лишь вечер и ночь. Однажды на время летних каникул на Солженицына были возложены и обязанности директора школы, чтобы он присматривал за текущим ремонтом здания.

Через пятьдесят с лишним лет один из учеников казахского класса Коктерекской средней школы Б. Скоков написал Александру Исаевичу: «Я учился у Вас три года, прошли мы с Вами все фундаментальные предметы, все 300 задач из учебника Худобина. Мне, Вашему ученику, который получал тройки и четвёрки по математике, удалось получить отличные оценки при поступлении в Новосибирский институт торговли и с отличием его окончить»³.

Этот же ученик вспомнил, как Александр Исаевич сказал им на выпускном вечере: «Ребята, я знаю лучше русский язык и литературу». Именно эти слова пришли на память бывшим ученикам писателя, когда в «Новом мире» они прочли его повесть «Один день Ивана Денисовича».

В 1955 году, будучи учителем Коктерекской средней школы, Солженицын начал писать роман «В круге первом».

В автобиографии, помещённой в книге о нобелевских лауреатах 1970 года, о работе учителем в Коктерекской средней школе писатель сообщал следующее: «Все годы ссылки я преподавал в сельской школе математику и физику и, при своей строго одинокой жизни, тайком писал прозу (в лагере, на память, мог писать только стихи). Мне удалось её сохранить и привезти с собой из ссылки в европей-

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 393.

² Там же. С. 393.

³ Там же. С. 394.

скую часть страны, где я продолжал так же заниматься внешне — преподаванием, тайно — писанием, сперва во Владимирской области („Матрёнин двор“), а затем в Рязани».

В апреле 1956 года была отменена ссылка осуждённых по 58-й статье. 5 мая писатель получил общегражданский паспорт, а 20 июня 1956 года, попросившись со школой, он покинул Кок-Терек. В Коктерекской школе учитель Солженицын успел сделать четыре выпуска.

Осенью 1956 года А. И. Солженицын устраивается учителем Мезиновской средней школы Курловского района Владимирской области. Поселился он в доме у Матрёны Васильевны Захаровой — будущей героини «Матрёнина двора».

Учебный 1956/1957 год для А. И. Солженицына начался с августовской учительской конференции. Новый учитель математики и электротехники 8–10 классов имел прекрасную возможность в поездке сблизиться с педагогическим коллективом. Но «Исаич», как прозвали его коллеги, не торопился сразу «войти» в коллектив. Его считали стеснительным, но дело было совсем не в этом. «Я приехал со своей целью, со своим прошлым. Чтó они могли знать, чтó я им мог рассказать? Я сидел у Матрёны и каждую свободную минуту писал роман. Чего ради я буду болтать про себя? У меня такой манеры не было. Я был конспиратор до конца»¹.

Будучи учителем Мезиновской средней школы, Солженицын сокрушался по поводу нищеты и запущенности русской деревни. Некоторым ученикам приходилось совершать путь в шесть километров, чтобы попасть в школу, а заодно и купить хлеба для своей семьи. А некоторые ученики специально оставались на второй год только для того, чтобы получать пенсию по убитому на войне отцу.

Фамилии всех своих учеников учитель Солженицын запоминал уже со второго урока. К учёбе своих воспитанников относился строго. Но если видел, что ученик чего-то не понимает, то докапывался до причин и спрашивал его на каждом уроке. Как математик Солженицын ценил не только само решение задачи, но и способ её решения.

На кружковых занятиях Александр Исаевич рассказывал своим воспитанникам о знаменитых математиках, их открытиях, учил детей работать с астролябией и арифмометром. Иногда занятия проходили в поле, в лесу; после них сидели у костра, пекли картошку, вели беседу о литературе.

В служебной характеристике, данной учителю математики Мезиновской школы Солженицыну, директором школы М. Е. Парамоновым отмечалось: «К своей работе Солженицын относится весьма серьёзно: его уроки отличаются целенаправленностью, продуманностью; учитель увлекает учащихся, которые полюбили математику как предмет». В этой характеристике также говорилось, что он оказывал помощь местным учителям физики и математики и вёл кружок прикладной математики и геодезии².

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 424.

² Там же. С. 432.

21 февраля 1957 года случилась беда: под колёсами товарняка погибла Матрёна Васильевна Захарова. И для Александра Исаевича сразу опустело село, где жила эта праведница. Солженицын принял в конце учебного года экзамены, посетил Ильинскую церковь, где отпевали Матрёну, поклонился её могиле и уехал в Москву.

Следующим местом работы учителя Солженицына стал древний город Рязань. Когда писатель пришёл устраиваться на работу, в рязанском областном отделе народного образования у него поинтересовались, за что он был арестован в 1945 году. Солженицын ответил: «За высказывания против культа личности». «Как это может быть? — удивилась заведующая, помня, что о культе личности было объявлено в 1956. — Разве тогда [то есть в 1945 году] был культ личности?»

Поначалу Солженицыну было отказано в работе учителем, якобы из-за отсутствия свободных мест. Вакансий не было и в гороно. Но в кабинете заведующего он встретился с директором рязанской средней школы № 2 Г. Г. Матвеевым, и с **25 августа 1957 года Александр Исаевич был принят учителем физики и астрономии в эту старейшую школу Рязани.**

До революции в здании этой школы размещалось духовное училище. В середине XIX века в нём учился будущий великий учёный-физиолог академик И. П. Павлов. В 1930 году в школе состоялось выступление Н. К. Крупской, после этого школа была названа её именем.

В рязанских учениках Александр Исаевич не заметил того искреннего интереса к учёбе, какое было у воспитанников Коктерекской школы. По его отзывам, новые его ученики были «ребята весьма разболтанные» и «какие-то не сердечные». Не радовали его и такие явления в школе, как погоня за отметками, безнаказанность за нерадивую учёбу.

И в рязанской школе учитель Солженицын ни с кем из своих коллег не сблизился: не задерживался в учительской, уклонялся от праздничных мероприятий. Рязанская школа № 2 являлась экспериментальной площадкой Академии педагогических наук. Солженицыну было предложено поступить в аспирантуру, однако он отказался. Отказался он и от должности завуча школы. Литературные замыслы и планы писателя не позволяли ему отвлекаться на что-либо другое, кроме проведения уроков.

Впрочем, такой замкнутый образ жизни Солженицына на качестве преподавания не отражался. Физику он преподавал не менее интересно, чем математику, умея просто излагать самые сложные вещи. «На урок астрономии он мог принести томик классической прозы, найти в тексте описания звёзд и прочитать их глазами астронома»¹.

Во время летних каникул 1959 года в течение 45 дней Солженицын написал большой рассказ «Щ-854. Один день одного зэка». Впоследствии по совету А. Т. Твардовского, назвавшего его повестью, рассказ был переименован и вышел в свет под заглавием «Один день Ивана Денисовича».

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 436–437.

В ноябре 1962 года «Один день Ивана Денисовича» был напечатан в журнале «Новый мир» (№ 11). До рязанской школы № 2 журнал дошёл, конечно, не сразу. А 17 ноября в газете «Известия» появилась статья «О прошлом во имя будущего». И школа, где работал Солженицын, прочитала в газете ошеломляющие строки писателя К. Симонова об «Одном дне Ивана Денисовича»: «Солженицын проявил себя в своей повести как подлинный помощник партии в святом и необходимом деле борьбы с культом личности». Заканчивалась статья словами: «В нашу литературу пришёл сильный талант»¹.

Вырезку из газеты «Известия» вывесили на доске объявлений в учительской. Для учащихся и учащихся рязанской школы № 2 стало открытием, что пятый год (!) в их школе работает **писатель**. А ученики одного из выпускных классов подарили Александру Исаевичу открытку с розой.

В декабре 1962 года на гребне успеха «Ивана Денисовича» Солженицына принимают в Союз писателей РСФСР по секции прозы. До этого момента Александр Исаевич при всём желании посвятить себя литературному труду не мог оставить школу. Уволившись из школы, он сразу попал бы в разряд «тунеядцев» и по обычаям того времени в любой момент мог быть арестован. Теперь же, когда Солженицын стал членом Союза писателей, арест за «тунеядство» ему уже не грозил.

29 декабря 1962 года Александр Исаевич провёл свои последние уроки в рязанской школе и уволился из неё, чтобы отдавать все силы писательскому труду.

Какова же дальнейшая судьба Солженицына-учителя?

Возвратившись из изгнания (1994 г.), Александр Исаевич посетил многие памятные для него места. Среди них — Торфопродукт (посёлок во Владимирской области, где находилась Мезиновская школа) и Рязань. Почётным гражданином Рязани его избрали ещё до возвращения — в 1990 году. Сотни его учеников помнят его как учителя математики, физики и астрономии. Школа № 2 города Рязани теперь носит имя Александра Солженицына.

И ещё о Солженицыне как учителе: 4 сентября 2008 года Департамент государственной политики в образовании Министерства образования и науки Российской Федерации, назвав Александра Исаевича Солженицына **символом русской культуры XX века**, призвал расширить изучение его творческого наследия.

Теперь есть надежда, что число уроков Александра Исаевича возрастет в каждой школе России!

Такова судьба Солженицына-Учителя.

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 499.

Урок 2. Судьба воина

Судьба Солженицына — командира батареи звуковой разведки (БЗР – 2), награждённого за боевые заслуги орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, а также представленного к ордену Красного Знамени, — оказалась близкой и родной судьбам очень многих российских солдат и офицеров, которые во время Великой Отечественной войны защищали нашу Родину, а после войны или даже до её окончания были репрессированы.

Капитан Советской Армии Александр Солженицын был арестован 9 февраля 1945 года, и о победном окончании войны он догадался по салюту в 40 залпов, услышанному в камере тюрьмы на Лубянке.

Каким же был воинский путь капитана Солженицына?

Физико-математический факультет Ростовского государственного университета Александр Солженицын окончил за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 года, приехав на летнюю сессию в Московский институт истории, философии и литературы, Солженицын услышал по радио страшное известие о начале войны.

В Первую мировую войну отправился добровольцем на фронт отец Александра Солженицына. Добровольцем хотел идти на фронт и Александр Солженицын во Вторую мировую. Обратившись в ростовский военкомат, он получил отказ и вскоре был определён учителем в школу города Морозовска Ростовской области.

Но в школе ему довелось поработать совсем недолго. 16 октября 1941 года учитель математики Александр Солженицын получил мобилизационную повестку в военкомат. Как человек, имеющий высшее физико-математическое образование, он был направлен на артиллерийские курсы в город Семёнов Горьковской области. По окончании курсов в звании лейтенанта Солженицын был определён в 794-й Отдельный армейский разведывательный дивизион.

5 декабря 1941 года молодой офицер, минуя командование взводом, был назначен заместителем командира звуковой батареи, а 21 декабря — командиром звукобатареи.

В декабре 1943 года Солженицын участвует в боях за освобождение Ростова. В июле 1944 года в составе 63-й армии — в прорыве на Орловском направлении. **15 августа 1943 года за успешное руководство выявлением группировки артиллерии фашистских войск командиру батареи Александру Солженицыну был вручён орден Отечественной войны II степени.**

В сентябре 1943 года Солженицыну было присвоено звание старшего лейтенанта, а 7 мая 1944 года маршалом К.К. Рокоссовским был подписан приказ о присвоении ему звания капитана. **12 июля 1944 года за взятие города Рогачёва капитан Солженицын был награждён орденом Красной Звезды.**

27 января 1945 года капитан Солженицын участвует в боях в Восточной Пруссии. Во время операции против контратаки немецких войск он выводит свою батарею из вражеского окружения. **1 февраля 1945 года за героический**

вывод батареи из окружения капитан Солженицын был представлен к ордену Красного Знамени.

До Дня Победы оставалось всего три месяца, когда в судьбе капитана Солженицына наступил внезапный перелом. 9 февраля 1945 года под городом Вормдигтом (Восточная Пруссия) он был арестован армейской контрразведкой СМЕРШ («смерть шпионам»).

Как так?! Что это?! Русского офицера, ценой своей жизни защищавшего Родину, хватают как врага! Арестовывают! Бросают в тюрьму! И заочно, то есть без суда, приговаривают к восьми годам лагерей...

В биографической поэме «Дороженька», сочинённой в лагере, аресту посвящены такие строки:

Ваш пистолет!... Естественно
Я понял, я готов:
Задание ответственно,
И хочет соответственно
Оружие проверить сам Грузнов.

Кольцо снимаю с тренчика,
Из кобуры — ТТ
И с приузком ременчатым
Дружочка неизменчива
Кладу пред генералом в простоте.

Взят бережно. Положен он
В глубь ящика стола...
Искорчены! — восторжены! —
Метнулись два, как коршуны,
Из группы напряжённой из угла!

Ещё не понял, — что они? —
За пояс! За звезду! —
«Молчать!! Вы арестованы!!!» —
Рукой натренированной
Погоны отрывая на ходу.

Весь мир дрогнул, расщепленный! —
«Я???» — Бездна наголо...
Карманы растереблены.
Миг — холод. Миг — оттеплина.
И грудь. И лоб. И щёки мне ожгло:

«За что??» — ход мысли тореный
Минуть и мне невснос —
В доверчивой Истории
Тьма тысяч раз повторенный,
Ни разу не отвеченный вопрос...¹

¹ Александр Солженицын. Протеревши глаза: Сборник. М.: «Наш дом — L'Age d'Homme», 1999. С. 152.

Не меньшим потрясением для капитана Солженицына было смелое поведение его непосредственного начальника — командира бригады полковника Травкина.

Едва смершевцы кончили «потрошить» арестованного капитана, комбриг вдруг дал «сказочную», то есть немислимую в присутствии арестовываемых, команду:

— Солженицын. Вернитесь!

«И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось — стыдом ли за своё подневольное участие в грязном деле? порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из мешка, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжёлых орудий, я вывел почти что целой свою разведбатарею — и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

— У вас... — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслыханную опрометчивость комбрига (а политотдельцы — и готовясь дать на комбрига материал). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждать мне опасности.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда мне её не протягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с отеплённостью всегда сурового лица сказал бесстрашно, отдельно:

— Желаю вам — счастья — капитан!

Я не только не был уже капитаном, но я был разоблачённый враг народа (ибо у нас всякий арестованный уже с момента ареста и полностью разоблачён). Так он желал счастья — врагу?..

Дрожали стёкла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах, напоминая, что этого не могло бы случиться там, глубже на нашей земле, под колпаком устоявшегося бытия, а только под дыханием близкой и ко всем равной смерти»¹.

Не поверил комбриг полковник Травкин обвинению, возлагаемому на его боевого товарища — командира звукобатареи капитана Солженицына! И как бы предчувствуя, что не будет над Солженицыным праведного суда, своим поведением и своими словами дал **свои** свидетельские показания. Веками на Руси у людей воспитывалось прекрасное чувство — страх Божий. Это чувство напоминало человеку, что всё видит Бог. И пред Богом надо поступать не по лжи, даже если это грозит в этой жизни неудобствами или наказаниями от людей.

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования: В 3 кн. Ч. I–II. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 34–35.

И если бы этот арест был единственным и просто ошибочным случаем той страшной военной поры! Оказавшись в тюрьмах и лагерях, орденоносный капитан Советской Армии открывает для себя совершенно иной мир и иную жизнь. Его, фронтовика, как и других политзаключённых, уголовники встречают злонасмешливыми возгласами: «Фашистов привезли!»¹. И из повести «Один день Ивана Денисовича» хорошо видно, какая горькая участь ожидала в лагере невинно осуждённых фронтовиков.

Свой срок капитан Солженицын отбывал *от звонка до звонка*. Но он всегда твёрдо верил, что рано или поздно беззаконие раскроется и он будет реабилитирован.

В июне 1947 года заключённый Солженицын составляет ходатайство на имя Генерального прокурора СССР о пересмотре дела. Бесплезно! 5 сентября он получает известие, что ходатайство о пересмотре дела «оставлено без удовлетворения».

В сентябре 1955 года ссыльный Солженицын пишет заявление на имя Н.С.Хрущёва о снятии ограничений на передвижения. 24 февраля 1956 г. он вновь пишет заявление на имя Н.С.Хрущёва, а также письма заместителю председателя Совета министров СССР А.И.Микояну, министру обороны маршалу Г.К.Жукову, Генеральному прокурору СССР Р.А.Руденко, настаивая на полной реабилитации и возвращении боевых наград.

В апреле 1956 года после отмены ссылки для осуждённых по 58-й статье Солженицын получает справку из Управления МВД Джамбульской области об освобождении от дальнейшего отбывания ссылки со снятием судимости.

В сентябре 1956 года было возбуждено ходатайство перед Генеральным прокурором СССР об отмене постановления ОСО² в отношении А.И.Солженицына и прекращении его дела.

Наконец 6 февраля 1957 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР капитан Александр Солженицын был реабилитирован.

Битва с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны была ни самой опасной, ни самой долгой битвой для русского офицера Александра Солженицына. Более длительной по времени, более изнурительной и более опасной для его жизни стала борьба в ГУЛАГе и борьба за правду после выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича».

В 1974 году писателя изгнали из СССР.

И лишь 17 сентября 1991 года Генеральный прокурор СССР объявил о прекращении дела по статье 64 УК РСФСР («измена Родине»), возбуждённого в 1974 году, **за отсутствием состава преступления.**

Солженицын-Воин выстоял и в этой битве. Выстоял и стал победителем.

¹ Глава шестая части третьей «Архипелага» так и называется: «Фашистов привезли».

² ОСО — Особое Совецание при НКВД СССР.

Урок 3. Судьба писателя

Один художник мнит себя творцом независимого духовного мира, и взваливает на свои плечи акт творения этого мира, населения его, объемлющей ответственности за него, — но подламывается, ибо нагрузки такой не способен выдержать смертный гений; как и вообще человек, объявивший себя центром бытия, не сумел создать уравновешенной духовной системы. И если овладевает им неудача — валят её на извечную дисгармоничность мира, на сложность современной разорванной души или непонятливость публики.

Другой — знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога, хотя ещё строже его ответственность за всё написанное, нарисованное, за воспринимающие души.

Из Нобелевской лекции А. И. Солженицына

Из русских писателей XX века судьба Александра Исаевича Солженицына — самая необыкновенная.

Литературным творчеством Александр Солженицын увлёкся ещё в школьные годы: он писал рассказы, повести и стихи. Писал с девяти лет!

В 1936 году, по окончании с золотым аттестатом средней школы № 2 Ростова-на-Дону, он поступил на физико-математический факультет Ростовского государственного университета. И в ноябре того же года у него возник замысел романа о русской революции — «Р – 17» с точкой отсчёта в августе 1914 года, когда началась Первая мировая война.

Будучи студентом физико-математического факультета Ростовского университета, летом 1939 года Солженицын был принят без экзаменов в экстернат искусствоведческого факультета Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). 22 июня 1941 года, приехав в Москву на летнюю сессию, он услышал по радио о начале Великой Отечественной войны.

Будучи офицером, Солженицын не оставлял литературных занятий и на фронтах Великой Отечественной: писал военные повести, историко-философские письма друзьям, вёл «Военные блокноты».

В заключении, не имея возможности записывать и хранить свои сочинения на бумаге, он для лучшего запоминания рифмовал их и *прятал в память*. Натренировав свою память, писатель запоминал тысячи строк!

В 1953 году в казахстанской ссылке, живя, по его собственному выражению, «строго одинокой жизнью», Солженицын, «автор двенадцати тысяч строк, спрятанных в памяти, получил возможность не только записывать сочинения, но и дорабатывать их, держать в руках мелко-мелко исписанные листы. И это уже было несомненное счастье»¹.

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 398.

Очень много произведений Солженицын успел написать, работая школьным учителем в ссылке и после реабилитации. Но к сорока восьми годам своей жизни писатель смог опубликовать всего четыре произведения:

1. «Один день Ивана Денисовича» («Новый мир». № 11. 1962).
2. «Матрёнин двор» («Новый мир». № 1. 1963).
3. «Случай на станции Кочетовка» («Новый мир». № 1. 1963).
4. «Для пользы дела» («Новый мир». № 7. 1963).

В Союз писателей РСФСР Солженицына приняли после ошеломляющего успеха «Одного дня Ивана Денисовича». Приняли даже без личного заявления и поручительства других писателей.

Однако очень скоро — уже с середины марта 1963 года — началась травля писателя, а также начались нападки на журнал «Новый мир», главным редактором которого был замечательный поэт Александр Трифонович Твардовский, открывший произведениям Солженицына через журнал «Новый мир» дорогу к читателю.

В 1966 году в журнале «Новый мир» (№ 1) был напечатан ещё один рассказ Солженицына — «Захар Калита».

Однако после IV Съезда советских писателей, состоявшегося в мае 1967 года, надежд на то, что ещё какой-нибудь литературный журнал в СССР осмелится печатать произведения Солженицына, не оставалось.

Почему же книгам Александра Исаевича был поставлен заслон, в то время как в стране выходило в свет бесчисленное множество произведений других писателей?

В учёном мире есть такой термин — «парадигма» (в переводе с греческого — «пример», «образец»). Этим словом американский исследователь Томас Кун обозначил *совокупность концептуальных, методологических и метафизических предпосылок, воплощённую в традицию научного исследования*. Например, смена одной парадигмы другой, по мнению Куна, совершилась при переходе от классической физики к квантовой теории и теории относительности. При смене парадигмы по-новому формулируются и основные научные понятия (аксиомы), а прежде известные в науке положения приобретают новую интерпретацию. Смена парадигмы никогда не происходит безболезненно.

Десятки лет в СССР над понятием «русская литература» доминировало понятие «советская литература». Парадигма советской литературы определялась принципами так называемого социалистического реализма, с помощью которых догматизировались идеи революции. Сколь-нибудь серьёзная критика революции практически не допускалась.

Поскольку произведения Солженицына развенчивали революцию, то литературная парадигма соцреализма долго и отчаянно сопротивлялась его творчеству. Солженицын является русским, а не советским писателем. Вот почему его сочинения, едва появившись, были запрещены, а потом долгое время распространялись через Самиздат и публиковались лишь за границей.

Обращаясь к IV Съезду писателей СССР, Солженицын писал:

«Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — ещё успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение её я готов принять и смерть. Но, может быть, многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни? Это ещё ни разу не украсило нашей истории»¹.

Текст своего бесстрашного письма Александр Исаевич не только официально передал в секретариат съезда, но и заранее разослал его участникам съезда — самим писателям.

Солженицын требовал ни много ни мало — свободы творчества, свободы печати, то есть отмены цензуры! Во время съезда некоторые писатели подавали в секретариат записки, в которых умоляли руководителей съезда обсудить письмо Солженицына. Около ста писателей поддержало Солженицына: 84 поставили свои подписи под коллективным письмом съезду и 15 человек обратились в личных телеграммах и письмах². Но с трибуны об этом письме сказать никто не осмелился...

IV Съезд писателей состоялся в мае 1967 года, а 4 ноября 1967 года на заседании рязанской писательской организации Александр Исаевич был исключён из Союза писателей РСФСР.

Ни один русский писатель за всю историю России не получил столько укоризн, оскорблений и клеветы от собратьев по перу — писателей, сколько их получил Солженицын. Единицы из круга больших писателей радовались за него и поддерживали его. Десятки писателей начинали было хвалить его, но вскоре *перестраивались* и клеймили его позором. И много было таких писателей, которые, руководствуясь партийным принципом в литературе, хором хулили Солженицына, как и велели им делать «сверху».

Если, например, Твардовский чрезвычайно радовался литературному успеху Солженицына, то у иных маститых писателей столь стремительный прорыв в большую литературу вчера ещё никому не известного школьного учителя математики и физики вызвал зависть. Илья Эренбург мрачно предсказывал, что падение Солженицына будет таким же стремительным и громким, как и его взлёт. Но предсказанию Эренбурга не суждено было исполниться.

8 октября 1970 года Нобелевский комитет присуждает Александру Исаевичу Солженицыну премию по литературе за 1970 год. С формулировкой: **«За ту нравственную силу, с какой он развивает бесценные традиции русской литературы»**.

В чём сила писателя Солженицына?

Вениамин Александрович Каверин на обсуждении в Центральном Доме литераторов «Ракового корпуса» (1966 г.) сказал, что сила таланта Александра Исае-

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 584.

² Александр Солженицын. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Paris: YMCA-PRESS, 1975. С. 181.

вича Солженицына заключается не только в умении воплотить пережитое, не только в высочайшем литературном искусстве, «у Солженицына есть две драгоценные черты, к которым должен присмотреться каждый работающий в литературе: внутренняя свобода и могучее стремление к правде»¹.

Александр Исаевич обладал подлинной духовной свободой, которая позволяла ему всегда оставаться самим собой.

К 85-летнему юбилею писателя было сказано: «Нет другой такой судьбы в литературе, как у него, а самое важное — он остался самим собой; самая-то правда в том, что не играл ведь он в азартные игры этого века, а потому и не проигрался!»² Его книги справедливо были названы «самыми запретными в этом (XX) веке, но и самыми свободными книгами»³.

В ноябре 2007 года вышли в свет первый, седьмой и восьмой тома 30-томного Собрания сочинений Александра Исаевича Солженицына. В первом томе помещены рассказы и «Крохотки». А седьмым и восьмым томами начато издание «Красного Колеса» — произведения, которое писатель считал главной литературной задачей своей жизни.

Сам автор успел отредактировать в издающемся Собрании сочинений более трети томов. Продолжает эту работу бессменный редактор изданий его трудов — Наталья Дмитриевна Солженицына.

Кинорежиссёр А. Сокуров, снявший фильм об Александре Исаевиче, описывает рабочее место писателя так: «На столах у него разложены разные источники, разные документы, бумаги, с которыми он постоянно работает. Стол завален ручками, карандашами — их десятки. Каждая ручка для чего-то предназначена. Один карандаш используется для каких-то запятых. Другая ручка — ещё для чего-то. А затем рукопись, которая проходит многократное прочтение, поступает с этими пометами к Наталье Дмитриевне, она и разбирается с текстом, задаёт вопросы, проводит работу со словарями и только затем предлагает ему конечный вариант»⁴.

В сентябре 2008 года в Москве проходила ежегодная Московская международная книжная ярмарка. Одним из наиболее ярких событий этой ярмарки стал Круглый стол «**XX век в творчестве Солженицына**». Участники Круглого стола, как и все посетители книжной ярмарки, имели счастливую возможность познакомиться с выставкой, посвящённой жизненному пути и творчеству Александра Исаевича.

На выставке экспонировались 222 книги писателя на 30 языках — книги, которые вышли в 70-ти издательствах мира. Эту уникальную книжную выставку

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 575.

² Павлов О. Солженицын — это Солженицын // «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 80.

³ Там же. С. 81.

⁴ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 886–887.

сопровождали огромные фотографии писателя, свидетельствующие о его жизненном пути: с детства — до последних лет.

Александр Исаевич никогда не отвечал на вопрос, над чем он *в настоящее время* работает. «То, над чем сейчас работаю, ещё не существует. А чего нет, того и нет. Вот напишу, напечатаю — тогда и узнается»¹. Так говорил писатель, десятилетиями вынашивавший обширные литературные замыслы и планы и успешно осуществивший их.

Работал Солженицын до последнего дня жизни...

Такова судьба Писателя, некогда сказавшего:

«У писателей, озабоченных правдой, жизнь и никогда проста не бывала, не бывает (и не будет)».

Общее заключение к трём урокам, посвящённым памяти А. И. Солженицына

Судьба Солженицына-писателя неотделима от судьбы Солженицына-учителя и Солженицына-воина.

Литературный талант проявился у него с детских лет.

На фронт он был призван из школы, в которой преподавал математику.

Будучи офицером действующей армии, не оставлял литературных занятий и на фронте.

Находясь в лагере, ни на один день не прекращал создавать произведения, хотя ему больше приходилось их запоминать, чем писать.

Попав из лагеря в ссылку, вновь стал учить детей математике, физике, астрономии.

Будучи школьным учителем, он написал самые знаменитые рассказы и ряд других выдающихся произведений.

Став всемирно известным писателем, он, как отважный воин, продолжал стоять за правду.

Все три грани служения Богу, Отечеству и людям писателя Александра Исаевича Солженицына объединяет его любимая заповедь — *жить по правде, а не по лжи*.

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 887.

«КРОХОТКИ»

Учебно-методическая разработка урока литературы для учащихся 5 класса

Цель урока: раскрыть духовно-нравственное содержание «Крохоток» А.И.Солженицына; на их основе научить учащихся в привычных, обыденных явлениях видеть их внутреннюю сторону и нравственный смысл.

Задачи урока: 1) познакомить учащихся с маленькими рассказами писателя; 2) провести обсуждение прочитанного.

Оформление класса: на доске слева — портрет А.И.Солженицына; справа записаны слова: *любомудрие* (слав.); *философия* (греч.); «Крохотки» — *очень маленькие рассказы*.

Раздаточный материал: тексты трёх рассказов А.И.Солженицына — «Дыхание», «Способ двигаться», «Утёнок».

В основе урока — тексты маленьких рассказов Александра Исаевича Солженицына, которые сам писатель назвал «Крохотками». Они были написаны писателем в периоды с 1958 по 1960 год и с 1996 по 1999 год. Будучи изгнанным из Отечества (13 февраля 1974 – 25 мая 1994), Солженицын не писал «Крохоток». Передавая в 1996 году в редакцию «Нового мира» свои новые маленькие рассказы, Александр Исаевич отмечал: «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там — не мог...» («Новый мир». 1997. № 1. С. 99). «Крохотки», написанные им по возвращении в Россию, были напечатаны в журнале «Новый мир» (1997. № 1, 3, 10; 1999, № 7).

«Крохотки», созданные им ранее (1958–1963 гг.), сначала распространялись Самиздатом. В 1964 году писатель дал эти зарисовки-размышления некоторым друзьям, а те в свою очередь стали переписывать и передавать их своим друзьям. Впервые эти маленькие рассказы были напечатаны в 1964 году в Германии (во Франкфурте-на-Майне) в журнале «Грани» (№ 56. С. I–XI).

В 30-томном Собрании сочинений А.И.Солженицына «Крохотки» помещены в первом томе издания (Т. 1. М., 2007. С. 529–571. Комментарии: с. 659–666). В хрестоматии настоящего выпуска «Источниковедения в школе» на с. 90–91 приведены тексты ещё двух «Крохоток» А.И.Солженицына: «Колокол Углича» и «Колокольня», которые учитель также может использовать в ходе проведения урока.

Ход урока

Учитель: Дорогие дети! *Сегодняшний наш урок посвящён — «КРОХОТКАМ».*

«Крохотками» русский писатель Александр Исаевич Солженицын назвал свои маленькие рассказы. Многие из этих рассказов совсем коротенькие — меньше одной странички.

В этих рассказах необычно всё!

Во-первых, удивляют названия некоторых рассказов.

Например:

- «**Дыхание**»,
- «**Отражение в воде**»,
- «**Способ двигаться**».

Есть среди «Крохоток» и рассказы с обычными названиями:

- «**Утёнок**»,
- «**Шарик**»,
- «**Старое ведро**».

Есть «крохотки» — совсем без названий.

Что же больше всего удивляет в этих рассказах?

Прежде всего — необычный взгляд писателя на обычные и, казалось бы, вполне привычные вещи, явления, случаи из жизни, вдруг затронувшие душу художника и подвигнувшие его взяться за перо...

Удивительно и завершение каждого из этих маленьких рассказов, которое почти неприметно укладывается в последнем абзаце, или предложении, или слове. Но цена этим завершениям — необычайно велика!

Можно ли найти «ключик» к этим необычным рассказам Александра Исаевича?

Можно! Есть, дорогие дети, в церковнославянском языке замечательное слово ЛЮБОМУДРИЕ. Любо-мудрие — значит «любовь к мудрости». В наше время это слово употребляется очень редко. Но вам должно быть известно греческое слово, от которого образовано слово «любомудрие».

Какое это слово? — ФИЛОСОФИЯ!

Да, славянское слово «люб-о-мудрие» является калькой, то есть «отпечатком», сделанным с греческого термина «фил-о-софия», что значит — «любовь к мудрости».

ЛЮБОВЬ К МУДРОСТИ — это и есть подлинная философия жизни. Любомудрие позволяет человеку видеть не только внешнюю сторону вещей, явлений, событий, обстоятельств. Любомудрие помогает человеку подметить и нечто за пределами видимых предметов или внешних обстоятельств жизни. Любомудрие как компас: за повседневной суетой и нарастающими проблемами оно помогает не утратить главные ориентиры — цель и смысл жизни.

Поэтому и мудрые «Крохотки» Александра Исаевича могут стать для нас своеобразным компасом, помогающим преодолеть обыденные взгляды, мнения, суждения, или, как говорят — стереотипы.

«Крохотки» — это очень маленькие рассказы, за урок мы постараемся прочесть и обсудить три таких рассказа.

Цикл «Крохотки» открывается рассказом «**Дыхание**», написанным Солженицыным ровно 50 лет тому назад — в 1958 году. Тогда он преподавал физику и астрономию в школе № 2 города Рязани, а всё свободное от школьных занятий

время писал свои произведения. Впрочем, его ученики даже и не знали, что физику и астрономию им преподаёт писатель.

Чтобы понять первую «крохотку», надо вспомнить, что много лет Александр Исаевич провёл в тюрьмах и лагерях: он был одним из миллионов несправедливо осуждённых, репрессированных. С момента освобождения его из лагеря прошло всего года два. Он всё ещё не привык дышать свободным воздухом. В это время он проходит лечение в рязанской онкологической клинике от смертельного заболевания, которое постигло писателя в лагере. И вот после одной, казалось бы, обычной прогулки в тетради писателя появляется следующий рассказ.

Учитель читает детям рассказ «Дыхание».

У каждого ученика на столе — текст этого рассказа.

Дыхание

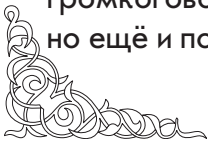

Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка.

Я стою под яблоней отцветающей — и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочат после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми лёгкими, ощущаю аромат всею грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми — не знаю, как лучше.

Вот, пожалуй, та воля — та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоённого цветением, сыростью, свежестью.

Пусть это — только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов. Я перестаю слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней — можно ещё и пожить!

После прочтения рассказа учитель проводит беседу с детьми, предлагая им ответить на ряд вопросов:

- Почему рассказ называется «Дыхание»?
- Какие чувства испытывает главный герой этого рассказа?
- Найдите предложение, в котором заключена главная мысль автора.

(Дети дают свои варианты ответов.)

Учитель: А теперь давайте поразмышляем вместе.

Ценим ли мы глоток чистого воздуха? Неужели человеку надо лишиться свободы, чтобы потом, вновь оказавшись на свободе, полноценно почувствовать её дыхание?!

Другой важный элемент рассказа — это окружающий писателя мир. В маленьком садике, зажатом между неестественными для проживания человека пятиэтажками, писатель перестаёт (!) слышать «стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей».

А как же мы? Мы, к сожалению, не умеем ценить ни свежего воздуха свободы, ни тишины. Часто мы даже не задумываемся о том, а может ли вообще быть что-нибудь слаще воздуха свободы! Мы уже почти привыкли и к тому, что жуткий шум несётся на нас из открытых окон, от мотоциклов (байкеры!), от лавины дико мчащихся автомобилей, и чаще всего даже не пытаемся защитить свои души от этого ужаса.

Вот какие серьёзные вопросы помогает нам поставить писатель в этой «крохотке»!

Давайте послушаем второй рассказ.

Способ двигаться

Что́ был конь — играющий выгнутою спиной, рубящий копытами, с размётанной гривой, с разумным горячим глазом! Что́ был верблюд — двугорбый лебедь, медлительный мудрец с усмешкой познания на круглых губах! Что́ был даже черноморденький ишачок — с его терпеливой твёрдостью, живыми ласковыми ушами!

А мы избрали?.. — вот это безобразнейшее из творений Земли, на резиновых быстрых лапах, с мёртвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком. Оно не проржёт о радости степи, о запахах трав, о любви к кобылице или к хозяину. Оно постоянно скрежещет железом и плюёт, плюёт фиолетовым вонючим дымом.

Что ж, каковы мы — таков и наш способ двигаться.

После прочтения рассказа учитель предлагает детям ответить на вопрос:

— Что вы можете сказать о столь известном нам предмете, как автомобиль, и о передвижении на нём?

(Дети дают свои варианты ответов.)

Учитель: Читая рассказ «Способ двигаться», задаёшься вопросом: «Если так писатель изобразил легковой автомобиль 50 лет тому назад, то что он написал бы

сейчас, когда автомобиль стал настоящим кумиром, пожирающим огромную массу денег и жертв и ежедневно запирающим миллионы своих почитателей в дорожных „пробках“»?!

В современной телерекламе автомобиль может вдруг превратиться и в коня, и в тигра, и в любое другое движущееся живое существо. К чему такая реклама? Рекламодатели личину «безобразнейшего из творений» рук человеческих, «на резиновых быстрых лапах, с мёртвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком», стараются подменить образом прекрасного живого существа. Будто, прочитав рассказ «Способ двигаться», они с помощью компьютерных технологий пытаются доказать миру обратное. И горбатый железный ящик на телеэкранах вмиг превращается в прекрасного коня! Делается это, конечно, для того, чтобы производитель мог больше продать автомобилей. Но когда процветает культ автомобиля, то уже не автомобиль служит человеку, а человек становится рабом автомобиля.

«Что ж, каковы мы — таков и наш способ двигаться.» Такими словами Александр Исаевич заканчивает этот маленький поучительный рассказ.

* * *

И наконец, читаем и слушаем третий рассказ.

Учитель читает детям рассказ «Утёнок».

Утёнок

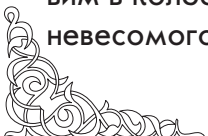
Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегают передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик — перевёрнутую корзину без дна — отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чём тут держится душа? Не весит нисколько, глазки чёрные — как бусинки, ножки — воробьиные, чуть-чуть его сжать — и нет. А между тем — тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, — за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! — никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, — не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...

После прочтения рассказа учитель проводит беседу с детьми, предлагая им ответить на вопрос:

– О чём заставляет задуматься этот рассказ?

(Дети дают свои варианты ответов.)

Учитель: Этот рассказ побуждает задуматься о другом культе современного общества — культе роботов.

Сколько роботов изобрёл человек! И чего эти роботы только ни делают! Помимо тех механизмов, которые необходимы для выполнения опасных и тяжёлых работ, учёные неукротимо изобретают всё новых и новых причудливых роботов.

Великие шахматисты играют с роботами в шахматы, как будто сами себе хотят доказать бессмысленность этой древней человеческой игры.

Японские роботоизобретатели «учат» свои изделия работать в качестве прислуги для человека.

Некоторые учёные делают попытки «смонтировать» роботов, которые были бы способны чувствовать как человек.

Фантасты снимают фильмы-ужасы, в которых роботы, чрезвычайно «поумнев», выходят из-под контроля человека, берут власть над ним и начинают угнетать всё человечество.

Какое умопомрачение!

А чуткий писатель как бы в ответ всем говорит:

«Со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, — не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...»

* * *

Итак, мы прочли три коротеньких рассказа. А сколько они пробуждают мыслей!

Заканчивая урок, посвященный «Крохоткам» Александра Исаевича Солженицына, давайте помечтаем.

В школе имеется целый ряд учебных предметов, название которых оканчивается на **-ведение**. Например: *природоведение, обществоведение, краеведение, Родиноведение*, в Москве — *Москвоведение* и другие.

Но вот уроков **Доброведения**, к сожалению, в школе пока нет. А ведь всем нам надо *знать-ведать*: где добро и где зло, где правда, а где ложь, где красота, а где безобразие. Это только кажется, что всё понятно и без таких уроков. Жизнь ежедневно показывает, что это не так.

И если когда-нибудь в школе появится такой учебный предмет — **Доброведение**, то одним из первых учебных пособий по этому духовно-нравственному предмету могут стать «Крохотки» Александра Исаевича Солженицына.

Всего им написано 30 таких коротеньких рассказов. Кто пожелает, может прочесть все «Крохотки» и до того, как появится в школе такая необычная учебная дисциплина. А если прочтёт, то, возможно, научится подмечать за внешней стороной предметов и событий их глубокий жизненный смысл.

Дорогие дети!

Если кто-либо из вас в привычных вещах или событиях вдруг заметит нечто необычное, то сам может попробовать написать об этом крошечный рассказ. Только нужно знать и помнить, что написать хороший маленький рассказ гораздо труднее, чем написать пространное сочинение на заданную тему. Ведь прочитанные нами «Крохотки» — это зрелые плоды любознательности нашего замечательного русского писателя Александра Исаевича Солженицына.

Домашнее задание

К следующему уроку, кто желает, пусть напишет «крохотку» — необычный маленький рассказ-наблюдение.

НЕОБЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Урок русского языка для учащихся 6–7 классов

Дорогие друзья! *Тема сегодняшнего урока: «Необычный словарь русского языка».*

При изучении любого иностранного языка, например английского, вам не обойтись без словаря по этому языку. Вы заглядываете в словарик, помещённый в конце учебника, а порой ищете нужное вам слово в больших словарях.

Русский язык каждый из нас познаёт с первых же мгновений жизни, потому что мы постоянно его слышим. Будучи младенцами, мы ещё не знаем ни учебников, ни словарей, но за первые четыре-пять лет своей жизни постигаем огромное количество слов родного языка — пожалуй, не меньше, чем узнаём в течение всей последующей жизни.

К школе мы уже знаем так много русских слов, что можем начинать изучать не только русский язык, но и другие предметы. А поскольку мы свободно говорим на русском языке, то нам порой кажется, что мы знаем все слова русского языка. Однако это далеко не так!

Если мы возьмём любой словарь русского языка, а таких словарей довольно много, то увидим, что есть немало слов, которых мы совсем не знаем и которыми не пользуемся. А между тем, эти слова активно употреблялись и употребляются людьми, живущими в других местностях, людьми других профессий, либо использовались людьми другого времени — нашими предками. У некоторых слов мы обнаружим неизвестные нам значения. Таким образом, неизведанного в родном языке окажется очень много!

Среди многочисленных словарей русского языка, прежде всего, следует называть **словари орфографические**: в них указывается, как правильно пишется

1. Учителю русского языка, который проводит урок по данной теме, кроме знакомства с «РУССКИМ СЛОВАРЁМ языкового расширения», составленным А.И.Солженицыным (М.: Наука, 1990. 272 с.), желательно знать и другие работы писателя на тему сохранения русской языковой культуры. Так, в «Некоторых грамматических соображениях», написанных А.И.Солженицыным в 1977–1982 гг., содержится прекрасный материал для учителя русского языка, безразлично относящегося к неясностям и недостаткам действующей русской орфографии. Например, об уничтожении буквы *ѣ* писатель отзывается так: «Я больно ощущаю ещё эту последнюю потерю нашего языка, даже не подневольную, но от небрежности и от потери интереса, только». «Не признавать её — значит содействовать расхождению написания и произношения» (Александр Солженицын. Публицистика: В 3-х тт. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: «Верхняя Волга», 1997. С. 524–538).

2. Перед началом урока в классе желательно приготовить небольшую книжную выставку из имеющихся книг писателя, на которой в первую очередь необходимо представить «Русский словарь языкового расширения», а также один из томов Собрания сочинений А.И.Солженицына в 30 томах. Состав этого Собрания сочинений см. на с. 137 настоящего журнала.

то или иное слово. Существуют **словари этимологические**, в которых содержатся сведения о происхождении слов. Бывают **словари толковые**: в них приводятся различные значения и оттенки того или иного слова. Классический «Толковый словарь живого великорусского языка» составлен замечательным учёным Владимиром Ивановичем Далем, жившим в России в XIX веке.

Но сегодня мы будем говорить о необычном словаре. Это — **«РУССКИЙ СЛОВАРЬ языкового расширения»**. Он был завершён русским писателем Александром Исаевичем Солженицыным в 1988 году и увидел свет в 1990 году. В этом словаре приведены редко употребляемые и давно забытые слова.

Прежде чем мы начнём знакомиться с этим удивительным словарём, необходимо хотя бы вкратце сказать о жизненном пути писателя, предпринявшего столь необычный труд.

Родился Александр Исаевич Солженицын в городе Кисловодске 11 декабря 1918 года, а окончил свой земной путь 3 августа 2008 года в Троице-Лыково под Москвой. 11 декабря 2008 года исполняется 90 лет со дня его рождения.

Александр Исаевич написал много замечательных книг. Но довольно долго его книги в нашей стране были запрещены и распространялись тайно. Почему же запрещалось читать его книги?

По окончании университета Александр Солженицын готовился стать учителем, собирался преподавать в школе математику. Но началась Великая Отечественная война, и он пошёл на фронт. Став артиллеристом, командиром батареи, он участвовал во многих боях, получил высокие боевые награды. Однако в феврале 1945 года, когда война уже близилась к концу, по политическим обвинениям он был арестован, прямо на фронте. Лишь в 1956 году писатель был освобождён из заключения, а в следующем году — реабилитирован, то есть признан совершенно невиновным.

Страдания людей, свидетелем которых писатель стал в пройденных им тюрьмах и лагерях, он описал в большом произведении «Архипелаг ГУЛАГ». Что означает это название? ГУЛАГ — это Главное управление лагерями. Архипелаг — это образ материка, который десятки лет был покрыт густой сетью «островов»-лагерей. По выражению самого писателя — «страна ГУЛАГ, географией разодранная в архипелаг, но психологией скованная в континент, — почти невидимая, почти неосязаемая страна, которую населял народ эков»¹. В этих лагерях вместе с уголовными преступниками томились и политические заключённые.

Сам пострадав и став свидетелем тяжких страданий тысяч других невинных людей, писатель сформулировал главную заповедь своей жизни: **«Жить не по лжи»**. Боль и страдания своего народа Солженицын запечатлел в своих книгах. И правда, отражённая в них, оказалась настолько горькой и страшной, что те, кто хотел скрыть от народа эту правду и кого обличали книги Солженицына, не решаясь вновь упрятать писателя за решётку, выслали его из Отечества. Через

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 4. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 1, 2. М.: ТЕРРА, 1999. С. 8.

20 лет, в 1994 году, писатель вернулся на Родину. А ещё раньше, лет за пять до его возвращения, в России начали печатать его книги.

«Русский словарь языкового расширения» — одна из самых необычных книг Солженицына и, пожалуй, один из редких словарей русского языка. Мы уже называли главную заповедь, которой руководствовался писатель: «*Жить не по лжи*». Как же писатель смог её выразить средствами того уникального лексического материала, который собран в его словаре?

Откроем этот словарь. В нём есть слово *маловѣстие*, означающее ‘недостаток вестей’. Многие современники Солженицына были оторваны от родной старины, от народной жизни, которой жили русские люди на протяжении многих веков, от богатой истории и культуры своего народа, так как мало что знали о них. Но они были оторваны и от реальной действительности, потому что никто не говорил вслух правду о миллионах невинно осуждённых узников — своих сограждан.

Солженицын взял на себя подвиг *возвестить* правду о преступлениях против России, против её народа, её истории в эпоху, когда многие соотечественники писателя не знали всей этой правды. Произведения Александра Исаевича несли людям *весть* о множестве мучеников тюрем и лагерей в нашей стране, тем самым сохраняя для истории свидетельства о страданиях и гибели невинно осуждённых людей — тех, кого он видел сам и о ком ему рассказывали. Десятки лет писатель тщательно изучал историю России XX века, сравнивал её с дореволюционным периодом и вынужден был сделать выводы не в пользу XX века.

Кроме того, Александр Исаевич как писатель остро чувствовал, что русские люди оторваны не только от своей веры, истории и богатейшей культуры, но — и от **своего родного языка**. А ведь язык — это то, что отличает один народ от другого, и то, без чего не может быть народа. Не случайно ведь в древности слово «язык» означало и сам народ, на этом языке говорящий. Вспомним известные пушкинские строки:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык —
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Не может быть полноценной жизни народа, если утрачен или исковеркан его родной язык.

Будучи много лет в заключении и выполняя там тяжёлые подневольные физические работы, Александр Исаевич, когда только мог, занимался проработкой «**Толкового словаря живого великорусского языка**» Владимира Даля. Был период лагерной жизни, когда после изнурительных физических работ он занимался со словарём Даля почти ежедневно! Так будущий писатель начинал формировать свой уникальный словарь русского языка, который он составлял «*для всех, кто в нашу эпоху оттеснён от корней языка*». Впоследствии для его пополнения он привлекал словарный запас других русских авторов, прошлого века и современных, а также исторические выражения и слышанное самим автором в разных местах «из коренной струи языка».

Что представляет собой этот словарь?

В словарь вошли: «заброшенные», «изгнанные», «запрещённые» слова, которые писатель хотел спасти от забвения, от утраты их потомками. Сам Александр Исаевич писал о своём словаре: «Тут подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти... а между тем почти целиком заброшенные».

В словаре есть пометы о происхождении слов. Это не только указания на отдалённые, окраинные области России, откуда заимствованы слова — «сибирское», «уральское», «донское», «архангельское» и другие. В словаре есть пометы, указывающие на принадлежность слов тем сферам жизни русского народа, от которых многие современники Солженицына оказались отрезанными почти на целый век: «церковное», «казачье», «песенное», «народное», «старинное» и тому подобное.

«Русский словарь языкового расширения» Солженицына можно назвать ещё *«словарём возможностей русского языка»*. Это не словарь-музей, где выставлено то, что сегодня просто невозможно уже использовать. Писатель не стремился показывать читателю просто набор устаревших слов, раскрывая их древние значения. В предисловии к своему словарю он пишет: «Иногда я предлагаю истолкования, более применимые сегодня, чем полвека назад... В некоторых случаях объяснение не дано для большей свободы использования, простора воображения». Значит, этот словарь призван развивать литературный вкус и чуткость к слову. Словарь учит читателя понимать незнакомые слова, но ведь это слова нашего родного языка! Словарь этот учит понимать русские слова, опираясь на сам русский язык. Тем самым он даёт новую жизнь заново открытым словам. **«Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств»**, — считал Солженицын.

Удивительные вещи пишет он о своём словаре: «Словарь предназначен не для поиска по алфавиту, не для справок, а для чтения, местами подряд, или для случайного заглядывания. <...> Этот словарь имеет цель скорее художественную». Значит, он больше напоминает повесть или, точнее, сборник литературных миниатюр, которые можно читать просто для удовольствия. — Читать, чтобы открывать для себя богатейший мир русского слова, русской жизни, родной истории, **так** как всё это нашло отражение в редких, а потому и драгоценных словах родного языка. Для многих читателей этот мир поначалу может показаться загадочным и неизведанным, а новые слова — весьма необычными. Но их узнавание, разгадывание их значений, поиск ответа на вопрос «Кто и в каких случаях мог это сказать?» может стать интереснейшим исследованием.

Давайте зададим ряд вопросов: Что думали *о правде* и *о лжи* наши предки? Что говорит о правде и о лжи русский язык? Как жить не по лжи?

С этими же вопросами обратимся к «Русскому словарю языкового расширения» и посмотрим, какие слова на эту тему имеются в нём. Оказывается, что таких слов довольно много.

Приведём примеры:

Вза́быль — в самом деле, вправду, подлинно (*вза́быль* говоришь или шутишь?)¹. Быль — это правда, то, что было на самом деле; взаправду — «в-за-быль».

Запра́вский, правский — подлинный, настоящий. Корень здесь **-прав**; заправский — ‘тот, который «по правде», правильный, настоящий’, например: заправский ездок — ‘умелый, настоящий наездник’.

Двойчи́ть. Как вы думаете, что может означать это слово?

Двойчи́ть — говорить двусмысленно, лукавить.

Как же тогда назвать человека, который не раздваивается в своих мыслях и словах? В словаре Солженицына есть замечательное слово **целому́дрый**. Корень здесь имеет противоположное значение: вместо ‘раздваивания’ — ‘целость, цельность, неповреждённость’. Если человек целомудрый — значит, он не **двойчит**, значит, мысль его не повреждена лукавством. А как можно ещё назвать неповреждённую мысль? Неповреждённая — значит ‘здоровая’. Поэтому слову **целомудрый** близко другое слово:

Целоу́мный — здоровомыслящий. У него есть и синоним:

Правомы́слящий — здоровомыслящий.

А как говорили в народе про тех, чья мысль не отличалась здравием?

Худоу́миться — дури́ть, не слушать добрых советов.

Знаете ли вы, что означает слово «буйствовать»? В «Словаре» есть близкое ему по смыслу слово:

Гордыба́чить — дерзко бахвалиться, грубить. Какое яркое слово, в нём слышится и слово «гордыня». Не от гордыни ли — бахвальство, грубость, буйство?

Лжѝветь — становиться лгуном.

Брякоту́н, бряку́н — врун, пустомеля (может брякнуть что угодно, не думая о значимости каждого слова).

Есть в «Русском словаре языкового расширения» и такие слова:

Злоязы́чить,

Дерзосло́вить,

Вредосло́в, вредосло́вец.

Видите, слово, оказывается, способно делать зло, приносить вред. Вот почему Солженицын так внимательно относится к каждому слову!

В «Русском словаре языкового расширения» сохранились слова, которые многих сегодня удивят. Послушайте:

Злому́дрие, злому́дрость, злому́дрое учение,

Лукавому́дрый,

Лжему́дрый.

¹ Здесь и далее в этом уроке курсивом выделен текст словарной статьи из «Русского словаря языкового расширения». Далее следует комментарий учителя.

Мудровáнье — 1. неуместное умничанье; 2. лжемудрое учение.

Оказывается, даже мудрость может нести зло. Конечно, это не настоящая мудрость, а подложная, то есть выдающая себя за мудрость. А на деле — это лукавство и зло. Наши предки чувствовали, что не всякое «учение — свет», есть и «зломудрые учения»!

Как вы помните, не всем словам Солженицын дал истолкования: в некоторых случаях он специально предоставил читателю «свободу использования и простор воображения». Давайте попробуем сами понять, что могут сегодня значить такие слова, как:

Злописáние. Едва ли речь идёт о «грязнописании». Может быть, так назывались книги, содержащие зломудрые учения?

Злообы́чный. Наверное, это слово образовано от старинного слова «обычай», то есть 'образ жизни'. Оно напоминает нам, что злыми бывают не только отдельные поступки, злыми бывают и образ жизни, и привычки, обычаи человека. Злообычным может стать злоимный человек. Кто это?

Зло́имный, зло́имчивый — кто легко перенимает злое.

Человеку, который стремится жить не по лжи, стоит знать все эти слова, чтобы не допускать нравственных ошибок в своей жизни.

Но есть и другие слова, которые были для наших предков как бы подсказками — как жить в соответствии с правдой, как не только говорить, но и нести правду в жизнь. Вот некоторые такие слова:

Всеви́дец, всеве́дец. Эти слова в словаре Солженицына даны как синонимы, и притом тоже без объяснения. Кого мы можем назвать **всевидцем** и **всеведцем**, то есть видящим всех и всё и ведающим, знающим всё и о всех? В старинных русских книгах эти слова употреблялись только применительно к Богу. Не случайно поэтому слово «правосудие» получает такое объяснение: **Правосúдно** — по справедливости, по-Божьему.

Доброра́дство. Что могло значить это слово?

Доброра́дство — противоположно значению слова «злорадство». Слова «злорадство», «злорадно» всем нам хорошо известны. Согласитесь, ведь совсем неплохо расширить свой словарный запас так, чтобы в нём снова появились слова «доброрадство» и «доброрадный» и чтобы они встречались в нашей речи чаще, чем слово «злорадство»? Словарь Солженицына помогает нам и дальше расширить наши представления о «доброрадстве».

Доброра́дный — *доброхотный, о добре радеющий*. Вспомните слово «нерадивый»: **радеть** — значит 'заботиться'; **доброрадный** не тот, кто просто радуется, если кому-то другому хорошо, **доброрадный** сам заботится о других. Посмотрите объяснение: **доброрадный** — *это доброхотный*. Солженицын приводит слово **доброхотствовать** (кому-либо), то есть 'хотеть кому-то добра' и радеть — 'заботиться об этом'.

Нередко мы говорим или слышим выражение «назло». А надо, чтобы в наших словах чаще употреблялось выражение «на добро».

Благоиску́сный — *искусный в благом, добром*. Оказывается, делать добро — это не так просто, это целое искусство, ему нужно учиться!

Благостоя́ние. Что бы это могло быть?

Благостоя́ние — *стойкость в добре*. Оказывается, в добрых делах, как и в тяжёлых испытаниях, нужна стойкость!

Как вы думаете, какие из этих слов стоит взять в свой личный словарь в первую очередь? Давайте запишем пока три слова из «Русского словаря языкового расширения» Александра Исаевича Солженицына:

Доброра́дный — *доброхотный, о добре радующий*.

Благоиску́сный — *искусный в добром, благом*.

Благостоя́ние — *стойкость в добре*.

Вот как много новых для себя слов мы узнали сегодня из словаря, составленного Александром Исаевичем Солженицыным. Теперь мы знаем, что если какое-нибудь слово употребляется очень редко, то ему грозит отмирание. Так мы порой утрачиваем очень важные, ценные, добрые, святые слова. А если какое-либо слово употребляется часто, но употребляется не по значению, не к делу или взамен другого более точного слова, то наша речь становится искажённой и скудной.

«Конечно, нечего и пытаться избегать таких слов, как *компьютер, лазер, ксерокс*, названий технических устройств», — писал Александр Исаевич в предисловии к «Русскому словарю языкового расширения». Но если беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как *уик-энд, брифинг, имидж* и другие, «то надо вообще с родным языком распрощаться», — считал писатель.

Представьте себе, как обеднеет наша речь, если мы на каждую замечательную или даже восхитительную новость будем отвечать **только тремя-четырьмя словами**: «*классно!*», «*круто!*», «*клёво!*» и «*прикольнo!*». Если попугай, допустим, выучит какие-нибудь три-четыре слова и будет их к месту и не к месту произносить, то это будет очень забавно и смешно. Но у нас-то с вами, слава Богу, не птичий, а богатый-пребогатый русский язык.

У каждого из вас есть свой словарный запас. Можно даже сказать: у каждого из вас **есть свой словарь!** У кого-то этот словарь побогаче, у кого-то поскромнее. Но главное то, что каждый из вас может его обогатить, расширить, если будет любить читать русскую классическую литературу — кладёзь словарного богатства русского языка.

Домашнее задание

Найдите в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв. 5–10 слов, в настоящее время редко употребляемых или совсем вышедших из употребления.

ПОВЕСТЬ СКОРБНЫХ ЛЕТ

Материал к уроку истории и литературы для учащихся 8–9 классов

На заре отечественной истории летописец монах Нестор (XII век) создал «Повесть временных лет» — монументальный историко-литературный памятник Древней Руси. Без этого величественного летописного свода мы очень мало знали бы о своих истоках и источниках, о своём далёком, но весьма поучительном историческом прошлом. Древнейшие рукописи, из которых нам стал известен текст «Повести временных лет», датируются XIII–XIV веками.

В XIII веке, вскоре после монголо-татарского нашествия, в годы величайшего испытания, выпавшего на долю русского народа, было создано «Слово о погибели Русской земли». Начиналось оно такими словами:

«О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озёрами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»¹.

Это «Слово» дошло до нашего времени в рукописях XV–XVI веков. И хотя сохранился всего лишь отрывок этого произведения, даже из этого небольшого фрагмента «Слова о погибели Русской земли» мы чувствуем великую скорбь неизвестного нам по имени древнерусского писателя о беде, постигшей русский народ. И в других произведениях древнерусской литературы содержатся многочисленные свидетельства о страшных испытаниях, которые претерпели наши предки во времена монголо-татарского ига.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев так характеризовал русскую литературу тех трагических веков: «Учительный и патриотический характер русской литературы, её нравственная бескомпромиссность определились в XIII–XIV веках с полной отчётливостью и сохранились в русской литературе до Нового времени включительно, став одной из важнейших национальных черт русской литературы в её целом»².

Русская литература трагического XX века имеет свою повесть скорбных лет, которая также характеризуется высочайшим патриотизмом и нравственной бескомпромиссностью. Этой скорбной повести великий русский писатель Александр Исаевич Солженицын дал наименование — «Архипелаг ГУЛАГ».

¹ «Слово о погибели Русской земли» // «Библиотека литературы Древней Руси». Т. 5. СПб.: Наука, 2005. С. 91.

² Лихачев Д.С. Литература трагического века в истории России // «Библиотека литературы Древней Руси». Т. 5. СПб.: Наука, 2005. С. 28.

28 декабря 1973 года в Париже вышел первый том «Архипелага» на русском языке. А в 1980 году там же было напечатано второе издание этого произведения¹. И лишь в августе 1989 года «Архипелаг ГУЛАГ» начал публиковаться на Родине писателя².

Из этой скорбной повести мы узнаём о тех событиях отечественной истории XX века, о которых ещё совсем недавно знали гораздо меньше, чем о древних достопамятных событиях, описанных в «Повести временных лет» или в повестях Куликовского цикла.

Александр Исаевичу Солженицыну не понаслышке было известно, где располагался Архипелаг ГУЛАГ, как туда попадали люди и что происходило с многочисленными обитателями этого Архипелага. Как гром среди ясного неба грянуло написанное Солженицыным повествование о миллионах замученных в Архипелаге узников.

«Задуманный и начатый ещё в 1958 году труд „Архипелаг ГУЛАГ“, опыт художественного исследования о государственной системе исправительно-трудовых лагерей, пополнился 227 свидетельствами»³, то есть сообщениями тех, кто страдал на этом Архипелаге. Среди этих свидетельств есть и материалы, полученные писателем от академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который в 1928–1931 годах сидел на одном из «островов» Архипелага — на Соловках. Поэтому Солженицын говорил: «Я — не я, и моя литературная судьба — не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих поздних лагерных открытий»⁴.

Знаменательно посвящение «Архипелага ГУЛАГ»: **«ПОСВЯЩАЮ всем, кому не хватило жизни об этом рассказать. И да простят они мне, что я не всё увидел, не всё вспомнил, не обо всём догадался.»**

«Архипелаг ГУЛАГ» словом огненным начертан, гневом и болью, состраданием к замученным, заботой об освободившихся, сыновней любовью к многострадальной России, потерявшей в лютую годину репрессий десятки миллионов своих сыновей и дочерей.

«С „Архипелага ГУЛАГ“ начинается новый этап в творчестве Солженицына. Если раньше в поле его зрения были судьбы отдельных людей, то теперь он обращается к изображению-исследованию масштабных исторических процессов. Теперь он описывает уже не один день из лагерного срока одного заключённого, а почти сорок лет существования целого управления политического сыска и репрессий, поставившего под свой контроль жизнь миллионов граждан страны»⁵.

¹ Собрание сочинений А.И.Солженицына: В 20 тт. Т. 5, 6, 7. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1978–1991.

² В журнале «Новый мир».

³ Сараскина Л. Подпольная литература А. Солженицына в проломе свободы // Солженицын А.И. Матрёнин двор. Рассказы. М.: Детская литература, 2002. С. 21. (Сер.: «Школьная библиотека».)

⁴ Там же. С. 21

⁵ «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И.Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 522–523.

Какова жанровая природа «Архипелага»?

Историческое исследование и художественное произведение — это два жанра, которые в культуре чаще всего существуют порознь. Но история русской исторической науки и русской художественной литературы знает примеры, когда оба жанра органично сочетаются. Прежде всего это «Повесть временных лет», которая является одновременно и летописным сводом, и художественно-литературным творением. Жанр «Архипелага» Александром Исаевичем определяется как «опыт художественного исследования». И действительно, «Архипелаг» одновременно является и летописью народных страданий, и литературным шедевром. Соответственно двуединству жанра «Архипелага» и враждебная критика этого произведения велась по двум направлениям: одни говорили, что в «Архипелаге» «мало литературы», другие огульно отвергали факты, обнажённые писателем в этой скорбной повести.

Работая над «Архипелагом», писатель задавал вопрос, к которому *наука до сих пор ещё не подступилась, а ему бы и быть главнейшим*: «Как человек становится злым и как — добрым?». Ответ самого писателя звучит во всех его произведениях — *жить не по лжи!*

Не сгущает ли Солженицын краски, описывая ужасы лагерей и всю систему насилия ГУЛАГа? Член-корреспондент Российской Академии Наук, директор Института российской истории А.Н.Сахаров на вопрос «Что такое сталинские репрессии?» 12 сентября 2008 года ответил: «Жестокое, неоправданное издевательство над народом»¹.

«Архипелаг ГУЛАГ» — это многосоставное «по своим источникам *свидетельство* на суде истории, в котором голоса и судьбы безымянных узников соединяются с голосом писателя, чтобы донести до человечества правду об особом материке, который скрывали за фасадом социалистического рая»².

«Архипелаг» — это *память* о самом скорбном времени в истории России. Александр Исаевич Солженицын помог сохранить России эту память как горький урок на будущее: **«Я хотел быть памятью. Памятью народа, который постигла большая беда».**

В начале своей скорбной повести Солженицын пишет: «В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами. Если названы инициалами, то по соображениям личным. Если не названы вовсе, то лишь потому, что память людская не сохранила имён, — а всё было именно так».

Один из самых страшных моментов в жизни репрессированных — следствие. Этой теме посвящена третья глава части первой «Архипелага». Главная проблема репрессированного человека — как устоять на следствии.

¹ ТВ: «Вести». 12 сентября 2008 г.

² *Иванова Е.* Предание и факт в судьбе «Архипелага ГУЛАГ» // «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И.Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 456–457.

«...И как же? как же устоять тебе? — чувствующему боль, слабому, с живыми привязанностями, неподготовленному?..

Что надо, чтобы быть сильнее следователя и всего этого капкана?

Надо вступить в тюрьму, не трепеща за свою оставленную тёплую жизнь. Надо на пороге сказать себе: жизнь окончена, немного рано, но ничего не поделаешь. На свободу я не вернусь никогда. Я обречён на гибель — сейчас или несколько позже, но позже будет даже тяжелее, лучше раньше. Имущества у меня больше нет. Близкие умерли для меня — и я для них умер. Тепло моё с сегодняшнего дня для меня — бесполезное, чужое тело. Только дух мой и моя совесть остаются мне дороги и важны.

И перед таким арестантом — дрогнет следствие!

Только тот победит, кто от всего отрётся!

Но как обратить своё тело в камень?

Ведь вот из бердяевского кружка сделали марионеток для суда, а из него самого не сделали. Его хотели втащить в процесс, арестовывали дважды, водили (1922) на ночной допрос к Дзержинскому, там и Каменев сидел (значит, тоже не чуждался идеологической борьбы посредством ЧК). Но Бердяев не унижался, не умолял, а изложил им твёрдо те религиозные и нравственные принципы, по которым не принимает установившейся в России власти, — и не только признали его бесполезным для суда, но — освободили. Проявил точку зрения человек!

Н. Столярова вспоминает свою соседку по бытырским нарам в 1937, старушку. Её допрашивали каждую ночь. Два года назад у неё в Москве проездом ночевал бежавший из ссылки бывший митрополит. — „Только не бывший, а настоящий! Верно, я удостоилась его принять.“ — „Так, хорошо. А к кому он дальше поехал из Москвы?“ — „Знаю. Но не скажу!“ (Митрополит через цепочку верующих бежал в Финляндию.) Следователи менялись и собирались группами, кулаками махали перед лицом старушонки, она же им: „Ничего вам со мной не сделать, хоть на куски режьте. Ведь вы начальства боитесь, друг друга боитесь, даже боитесь меня убить («цепочку потеряют»). А я — не боюсь ничего! Я хоть сейчас к Господу на ответ!“.

Были, были такие в 37-м, кто с допроса не вернулся в камеру за узелком. Кто избрал смерть, но не подписал ни на кого.

Не сказать, чтоб история русских революционеров дала нам лучшие примеры твёрдости. Но тут и сравнения нет, потому что наши революционеры никогда не знали, что такое настоящее хорошее следствие с пятьюдесятью двумя приёмами¹.

Солженицын имел высокую цель — восстановить историческую память русского народа. Седьмая, последняя часть «Архипелага ГУЛАГ» начинается словами надежды:

«Конечно, мы не теряли надежды, что будет о нас рассказано: ведь рано или поздно рассказывается вся правда обо всём, что было в истории. Но рисовалось, что это придёт очень не скоро, — после смерти большинства из нас. И при обстановке совсем

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 4: Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 1, 2. М.: ТЕРРА, 1999. С. 136–137.

изменившейся. Я сам себя считал летописцем Архипелага, всё писал, писал, а тоже мало рассчитывал увидеть при жизни»¹.

Роман «Евгений Онегин» в своё время Белинский назвал «энциклопедией русской жизни» эпохи Пушкина. Почему бы не назвать «Архипелаг ГУЛАГ» энциклопедией русской жизни XX века?

В «Архипелаге ГУЛАГ» писатель обнажил тайну горьких судеб миллионов своих соотечественников. И подтвердилось евангельское слово: *«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаённого, что не вышло бы наружу»* (Мк. 4, 22).

«Я никогда не сомневался, что правда вернётся к моему народу.

*Я верю в наше раскаяние, в наше душевное очищение,
в национальное возрождение России»* (А.И. Солженицын).

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 6: Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 5, 6, 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 483.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Материал к уроку обществознания для учащихся 10–11 классов

В книгах Александра Исаевича Солженицына нашли отражение самые болезненные проблемы XX века. Поскольку XXI век унаследовал от прошлого не только его научно-технические достижения, но и социальные проблемы, то творчество писателя весьма актуально и для нашего времени.

В интервью газете «Известия» от 8 сентября 2008 года Наталья Дмитриевна Солженицына, супруга и сподвижник писателя, сказала, что Александра Исаевича волновало общее состояние нашего народа. «Он считал — и говорил, писал об этом, — что решающее значение имеет нравственное здоровье. Без истории, памяти о корнях, без нравственных опор народ растворится. А претендующих на наши территории много»¹.

Говоря об историческом значении творчества Солженицына, прежде всего необходимо сказать, что он помог очень многим людям освободиться от утопии «бесконечного прогресса», от слепой веры, что в мире и дальше всегда и всё будет «закономерно улучшаться», причём улучшаться независимо от уровня духовно-нравственной жизни людей.

Чем опасна идеология «неминуемого прогресса» и неудержимого потребления?

Она опасна тем, что у человека, поражённого такой идеологией, сразу или постепенно стираются представления о добре и зле, о добродетели и пороке, о цели и смысле жизни.

Ещё недавно XX век в различных источниках информации запечатлевался как век головокружительного прогресса науки и техники: космос, генетика, интернет и так далее... Но, как выразился один остроумный человек, материализм плох уже тем, что в конце концов он приводит к дефициту материалов...

Утопия «неизбежного прогресса» в XX веке довольно скоро обернулась стремительным крушением духовно-нравственных основ жизни человечества, а за ним — глобальными кризисами: экологическим, экономическим, кризисом культуры.

Книги, статьи и даже «Крохотки» — маленькие рассказы Солженицына — помогают читателю перенести центр внимания с внешних проблем на внутренние, духовные — самые важные для человека.

Нобелевская премия по литературе Александру Исаевичу Солженицыну была присуждена в 1970 году «**За ту нравственную силу, с которой он развивает бесценные традиции русской литературы**». А 10 мая 1983 года в Лондоне, в Гилдхолле, русскому писателю была вручена международная

¹ «Архипелаг ГУЛАГ» прожигает сердца // «Известия». № 166 от 08.09.2008. С. 1, 5.

Темплтоновская премия, которой удостоиваются «лица, имеющие особые заслуги перед лицом нравственного кризиса в мире». В заключительной части Темплтоновской лекции, прочитанной Солженицыным при её получении, он сказал следующее:

«Спросим себя: не ложны ли идеалы нашего века? И наша уверенная модная терминология? И от неё — поверхностные рецепты, как исправить положение? На каждом поприще их надо, пока не поздно, пересмотреть назамутнённым взглядом. Решение кризиса не лежит на пути усвоенных ежедневных представлений.

Наша жизнь — не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей — и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно. Одни материальные законы — не объясняют нашу жизнь и не открывают ей пути. Из законов физики и физиологии нам никогда не откроется то несомненное, как Творец постоянно и ежедневно участвует в жизни каждого из нас, неизменно добавляя нам энергии бытия, а когда эта помощь оставляет нас — мы умираем. И не с меньшим же участием Он содействует жизни всей планеты — это надо почувствовать в наш тёмный, страшный момент.

Опрометчивым упованием двух последних веков, приведшим нас в ничтожество и на край ядерной и неядерной смерти, мы можем противопоставить только упорные поиски тёплой Божьей руки, которую мы так беспечно и самонадеянно оттолкнули. Тогда могут открыться наши глаза на ошибки этого несчастного XX века и наши руки — направиться на их исправление. А больше — нам нечем удержаться на оползне, ото всех мыслителей Просвещения — не набралось.

Наши пять континентов — в смерче. Но в таких испытаниях и проявляются высшие способности человеческих душ. Если мы погибнем и потеряем этот мир — то будет наша собственная вина»¹.

Когда Александр Исаевич говорит о законах физики, уместно вспомнить, что он окончил физико-математический факультет Ростовского государственного университета и работал учителем математики, физики и астрономии в школе, поэтому он достоверно мог судить о границах научного знания.

Когда же Солженицын говорит о цели и смысле жизни, — мы слышим слова мудрого учителя, многотрудный жизненный путь которого охватил почти целиком минувший XX век. Обращаясь к молодому поколению, которому придётся жить в мире, совсем не похожем на тот мир, в котором жило старшее поколение, Солженицын призывает молодёжь не поддаваться соблазну потребительства.

«Потребительство, которое само себе как будто даёт в руки: больше иметь, захватывать, покупать, приобретать, менять модели, — надо иметь внутреннюю остановку, внутренние границы: остановись, это уже не нужно, остановись, это лишнее! Соблазн потребительства не доведёт до добра никакого отдельного человека и тем более вообще человечество. И в этой связи и по той картине, как мы тут обсудили, я бы предложил молодому поколению не строить иллюзий, что мы

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 455–456.

вступаем в счастливый век. Эта ошибка была совершена человечеством при переходе из Девятнадцатого века в Двадцатый. С каким воодушевлением встречали Двадцатый! После Девятнадцатого — Двадцатый мнился одним сплошным солнечным сиянием, а мы видим, что получилось»¹.

«Главный ключ нашего бытия или небытия — в каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении реального Добра или Зла»², — говорил писатель. А «чувство правды выше всякого земного расчёта»³.

Призывая людей жить не по лжи, а по правде, по совести, Александр Исаевич говорил о высочайшей ответственности писателей перед миром.

«Каковы ж в этом жестоком, динамичном, взрывном мире, на черте его десяти гибелей,— место и роль писателя? Уж мы и вовсе не шлём ракет, не катим даже последней подсобной тележки, мы и вовсе в презренье у тех, кто уважает одну материальную мощь. Не естественно ли нам тоже отступить, разувериться в неколебимости добра, в недробимости правды и лишь поведывать миру свои горькие сторонние наблюдения, как безнадёжно исковеркано человечество, как измельчали люди и как трудно среди них одиноким тонким красивым душам?

Но и этого бегства — нет у нас. Однажды взявшись за слово, уже потом никогда не уклониться <...> И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам или хватают заложников,— то перемешивается это зловоние с дыханием писателя.

Найдём ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?»⁴

* * *

Лидия Чуковская, дочь писателя Корнея Ивановича Чуковского, 30 октября 1962 года записала для себя удивительные слова, сказанные Анной Ахматовой после её встречи с А.И.Солженицыным. Сама встреча состоялась 28 октября, а через два дня А.А.Ахматова, рассказывая Л.К.Чуковской о своей встрече с писателем, заметила:

«Мы и забыли, что такие люди бывают...»

Постараемся же понять и запомнить слова нашего великого соотечественника, сказанные им ровно четверть века назад, но особенно актуальные для нашего времени:

*«Жизнь — не в поиске материального успеха,
а в поиске достойного духовного роста».*

¹ «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И.Солженицына: Альманах. М.: Русский путь. 2005. С. 47.

² Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 455.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 7. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Книга 1. М.: «Время», 2006. С. 368.

⁴ Из Нобелевской лекции А.И.Солженицына. Полный текст см. в разделе «Хрестоматия» на с. 114–124 настоящего журнала.

Материалы для учителя

О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА (1918 — 2008)

Даже событий, уже происшедших с нами, мы почти никогда не можем оценить и осознать тотчас, по их следу, тем более непредсказуем и удивителен оказывается для нас ход событий грядущих.

Из автобиографии А.И. Солженицына (1970)

Литературным творчеством Александр Исаевич Солженицын увлёкся ещё в школьные годы: он писал рассказы, повести и стихи. В 1936 году, по окончании средней школы № 2 Ростова-на-Дону с золотым аттестатом, он поступил на физико-математический факультет Ростовского государственного университета. И в ноябре того же года у него возник удивительный замысел романа о русской революции «Р – 17» с точкой отсчёта в августе 1914 года.

Диплом с отличием по окончании университета он получил за несколько дней до начала Великой Отечественной войны — 16 июня 1941 года. Но ещё будучи студентом физмата Ростовского университета, летом 1939 года Солженицын был принят без экзаменов в экстернат искусствоведческого факультета Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). 22 июня 1941 года он приезжает на летнюю сессию в Москву и здесь слышит по радио страшное известие о начале войны.

В конце июня — начале августа 1941 года Александр Солженицын, сын русского воина, прошедшего Первую мировую войну, предпринимает попытки через ростовский военкомат добровольцем отправиться на фронт, чтобы защищать Родину во Второй мировой. Но на фронт его не берут, а в середине августа он получает распределение на работу в среднюю школу города Морозовска Ростовской области. Так начинается его педагогическая деятельность.

Однако уже 16 октября 1941 года (критический момент обороны Москвы) учитель математики Александр Солженицын получает мобилизационную повестку в военкомат. По окончании Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава в звании лейтенанта его направляют в 794-й Отдельный армейский разведывательный дивизион. 5 декабря 1941 года молодой офицер, минуя командование взводом, становится заместителем командира батареи звуковой разведки (БЗР – 2), а 21 декабря — командиром звукобатареи.

В декабре 1943 года Солженицын участвует в освобождении Ростова, а в июле 1944 года в составе 63-й армии — в прорыве на Орловском направлении. 15 августа 1943 года за быструю подготовку личного состава и успешное руководство выявлением группировки артиллерии фашистских войск командир батареи Александр Солженицын получает орден Отечественной войны II степени.

В сентябре 1943 года Солженицыну присваивается звание старшего лейтенанта. 7 мая 1944 года маршалом К. К. Рокоссовским подписывается приказ о присвоении ему звания капитана. 12 июля 1944 года за взятие города Рогачёва капитан Солженицын получает орден Красной Звезды.

27 января 1945 года в Восточной Пруссии во время операции против контра-таки немецких войск капитан Солженицын успешно выводит свою батарею из вражеского окружения. 1 февраля победного 1945 года его представляют к ордену Красного Знамени.

Но здесь же, в Восточной Пруссии, завязывается новый «узел» жизненного пути молодого орденоносного капитана. На фронте Александр Исаевич пишет письма родным, друзьям, ведёт записи в своём «Военном блокноте». В них он размышляет о самом жгучем — о трагической предвоенной истории страждущей России и о том, как выйти родному народу из постигшей его беды. Причём пишет он довольно откровенно... 9 февраля 1945 года под городом Вормдитом (Восточная Пруссия) Александр Солженицын был арестован армейской контрразведкой СМЕРШ (разведывательной службой «смерть шпионам»). Далее — допросы, тюрьма контрразведки фронта, центральная тюрьма НКГБ, одиночный бокс, общая камера № 67, в которой 9 мая 1945 года воин-писатель по салюту в сорок залпов догадывается об окончании Великой Отечественной войны.

А потом опять — тюрьмы, пересылки, допросы, работа откатчиком вагонеток, глинокопом, маляром, нормировщиком, плотником и, наконец, — работа в «шарашке», хотя до конца ещё очень и очень далеко!

«Шарашка» — это знаковое слово для советской науки. В «шарашках» *сидели* и *двигали науку* самые талантливые специалисты и даже выдающиеся учёные. «Шарашка» — это специальная научно-исследовательская и конструкторская зона. Зона, потому что за колючей проволокой. А научно-исследовательская и конструкторская, потому что цели и задачи этих зон были непосредственно связаны на науку и военное дело. В то время страна ещё не знала таких слов, как «технополис», «наукоград», «технопарк», и поэтому научно-исследовательские поселения, в которых жили и работали лучшие учёные и конструкторы страны, назывались просто — спецобъекты системы МВД. А. И. Солженицын был распределён в спецобъект № 8. В народе эти спецобъекты назывались «шарашками». Творческую атмосферу и жизнь «шарашки» Александр Исаевич описал в романе «В круге первом». Начал он его писать в 1955, а завершил в 1957 году.

После «шарашки» — снова Бутырская тюрьма, а затем трёхмесячный этап в каторжный Экибастузский лагерь. Здесь он получает лагерный номер «Щ-232». Работает сначала каменщиком, затем становится бригадиром мехмастерских.

В Экибастузском лагере заключённый «Щ-232» сочиняет стихотворения, прозу, сохраняя их в памяти, так как хранить рукописи было опасно. В лагере писателя ожидает одно из самых главных испытаний его жизни — обнаруживается запущенная злокачественная опухоль. 12 февраля 1952 года хирург-заключённый К. Ф. Донис делает ему операцию по удалению злокачественной опухоли, опасность на время отступает. Через 14 дней после операции Александра Солже-

ницына выписывают из больницы и ставят подсобным рабочим на литейное производство.

С 9 февраля 1953 года для писателя начинается новый период в жизни: оканчивается срок его заключения. Его ждёт этап из Экибастуза в ссылку. Выйдя за ворота лагеря, Солженицын ещё не знает — куда его повезёт конвой, где будет место его ссылки. Поезд, павлодарская пересыльная тюрьма, омская, новосибирская пересылки, обыски, камеры, и опять арестантские вагоны, но уже везущие на юг. Через две недели — Джамбул, областной центр на юге Казахстана, у границы с Киргизией. В тюрьме города Джамбула писатель узнаёт о том, что *ссылается навечно* в Кок-Терекский район Джамбульской области Казахской ССР. Затем опять на поезде целый день — на восток от Джамбула до станции Чу. Оттуда — десять километров пешком до райцентра Новотроицкое, где ночлег в местной тюрьме. Утром на грузовике — ещё 60 километров по пыльной степи. И наконец, 4 марта 1953 года ссыльный достигает цели этапа — райцентра Кок-Терек.

А следующий день, 5 марта, — первый день без конвоя. На центральной площади Кок-Терека писатель слышит из репродуктора сообщение о смерти Сталина. Рождается стихотворение «Пятое марта».

Кок-Терек — райцентр на севере Джамбульской области Казахской ССР. Кок-Терек — это начало Голодной степи (Бетпак-Дала), безжизненных песков к западу от озера Балхаш. В переводе на русский язык «Кок-Терек» означает «зелёный тополь» — весьма поэтичное название казахского аула, стоящего на краю пустыни, на краю света, куда под надзор районного МГБ¹ был *навечно* сослан отсидевший «от звонка до звонка» А. И. Солженицын.

Слово *навечно*, значившееся в административном распоряжении, казалось ему настолько занимательным, что у него родился стих:

Мне лестно быть *вечным*, конечно,
Но — вечно ли МГБ?

В Кок-Тереке, большом казахском ауле с саманными мазанками, была школа-десятилетка, куда ссыльный писатель пошёл наниматься на работу. Устроиться учителем ему поначалу не удалось. А. И. Солженицын устраивается в райпотребсоюз плановиком-экономистом, но работа эта не оставляет ни сил, ни времени для написания того, что накопилось в сердце писателя. 25 апреля, за три недели до выпускных экзаменов, его приглашают в среднюю школу Кок-Терека учителем математики и физики. 3 мая 1953 года он проводит первый урок в Коктерекской школе.

В областной больнице Джамбула он узнаёт от врачей, что жить ему остаётся недели три: смертельная болезнь вновь напоминает о себе метастазами. В 1954 году в Ташкентской больнице он проходит повторный курс лечения. Неисцельная болезнь отступает: писателю вновь дарована жизнь. Тогда же им была задумана повесть «Раковый корпус».

¹ МГБ — Министерство государственной безопасности. Районное МГБ — районное отделение этого министерства.

Этот период жизни в пустынном Кок-Тереке сразу после двойного освобождения — от уз и от смертельной болезни — писатель вспоминает как самые замечательные дни своей жизни. В лагере из-за охранных фонарей, расположенных по периметру стен лагерной зоны, заключённые не могли нормально видеть даже свет звёзд, украшающих ночной небосвод. А здесь, на краю света, писатель блаженствует, свободно взирая на звёзды небесные. И здесь он свободно пишет, пишет о том, что уже сложилось в его сердце. Пишет не торопясь, потому что сослан в Кок-Терекский район Джамбульской области Казахской ССР *навечно*... В этот период им написаны стихотворения «Возвращение к звёздам», «Вот и воли клочок. Новоселье» и другие.

У людей, которые не верят в вечную жизнь, слово *вечность* употребляется условно. Гонители А. И. Солженицына, не вкладывая религиозного смысла в понятие «жизнь вечная», под *вечностью* подразумевали, конечно, довольно ограниченный период времени — максимум до естественной смерти ссыльного. Но самому писателю, в таинственной тиши пустынного уюта своего благодарно взирающему на звёзды небесные, свыше предопределялись новые странствия, новые школьные труды, новые писательские задачи, а с ними — и новые испытания, которые ещё больше закаляли его как воина в борьбе за *жизнь не по лжи*.

В 1955 году, продолжая преподавание в Коктерекской школе, Солженицын пишет роман «В круге первом».

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, а в апреле грянула отмена ссылки для осуждённых по 58-й статье. 16 апреля писатель получает справку из Управления МВД Джамбульской области об освобождении от дальнейшего отбывания ссылки со снятием судимости. 5 мая ему выдают общегражданский паспорт, а 20 июня 1956 года он уезжает из Кок-Терека в Москву.

В конце июня 1956 года А. И. Солженицын устраивается учителем математики в Межиновскую среднюю школу Курловского района Владимирской области. Он живёт в доме у Матрёны Васильевны Захаровой — будущей героини «Матрёнина двора» — и работает над первой редакцией романа «В круге первом».

В служебной характеристике на учителя математики Межиновской школы А. И. Солженицына, подписанной директором школы М. Е. Парамоновым, было написано: «К своей работе Солженицын относится весьма серьёзно: его уроки отличаются целенаправленностью, продуманностью; учитель увлекает учащихся, которые полюбили математику как предмет». В ней также говорилось о большой помощи Солженицына местным учителям физики и математики, о кружке прикладной математики и геологии, о лекторской работе учителя Солженицына¹.

6 февраля 1957 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР Александр Исаевич Солженицын был реабилитирован. А 21 февраля трагически погибает Матрёна Васильевна Захарова. Писатель очень дорожил бескорыстием, совестью и сердечной простотой своей гостеприимной хозяйки. Впоследствии об этом периоде своей жизни он писал: «Так привыкла Матрёна ко мне, а я к ней, и жили мы запросто. Не мешала она моим долгим вечерним занятиям,

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 432.

не досаждала никакими расспросами»¹. У Матрёны Васильевны «начисто отсутствовало бабье любопытство, и квартирант тоже не бередил ей душу, но вышло так, что они открыли друг другу душу. Узнала она и про тюрьму, и про тяжёлую болезнь постояльца, и про его одиночество. И не было горше потери для него в те времена, чем нелепая смерть Матрёны 21 февраля 1957 года под колёсами товарняка на переезде сто восемьдесят четвёртого километра от Москвы по ветке, что идёт к Мурому от Казани, ровно через полгода после того дня, когда он поселился в её избе»².

Уволившись из Мезиновской школы в 1957 году, Солженицын переезжает в Рязань, где пытается устроиться на работу в школу. Когда завкадрами рязанского облоно (куда писатель приходит устраиваться на работу) спрашивает Солженицына, за что он был арестован в 1945 году, он отвечает: «За высказывания против культа личности». «Как это может быть? — изумляется чиновница, помня, что о культе личности объявлялось в 1956. — Разве тогда [то есть в 1945 году] был культ личности?»³.

Поначалу Солженицыну было отказано в работе учителем, якобы из-за отсутствия свободных мест. Вакансий не было и в гороно. Но в кабинете заведующего он встречается с директором рязанской средней школы № 2 Г.Г.Матвеевым, и вскоре Александр Исаевич уже преподаёт физику и астрономию в этой старейшей школе Рязани.

Физике Солженицын учил не менее интересно, чем математике. Он умел просто излагать самые сложные вещи. Если причина какого-либо явления была ещё неизвестна науке, то он этого не скрывал и умел делиться с учениками своими размышлениями и сомнениями.

Осенью 1957 года писатель продолжил работу над второй редакцией романа «В круге первом». Весной следующего года появились первые «Крохотки», созрел и замысел «Архипелага ГУЛАГ».

Во время летних каникул 1959 года в течение 45 дней А.И.Солженицын пишет большой рассказ, названный им первоначально «Щ-854. Один день одного зэка». Впоследствии по настоянию А.Т.Твардовского рассказ был переименован и вышел в свет под названием «Один день Ивана Денисовича»⁴.

Замысел описать рядовой день заключённого появился у Солженицына ещё в декабре 1950 года, «в бесконечный лагерный морозный день». Рассказ получился размером в повесть, и через это небольшое, но глубокое произведение А.И.Солженицын стремительно вошёл в русскую и мировую классическую литературу.

«Один день Ивана Денисовича» не без труда дошёл до читателя, и то благодаря тому, что задел сердце главного редактора журнала «Новый мир» поэта Алек-

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 431.

² Там же. С. 431–432.

³ Там же. С. 434.

⁴ Отрывок из повести «Один день Ивана Денисовича» см. в разделе «Хрестоматия» настоящего выпуска журнала на с. 93–98.

сандра Трифоновича Твардовского. 11-й номер журнала «Новый мир» за 1962 год сразу же стал самым читаемым номером журнала.

Как написал Солженицын этот рассказ? «„Сел — и как полилось! со страшным напряжением!... Я невероятно быстро написал «Один день Ивана Денисовича» и долго это скрывал“. Невероятно быстро — это сорок пять раскалённых дней, когда воображение и память писателя сосредоточились в той точке жизни, которую он знал так, что уже не мог забыть никогда. Он берёт и бередил в себе эту память, устраивая в годовщины своего ареста, 9 февраля, „день зэка“, — отрезал утром 650 граммов хлеба, клал два кусочка сахара, наливал незаваренного кипятка; к обеду полагались баланда с рыбьими костями и черпачок жидкой кашицы. Уже к концу дня, по голодному зэковскому обычаю, приходилось собирать в рот крошки и вылизывать миску»¹. Писатель хранил память о спасении.

Тем же летом Солженицын совершил поездку в Ленинград для сбора материалов к будущему «Красному Колесу». И вскоре он начал рассказ «Не стоит село без праведника», переименованный впоследствии в «Матрёнин двор».

В середине лета 1962 года писатель едет в Сибирь, чтобы навестить своих лагерных друзей.

После выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича», в декабре 1962 года А. И. Солженицына принимают в Союз писателей РСФСР по секции прозы. «С ракетной скоростью меня приняли в Союз писателей и тем освободили от школы, поглощавшей столько времени», — писал Солженицын². До этого события Солженицын при всём стремлении посвятить себя писательскому делу не мог оставить работу учителя. По законодательству, а точнее — по беззаконию того времени всякий официально не оформленный на какую-нибудь работу человек (пусть трудолюбивейший!) в любой момент мог быть арестован и осуждён как «тунеядец». Теперь, когда Солженицын стал членом Союза писателей, арест за «тунеядство» ему уже не грозил. Заканчивая первое полугодие 1962/1963 учебного года, Александр Исаевич 29 декабря 1962 года проводит последние уроки в рязанской школе № 2 и отдаёт всё своё время и все свои силы писательскому труду.

Но после выхода в свет четырёх произведений Солженицына начинаются и постепенно возрастают гонения на писателя. Ни Н. С. Хрущёв, разрешивший напечатать «Один день Ивана Денисовича», ни тем более его преемники во власти никак не ожидали духовно-нравственных последствий от публикации произведений Солженицына. И хотя все сыпавшиеся на писателя обвинения были обвинениями политическими, люди, читавшие сначала его опубликованные произведения, а затем и те, которые распространялись в Самиздате («Крохотки», «Раковый корпус», «В круге первом»), всё глубже понимали, что А. И. Солженицын — это яркое, судьбоносное явление в русской литературе, истории, культуре и жизни.

После публикации «Одного дня Ивана Денисовича» к Солженицыну стекается множество писем-откликов его читателей — бывших политических заключён-

¹ Сараскина Л. Подпольная литература А. Солженицына в проломе свободы // Солженицын А. И. Матрёнин двор. Рассказы. М.: Детская литература, 2002. С. 12. (Сер.: «Школьная библиотека».)

² Александр Солженицын. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Paris: YMCA-PRESS, 1975. С. 76.

ных сталинских лагерей. Писатель чувствует себя их голосом. Чувствует свою обязанность и ответственность рассказать об их трагической судьбе. Он приступает к работе над опытом художественного исследования русской трагической эпохи XX века — «Архипелагом ГУЛАГ». Чтение этой книги никого не могло оставить равнодушным. Не оставило оно равнодушными и власти, которые начали преследование Солженицына.

В ноябре 1969 года его исключают из Союза писателей. А 8 октября 1970 года Нобелевский комитет присуждает Александру Исаевичу Солженицыну премию по литературе за 1970 год с формулировкой: «За ту нравственную силу, с которой он развивает бесценные традиции русской литературы».

В конце августа 1974 года Солженицын завершает воззвание «Жить не по лжи!»¹, начатое им в 1972 году.

За «Архипелаг» — «за антисоветскую агитацию и пропаганду» — Солженицына как «противника советского строя» вполне могли осудить по статье 70 УК РСФСР на срок до семи лет с последующей ссылкой до пяти лет. Но на дворе были уже не сороковые годы, а семидесятые. И в начале 1974 года русского писателя высылают из Отечества. Высылают, потому что сам он никогда не хотел покидать Родину.

7 января 1974 года, в праздник Рождества Христова, Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарём Л. И. Брежневым рассматривает вопрос: Что делать с Солженицыным? Выслать за границу? Или суд и максимальный срок в лагере строго режима где-нибудь в зоне вечной мерзлоты, откуда не возвращаются?

11 февраля против Солженицына, как против преступника, возбуждается уголовное дело. 12 февраля принимается указ о его депортации, то есть высылке из страны. В этот же день писатель был арестован и доставлен в тюрьму Лефортово. 13 февраля, ничего заранее не объявляя Солженицыну, его на самолёте депортируют в Федеративную Республику Германию. А на следующий день — 14 февраля 1974 года — Главное управление по охране государственных тайн издаёт приказ об изъятии из общественных библиотек страны всех произведений Солженицына. Поскольку наибольшее распространение к тому времени получил «Один день Ивана Денисовича», то изымают в основном эту повесть. Как неожиданно явился в официальный «книжный мир» «Иван Денисович», так же скоропалительно и был изъят из него. Добродушный лагерный каменщик вновь стал *государственной тайной*.

13 февраля в Самиздат ушло воззвание «Жить не по лжи!».

Попав из Лефортовской тюрьмы в Германию, А. И. Солженицын оказывается под Кёльном, в сельском домике немецкого писателя Генриха Бёлля. Сотня всепроникающих журналистов вмиг окружает Солженицына кольцом и жаждет громких заявлений опального русского писателя. Журналисты ловят каждый вздох, каждый жест писателя, и на завтра же готовы ошеломляющими газетными заголовками «выстрелить» так ловко укарауленной ими мировой сенсацией.

¹ См. раздел «Хрестоматия» настоящего выпуска, с. 102–105.

Но что происходит? Писатель неожиданно отвечает: «Я достаточно говорил в Советском Союзе, а теперь помолчу».

Потрясающая чуткость! Солженицын не идёт на поводу у журналистов, жаждущих сенсационных заявлений. «Замкнулось во мне что-то», — вспоминал он в очерках изгнания, которые назвал «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Войдя в дом Генриха Бёлля, изгнанник прежде всего просит заказать разговор с Москвой, чтобы сообщить, что жив сам, и убедиться, что жива его семья.

Молчание писателя свидетельствовало о том, что свободы слова он достиг в Советском Союзе, где было очень опасно говорить правду о родной истории, о современной жизни, о творчестве, да и о многом другом. А заграничная лёгкость высказываний — «неси, что хочешь, тут не опасно» — отнюдь не привлекала его. Опыт воина и учителя подсказывал ему, что он находится в ситуации, о которой говорил православный подвижник преподобный Арсений Великий (IV в.): «Когда я говорил, то нередко сожалел об этом, а когда удавалось промолчать — никогда».

Молчанием писателя западные журналисты были крайне разочарованы. «Так — с первого шага мы с западной „медиа“ не сдружились. Не поняли друг друга», — вспоминал впоследствии Александр Исаевич. «Сработал во мне защитный писательский инстинкт: раньше моего разума он осознал опасность выговориться тут в балаболку. Я примчался на Запад на гребне такой размахистой волны, теперь бы мог изговориться, исповторяться, отбиться от дара писания. Конечно, политическая страсть во мне врождена. И всё-таки она у меня — за литературой, после, ниже. И если б на нашей несчастной родине не было погублено столько общественно-активных людей, так что физикам-математикам приходится братья за социологию, а поэтам за политическое ораторство, — я отныне и остался бы в пределах литературы»¹.

Главным оружием против изгнанного писателя была клевета. Вершиной же клеветы являлось утверждение, что он служит Западу или кому-то на Западе, что, в принципе, одно и то же. «Изменник», «предатель», «власовец» и тому подобные оскорбительные ярлыки гуляли по страницам советских газет и журналов. Сатирический журнал «Крокодил» опубликовал карикатуру с глумливыми стишками:

Во весь свой раж
 предатель Солженицын,
Впадая в клеветнический азарт,
Так служит
 заграничным неким лицам,
Что поднят ими нынче
 как штандарт.

Между тем, пока советские газеты и журналы пестрели памфлетами на Солженицына, сам изгнанник на Западе открыто и неустанно разъяснял, что не следует путать слова «русский» и «советский», «российский» и «большевистский».

¹ Александр Солженицын. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // «Новый мир». 1998. № 9. С. 53–54.

Он так твёрдо стоял на этом различии, что западные круги и силы, жаждавшие от него «разоблачения России», не дождавшись желаемого, лютой ненавистью возненавидели Солженицына. Запад отвернулся от Солженицына, потому что он не подходил ни под какую западную «кате­го­рию». А Запад этого не допускает.

Чтобы понять Солженицына — не следует излишне политизировать ни его самого, ни его творчество. «Я — писатель, то есть художник, а не политик. К политическим заявлениям на протяжении жизни меня вынуждала гнетущая обстановка в СССР, невозвратимые потери в нём действенных общественных сил от 70-летних репрессий, а кроме того — искажённое представление о России на Западе. Ещё до возврата на Родину из изгнания я не раз публично говорил, что возвращаюсь именно как писатель, не приму никаких постов ни по выборам, ни по назначению»¹.

С кем, собственно говоря, десятки лет боролся Солженицын? С существующим строем? С режимом? С системой? С советской властью? С конкретными политиками?

Так думать удобно, если не верить писателю. Но всё перечисленное далеко от истины, поскольку не отражает масштабов всемирной литературы и истории в мировосприятии писателя. Тем же, кто не признаёт онтологии греха (то есть его злой реальности²), не остаётся ничего иного, как свести борьбу Солженицына к политике. И, напротив, если верить Солженицыну, когда он говорит, что не считает себя политиком, что он желает обустроить, а не разрушить Россию, что поиск правды жизни начинается не с пустопорожних разговоров, а с того, что человек сам старается жить не по лжи, — тогда становится понятной духовно-нравственная позиция писателя.

Революционеры хотели построить рай на земле и верили в эту утопию. Так страстно верили, что готовы были разрушить Россию до основания, а затем *свой новый мир построить*. Эксперимент оказался катастрофическим, но духовно-политическим последователям экспериментаторов страшно было и отказаться от его продолжения. Это было бы равносильно покаянию.

Александр Исаевич Солженицын, напротив, искал и жаждал правды как христианин, следуя призыву Христа Спасителя в Нагорной проповеди: «*Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо тех есть Царство Небесное*» (Мф. 5, 6). За это искание он и подвергся гонениям, узам, изгнанию. Но и это не противоречит Евангелию: «*Блаженны изгнанные за правду, ибо тех есть Царство Небесное*» (Мф. 5, 10).

Зачем нужны страдания?

24 октября 1966 года в Малом зале Дома литераторов в Москве секция прозы Московского отделения Союза писателей устроила литературный вечер, на котором Александр Исаевич Солженицын читал отрывки из своих произведений

¹ «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 52.

² Преподобный Парфений Киевский молился так: «Господи, избавь меня от единственного и величайшего зла — греха!»

«Раковый корпус» и «В круге первом». В одной из записок, поступивших из зала, был вопрос: читая и слушая Ваши произведения, можно предположить, что Вы глубоко несчастный и обиженный человек. Правда ли это?

На что писатель ответил: **«Каждый обязан принять свою долю испытаний, несчастья помогают правильно оценить окружающий мир и понять его»¹.**

Учитель-воин-писатель Александр Исаевич Солженицын как самый чуткий русский летописец 20 столетия не только сам глубоко прозрел корни и плоды революционных искушений века, но своими творениями помог миллионам соотечественников правильно оценить окружающий мир и понять его.

В 2008 году издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» была выпущена обширная биография писателя — «Александр Солженицын». Вместо эпилога биограф писателя Людмила Ивановна Сараскина написала заключение, которое озаглавила «Человек счастливый»².

«Солженицын — счастливый человек!» — говорили о нём близко знавшие его люди. Он был счастлив в терпении, в литературных трудах, в семье, в верных ему друзьях.

Будучи в изгнании, Александр Исаевич твёрдо верил, что вернётся в Россию. А вернувшись на Родину (1994 год), старался вернуть благородный смысл таким понятиям, как «русский вопрос», «русское национальное сознание», — понятиям, втаптывавшимся в грязь едва ли не целое столетие³.

В декабре 2003 года на вопрос «Каково Ваше самое большое желание?» писатель ответил: «Чтобы русский народ, несмотря на все многомиллионные потери в XX веке, несмотря на нынешний катастрофический упадок — материальный, физический, демографический, у многих и моральный, — не пал бы духом, не пресёкся в существовании на Земле — но сумел бы воспрянуть. Чтобы в мире сохранились русский язык и культура. (И сохранилась бы в том и моя скромная доля)»⁴.

С трибуны Государственной думы прозвучал его набатный призыв *о сбережении народа* как актуальнейшей проблеме современной России.

А педагогам российской школы (в переводе с греческого — «детоводителям») от опытного школьного учителя Александра Исаевича Солженицына как наказ остаются слова:

*«Мы должны строить Россию нравственную...
Все добрые семена, какие на Руси ещё чудом не дотоптаны,—
мы должны выберечь и вырастить»⁵.*

¹ «Александр Солженицын» / Людмила Сараскина. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 574.

² Там же. С. 896–902.

³ «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 61.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 62.

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

Мы так безнадежно расчеловечились...

А. И. Солженицын. «Жить не по лжи!»

«Красное Колесо» Александр Исаевич Солженицын считал главным произведением своей жизни.

Сам писатель назвал его «повествованием в отмеренных сроках». Всё повествование слагается из ряда «узлов», каждый из которых имеет чёткие временные рамки. «Узел первый» называется «Август Четырнадцатого». Весь временной ряд событий укладывается здесь в 12 дней — с 10 по 21 августа 1914 года¹.

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Герой повествования «Августа Четырнадцатого» студент университета Саня Лаженицын добровольцем отправляется из своей станицы на фронт. Для земляков-станичников, жителей станицы Сабля, было непривычно, что крестьянский сын стал студентом. И не без издёвки станичная молва нарекает его *народником*. Три недели войны — и Саня Лаженицын не может усидеть в станице, хотя идут каникулы. Он устремляется на фронт. При этом настоящую причину своего раннего отъезда из дома открыть родным он не решается. Говорит, что ему требуется прежде времени ехать в университет — на практику.

Встретившейся на станции знакомой девушке Варе на вопрос «Зачем же вы едете?» он смущенно отвечает: «Да понимаете... Н-не сидится... на хуторе...».

Варя, догадавшись, что Саня решил отправиться на фронт, в ужасе восклицает: «Да вы... не... ли... до-бро-вольно?..». Девушка настолько пропитана революционными идеями, что сама мысль о том, что юноша добровольно идёт в действующую российскую армию, представляется ей страшной изменой мировому прогрессу.

Студент Саня Лаженицын (впоследствии — подпоручик Лаженицын) это персонаж, чьим биографическим прототипом стал отец писателя — Исаакий Семёнович Солженицын. Он родился 29 мая 1891 года в селе Сабля Александровского уезда Ставропольской губернии. Крестили новорождённого на второй день жизни — 30 мая, когда Православная Церковь празднует память святого Исаакия Далматского (IV в.). В те времена по православному обычаю имя ребёнку давалось при крещении. А выбирали имя по святцам, то есть по православному церковному календарю, в котором почти каждый день отмечен празднованием в честь какого-либо святого. В день крещения младенца в святцах указывалась память Исаакия Далматского, поэтому отца А. И. Солженицына и назвали Исаакием. Но когда в декабре 1934 года в Ростове-на-Дону 16-летний Александр

¹ Даты приводятся по старому стилю, новый стиль в нашей стране был введен в гражданский календарь только с февраля 1918 года.

Солженицын получал паспорт, то отчество ему в паспорт записали ошибочно: вместо «Исаакович» — «Исаевич».

В «Августе Четырнадцатого» мы узнаём, что вообще-то имя Сани Лаженицына — Исаакий и что он не любит своё имя, хотя, отшучиваясь, говорит, что Пётр Великий ему тёзка, по той причине, что император также родился на Исаакия — 30 мая. Будущего императора назвали Петром, но в ознаменование дня его рождения в Санкт-Петербурге, столице Российской империи, был воздвигнут величественнейший Исаакиевский собор. Экскурсоводы, работающие в этом соборе, непременно сообщают, что Исаакиевский собор назван в честь святого Исаакия Далматского потому, что в день его памяти — 30 мая — родился будущий император Пётр I.

Отец Александра Исаевича Солженицына (как и Саня Лаженицын в эпопее) был студентом университета, добровольцем пошёл на германскую войну, стал подпоручиком, был награждён офицерским Георгиевским крестом и другими воинскими наградами. Родители писателя обвенчались на фронте: венчание совершилось 23 августа 1917 года. После возвращения с фронта, 8 июня 1918 года у отца будущего писателя произошло нелепое ранение на охоте, которое привело к заражению крови, и всего через неделю, 15 июня, он скончался.

Александр Солженицын родился в Кисловодске 11 декабря 1918 года, спустя полгода со времени кончины отца. Писатель, никогда не видевший отца, знал от родных, что в юношеском возрасте его отец пережил сильное увлечением толстовством, даже ездил к графу Льву Николаевичу Толстому в Ясную Поляну...

В «Августе Четырнадцатого» Лев Толстой предстаёт как исторический персонаж. Собравшийся на фронт в августе 1914 года студент Саня Лаженицын вспоминает о том, как **пять лет тому назад**, то есть в первые дни августа 1909 года, он, будучи гимназистом, отправился в Ясную Поляну — пошёл к Толстому, чтобы спросить **о самом главном**.

«...Тоже вот таким ранним погожим утром, когда солнце едва взошло, ещё до шести утра, и тоже из первых дней августа, пять лет назад, Саня вышел со станции Козлова Засека — идти к Толстому. Было сочнее и свежей, чем может быть на Кубани летом. Спрося на станции, Саня спустился в овражек, поднялся по косогору и попал в такой лес — просторный, ядрёный, широкоствольный, парадный, парковый, какого, живя на юге, не мог бы вообразить, да и на картинках никогда не видел. В росе молочной, а потом радужной, лес этот звал не пройти себя, а бродить, сидеть, лежать, остаться тут, никогда из него не выбраться, — а ещё особенным казался оттого, что дух пророка носился здесь: ведь Толстой же ходил или ездил на станцию, он здесь не мог не бывать, этот лес был уже началом его поместья!

Но нет, лес поднялся к орловскому большаку — и оборвался. Саня понял свою ошибку: только перевалив через большак, он спустился к яснополянскому парку. И пошёл вдоль него. Парк отделялся от дороги канавкою и тесной зарослью. Дальше, за огибом, виднелись белые каменные входные столбы.

Тут Саню взяла робость. Он не нашёл сил идти через парадные ворота, по парадной аллее, отвечать на вопросы встречных. Да его могли и не пустить к Великому, скорее

всего. И легче оказалось перепрыгнуть через канавку, продраться сквозь заросль — и просто, без цели, походить тем парком, где, уж без ошибки, хаживает Толстой, и присесть, где сживает он.

Тут были петлистые аллейки, небольшой прудок, ещё один, и мостики через застоющую воду, покрытую ряской, и беседка. А дома и людей — не было видно. И в раннем солнечном переблеске, в мелкой солнечной пестряди бродя, бродя, садясь и глядя, Саня, кажется, и насытился. Он, кажется, уже мог возвращаться на юг и считать, что побывал у Толстого.

Но ещё поднялся по берёзовой аллее — длинной, прямой и узкой, как коридор. Берёзы сменились клёнами, потом липами. Тут открылась не поляна, но разрежение парка, окружённое липовым прямоугольником, ещё разбитое вдоль, поперёк и диагонально дорожками. И — кто-то мелькал по этим аллеям, шёл довольно бодро. Саня спрятался за толстую липу, выглядывал. И увидел — Седоволосого, Седобородого! в длинной рубахе с пояском. Ниже ростом, чем ожидал, но так похожего на свои изображения, что хотелось головой тряхнуть, от миража.

Толстой шёл с палкой, смотрел в землю. Один раз упнулся палкой, остановился и едва ли не минуту неподвижно смотрел в одно и то же место, в землю. Опять пошёл. Он попадал головой то в густую утреннюю тень, то под солнечный свет — и тогда голова его, в обхвате парусинового картуза, вспыхивала как нимбом. Так он прошёл все четыре стороны прямоугольника и опять повторял их, на одном углу совсем рядом с Саней.

Саня упивался. Он мог бы и час вот так простоять, налегши грудью на липу, обнимая пальцами её дорожчатую кору, а голову выставив из-за ствола. И он не хотел помешать утреннему размышлению Пророка. Но испугался: а вдруг Толстой следующий раз уже не завернёт сюда, уйдёт к дому; или кто-нибудь появится и заговорит с ним.

И с колотящейся смелостью Саня вышагнул на дорожку — издали, чтобы Толстой не испугался внезапности, снял гимназическую фуражку (он тот год носил её, пока отец не отпустил в студенты) — и стоял прямо, немо.

Толстой увидел. Подходя ближе, поглядел на опущенную фуражку, на вольную коговоротку. Приостановился. Заботы и заботы были на его лице, лоб не расправлен. Но и ему же досталось первому поздороваться с немым обожателем:

– Здравствуйте, гимназист.

Кто же к кому пришёл? Кто кого искал? Как будто самого Саваофа слыша, спёкшимся горлом Саня слабо ответил:

– Здравствуйте, Лев Николаевич!

И не находился, дальше что. Сам Толстой должен был отвлечься от своего, сосредоточиться на новом. Перевидел он, конечно, этих посетителей, и этих гимназистов, заранее знал, что они могут спросить и что им нужно ответить, всё это они могли прочесть в его книгах, но почему-то хотели не прочесть, а непременно слышать из уст.

– Откуда же вы, гимназист? — вежливо спрашивал великий старик, не проходя дальше.

– Из Ставропольской губернии, Александровского уезда, — теперь уже слышным, но хриплым голосом сказал Саня. И очнулся, прокашлялся, поспешил: — Лев Николае-

вич! Я знаю: я нарушаю ваши мысли, вашу прогулку, простите! Но я так долго ехал, мне только услышать от вас несколько слов. Скажите, вот правильно я понимаю? — какая жизненная цель человека на земле?

Но — не сказал, как же он понимает, а ждал. Губы Толстого, не вовсе утонувшие в бороде, безуслыно сдвинулись в произнесённое тысячу раз:

– Служить добру. И через это создавать Царство Божие на земле.

– Так, я понимаю! — волновался Саня. — Но скажите — служить чем? Любовью? Непременно — любовью?

– Конечно. Только любовью.

– Только? — Вот за этим Саня и ехал. Теперь свободней ему стало, и говорил он плавней, ближе к своей негорячей манере. Он задавал по виду вопрос, но в этом вопросе уже свой собственный ответ отчасти содержался, и, по свойству юности, он хотел даже великому собеседнику выявить таким образом своё не совсем пустое мнение: — Лев Николаевич, а вы уверены, что вы не преувеличиваете силу любви, заложенную в человеке? Или, во всяком случае, оставшуюся в современном человеке? А что, если любовь не так сильна, не так обязательна во всех, и не возьмёт верха — ведь тогда ваше учение окажется... без... — не мог договорить. — ...Очень-очень преждевременным? А не надо ли было бы предусмотреть какую-то промежуточную ступень, с каким-то меньшим требованием — и сперва на нём пробудить людей ко всеобщему благожелательству? А потом уже — на любви?.. — И пока Толстой не ответил, в этот последний миг: — Потому что, как я наблюдаю, вот на нашем юге, — всеобщего взаимного доброжелательства нет, Лев Николаич, нет!

Ещё свои заботы не ушли с борождённого стариковского лба, а тут гимназист задавал малооблегчающий вопрос. Из-под бровей мохнатых твёрдо посмотрев, безколебно ответил старец, всей жизнью выношенное:

– Только любовью! Только. Никто не придумает ничего верней.

И — кажется, не хотел больше говорить. Как будто затмился или обиделся за свою истину. Он хотел дальше идти по прямоугольнику и думать своё.

Болезнью, что огорчил обожаемого человека, отдавая уже свой любимый вопрос, смягчая, но и ещё одну кроху выгадывая, Саня опять заторопился:

– Что до меня — я так и хочу, через любовь! Я так — и буду. Я так и постараюсь жить — для добра. Но вот ещё, Лев Николаич! Само-то добро! Как его понять? Вы пишете, что разумное и нравственное всегда совпадают...

Приостановился Пророк, мол — да. И остриём палки чуть посверливал в твёрдой земле.

– Вы пишете, что добро и разум — это одно, или от одного? А зло — не от злой природы, не от природы такие люди, а только от незнания? Но, Лев Николаич, — духа лишился Саня от своей дерзости, но и своими же глазами он кое-что повидал, — никак! Вот уж никак! Зло — и не хочет истины знать. И клыками её рвёт! Большинство злых людей как раз лучше всех и понимают. А — делают. И — что же с ними?..

Даже пальцами губы свои прикрыл, чтобы больше не говорить, чтоб самому-то услышать!

Вздыхнул старик глубоко:

– Значит — плохо, недоступно, неумело объясняют. Терпеливо надо объяснять. И — поймут. Все рождены — с разумом.

И, расстроенный, пошагал с палочкой.

А Саня — стоял. И когда Толстой с дорожки за дом ушёл. И ещё потом стоял.

Так он надеялся в три минуты от Самого узнать и понять! Не понял...»

В этом эпизоде из «Августа Четырнадцатого» мы видим маститого старца-писателя и пытливого юношу-гимназиста, *встретившихся* в 1909 году, то есть в относительно спокойный период российской истории между всплесками великих смут 1905 и 1917 годов, встретившихся и говоривших о самом главном — о том, **как жить по правде**.

После поразительного успеха повести «Один день Ивана Денисовича», опубликованной в журнале «Новый мир» в 1962 году, при упоминании о Солженицыне многие вспоминали Толстого и вольно или невольно начинали сравнивать этих двух писателей. Сходство «Одного дня Ивана Денисовича» и «Матрёны» с моральной прозой Толстого заметил А.Т.Твардовский, открывший Солженицыну дорогу к русскому читателю. Кроме того, и один из тогдашних ведущих советских литературных критиков В.В.Ермилов утверждал, что в лице Солженицына в русской литературе явился новый Толстой.

Солженицын и Толстой ...

Лев Толстой, любивший повторять, что главное в жизни — правда, противопоставил себя православной вере. Он написал книгу «В чём моя вера», в которой учил людей *своему* пониманию правды жизни. Противопоставив себя Церкви, этот писатель не принял и правды Креста. Стремясь к подвигу, он начинал странничать и не прочь был, чтобы его арестовали, поскольку осознавал, что для утверждения *его учения* нужны страдания. Однако *учение о непротивлении* приносило гениальному писателю не спасительные страдания, а мучительные терзания. Хождение его в Оптину — лишь одно из свидетельств таких терзаний.

В.Ленин называл Толстого «глыбой», «матёрым человецищем», «зеркалом русской революции». Называл за то, что, хотя и невольно, писатель помог нагнетанию в России революционных настроений. Своим церковноборчеством в сочетании с *учением о непротивлении* Толстой притупил у миллионов русских людей чувство различения добра и зла. И народ России, срываясь в бездну революции, в духовно-нравственном отношении оказался бесчувственным, безвольным и бессильным. Потому и не мог воспротивиться ни революционному насилию, ни злу красного террора.

Солженицын же, напротив, сам осознав неправду кровавой братоубийственной революции, *глаголом жёг сердца людей* и в «Одном дне Ивана Денисовича», и «В круге первом», и в «Архипелаге ГУЛАГ», и в «Красном Колесе». Он обличал зло не только своими сочинениями, но и тяжкими годами своих тюрем, лагерей и изгнания. «Жизнь Солженицына — самое лучшее и самое бесспорное его произ-

ведение»¹. Солженицын жизнью ответил на те вопрошания о правде жизни, на которые так и не смог ответить Толстой.

За восемь столетий до Рождества Христова пророк Исаия, чьи слова положил в основу своего стихотворения «Пророк» А.С.Пушкин, за отступление от Бога предсказал разорение Иерусалима. Пророк предупреждал народ свой, что Господь *отнимет у Иерусалима*

*посох и трость,
всякое подкрепление хлебом
и всякое подкрепление водою,
храброго вождя и воина,
судью и пророка, и прозорливца и старца,
пятидесятника и вельможу и советника,
и мудрого художника и искусного в слове.
И дам им отроков в начальники,
и дети их будут господствовать над ними.
И в народе один будет угнетаем другим,
и каждый — ближним своим;
юноша будет нагло превозноситься над старцем,
и престолюдин над вельможею.
.....
потому что язык их и дела их против Господа,
оскорбительны для очей славы Его².*

В революцию и последовавшую за ней гражданскую войну отняты были у России и хлеб, и храбрые воины, и мудрые художники. И дети начали господствовать над взрослыми, и в народе один стал угнетаем другим.

— Чем же отличается христианский подвиг от революционного подвига?

— Революция зовёт убивать других: богатых, властных, плохих — то есть всех, кто покажется врагом революции. Иисус Христос Сам пострадал и умер за людей, призываемых к жизни вечной.

Вера церковная помогает верующему человеку противиться злу-греху в себе самом и тем самым придаёт ему силы жить не по лжи.

Богоборческая воспалённость гордого разума всегда обещает после революций даровать людям счастливую жизнь. Но заканчивается революция разрухой.

Покаяние как труднейшая перемена себя к добру и жертвенной любви — это крест! И лишь жертвенная любовь имеет спасительное значение.

Толстой говорил, что всё надо исправлять добром и любовью. И Солженицын не отрицает решающей силы добра и любви. Однако под добром и правдой жизни он понимает не *непротивление*, а борьбу — борьбу с ложью и грехом, борьбу с самим собой. А этот путь не может не привести к самопожертвованию — *за други своя*, за Отечество.

¹ «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И.Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 82.

² Библия. Книга пророка Исаии, глава 3, стихи 1–5, 8.

Кредо¹ русской литературы — **жить не по лжи!** Этот призыв в 1974 году прозвучал из уст Солженицына². С таким призывом писатель дерзновенно обращался к людям, потому что сам стремился жить не по лжи. Ещё в 1953 году, находясь в лагере, он написал стихотворение «Триумвирам»³, из которого очевидно, что не ненависти, а добру он посвящает своё творчество.

Написано! ... Целого мира
Не так мне страшен суд,
Как то, что, три триумвира,
Вы судите мой труд.

Вы трое, кому я обязан
Всем лучшим! — как строг ваш взор.
С годами, пусть въявь не сказан,
Пойму я ваш приговор.

Как Пушкин, хотел я о мрачном
Сказать, осветляя боль,
То буйной, то грустно-прозрачной
Увидеть земную юдоль;

Увидеть алмазные всплески
В засмраженной тесной судьбе,
Безжалостным, как Достоевский,
Лишь быв к самому себе;

Но чутким к узлам свилеватых
Узоров в душе чужой,
Что в мире нет виноватых,
Хотел я проведать, как Толстой,

Чтоб вызрел плод поэта
Не к ненависти — к добру.
...Бог знает, насколько это
Моему удалось перу...

В три минуты надеялся Саня Лаженицын («Август Четырнадцатого») узнать о самом главном от самого Толстого: «узнать и понять! — Не понял».

Не понял и не принял Солженицын учение Толстого *о непротивлении*, несмотря на преклонение перед его писательским гением.

Своеобразное продолжение незавершённого в 1909 году разговора Сани Лаженицына и Льва Толстого из «Августа Четырнадцатого» можно найти в заключительной части **Нобелевской лекции** писателя Александра Исаевича Солженицына (1972 год):

«Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А: не забудем, что насилие не живёт одно и не способно жить одно:

¹ Credo (лат.) — «верую».

² «Жить не по лжи»: Сборник материалов. Paris: YMCA – PRESS, 1975.

³ Александр Солженицын. Протеревши глаза: Сборник. М.: «Наш дом – L'Age d'Homme», 1999. С. 207.

оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, — оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь её сладкоречием. Оно уже не всегда, не обязательно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире, — но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: *победить ложь!* Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! — зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь, — но только не против искусства.

А едва развеяна будет ложь, — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падёт.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскалённый час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, — но выйти на бой!

В русском языке излюблены пословицы о **правде**. Они настойчиво выражают немалый тяжёлый народный опыт, и иногда поразительно:

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира»¹.

А.Т.Твардовский, сыгравший в жизни Солженицына исключительную роль, на полях вариантов своих стихов «Тёркин на том свете» записал такую мысль:

«Искусство могущественней всякой политики. Ему дано угадывать ту правду жизни, которая гораздо менее уловима для политики, берущей всё по необходимости и в слишком общих чертах, и в слишком частных, по под- сказке текущего дня».

«Жить не по лжи» — этот принцип заимствован из девятой заповеди Закона Божия: *«Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна».* То есть: **не произноси ложного свидетельства! Живи по правде, а не по лжи.**

Творчество писателя Александра Исаевича Солженицына оказалось могущественней репрессивной политики. Его книги и теперь, уже в новом веке и тысячелетии, учат **жить по правде.**

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 24–25. Полный текст лекции см. в разделе «Хрестоматия» на с. 114–124.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГУМАНИЗМА

Люди забыли Бога...

(Из разговоров стариков)

Еще ребёнком будущий писатель Александр Исаевич Солженицын слышал от местных стариков неполитическое объяснение великих бедствий, потрясших Россию: люди забыли Бога.

Много-много лет спустя на вопрос о глубинных причинах страшных социальных катастроф XX века мудрый писатель отвечал теми же словами: люди забыли Бога!

Характеризуя литературное наследие Александра Исаевича Солженицына, современные школьные учебники по русской литературе XX века утверждают, что писатель являлся продолжателем гуманистической традиции русской литературы. С таким утверждением можно согласиться, если уточнить, что, продолжая лучшие традиции русской литературной классики, Солженицын дал новый импульс постижению христианских духовно-нравственных ценностей родной литературы и культуры. Сам же «гуманизм» в XX веке десакрализовался, и Солженицын в своих произведениях раскрыл это его перерождение.

Что разделяло российское общество первых двух десятилетий XX века?

Разделяло **отношение к прошлому**. А уже исходя из того или иного отношения к прошлому, у человека и в обществе формируется взгляд на настоящее и будущее. За основу берётся либо *уважение* к прошлому, либо *отвращение* к нему. Безразличие к прошлому способствует второму.

В России начала XX века, когда назревала революция, многим неуёмным критикам тогдашнего государственного и общественного устройства и в кошмарном сне не могли присниться: разорение русской деревни насильственной коллективизацией, уничтожение русской культуры так называемой «культурной революцией», ужасы лагерей, ставших Голгофой для миллионов трудолюбивых и добронравных граждан России. Вполне возможно, что эти критики России — писатели, журналисты, адвокаты и другие представители тогдашней русской интеллигенции — *не ведали, что творили*.

Но в те же самые годы их современники — революционеры — вполне сознательно и в строгом соответствии с программой Интернационала готовились *до основания разрушить* прежнюю Россию, прежнюю жизнь, искоренить прежнюю культуру, прежний мир. Революция, по их лозунгам, совершалась *во имя человека и для блага человека*. В средневековом (по мнению революционеров — устаревшем) мировосприятии *мерой вещей* осознавался Бог. Гуманисты объявили *мерой вещей* человека. Потому и названы были гуманистами.

Начинатели европейского гуманизма не отрекались от Бога. Просто они хотели как лучше, и поэтому смыслообразующим центром мира поставили вместо Бога — человека. Но получилось как всегда. Как только святое и традиционное

подменяется или разрушается *во имя человека и для блага человека* — не благо становится, прежде всего, самому человеку. Замечательный английский писатель Г.К.Честертон ещё в начале XX века остроумно подметил: **«Люди, начинающие борьбу против Церкви во имя свободы и гуманности, губят свободу и гуманность»**¹.

8 июня 1978 года на ассамблее выпускников Гарвардского университета (327-й выпуск!) Александр Исаевич открыто сказал о катастрофе гуманистического автономного безрелигиозного сознания:

«Мерю всех вещей на Земле оно [безрелигиозное сознание] поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы утратили то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, — а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь»².

«Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнажённая свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые»³.

Революция 1917 года в России совершилась несмотря на многочисленные предупреждения тех, кто любил Россию, болел за неё, кто ещё на заре XX века ратовал за её сохранение. И обещанное революционерами *светлое будущее* для миллионов граждан России обернулось страшными и многообразными бедами — междоусобицей, разорением, голодом, утратой святынь, потерей близких, тюрьмами, лагерями и расстрелами. Чтобы оправдать этот перелом российской истории, строители *новой жизни* постоянно хулили дореволюционное прошлое России. В политический лексикон было введено устойчивое словосочетание — *«проклятое прошлое»*.

В порыве дикого глумления над дореволюционным прошлым нашего Отечества отвергались не только цари, церковники, богачи и прочие *угнетатели народа*. В годы так называемой *культурной революции* — прямого порождения рево-

¹ Честертон Г.К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. С. 460.

² Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 327.

³ Там же. С. 324.

люции 1917 года — запальчиво отвергались и Пушкин, и классическое изобразительное искусство, и новогодняя (рождественская) ёлка и даже священное слово «Родина». Это слово резало слух тем, кто бредил мировой революцией. Россия представлялась им лишь плацдармом для раздувания пожара мировой революции, как говорят персонажи поэмы А. Блока «Двенадцать»: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!»

А тех «несознательных» граждан России, которые не хотели порочить и клеймить своё прошлое, продолжая мыслить и жить по родным канонам и традициям, — их насильно загоняли в «*светлое будущее*». На воротах Соловецкого лагеря особого назначения (сокращённо — СЛОН) висел лозунг: «Железной рукой загоним человечество к счастью!»

Революция совершилась и разделила исторический путь России на две эпохи — *до революции* и *после революции*.

«Бездна, вырытая в русской истории и разъединившая две эпохи, — это не локальная, пусть даже и огромная яма, это геологический разлом, прошедший через всю жизнь и требующий пересмотра всех духовных ценностей, всех координат бытия. „Ни Пушкину, ни Лермонтову за дерзкую литературу не давали сроков, Толстого за открытый подрыв государства не тронули пальцем. — Где бы ты был 14-го декабря в Петербурге? — спросил Пушкина Николай I. Пушкин ответил искренне: — На Сенатской. И был за это... отпущен домой. А между тем мы прекрасно понимаем, чего стоил ответ Пушкина: статья 58, пункт 2, вооружённое восстание, в самом мягком случае через статью 19 (намерение)... и в зубы свои сроки, ехали в лагеря и умирали. (А Гумилёву и до лагеря ехать не пришлось, разочлись чекистской пулей.)“»¹.

«Безопаснее было при Александре II хранить динамит, чем при Сталине приютить сироту врага народа», — писал А. И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ», сравнивая эти две эпохи.

В 1984 году в одном из интервью А. И. Солженицына спросили: что такое «Красное Колесо»?

Писатель ответил: «„Красное Колесо“ — это большое повествование о судьбах России в революции. Не отдельных лиц, даже не отдельных слоёв, а всей России в целом: от крестьянина глухого угла, от рабочего петроградского завода — до царя; от Петербурга — и до дальних мест России. Февральская революция, задвинутая октябрьским переворотом и господством большевиков, вообще как бы пропала в нашей русской истории. Множество её событий неизвестно, особенно внутри страны. А это самое крупное событие нашей истории, это и есть, собственно, главная революция, вот там повернулись судьбы России, да и судьбы всего мира.

Но, когда я начал работать над книгой, я понял, что и с Февральской революцией нельзя начать, потому что Февральская революция связана с Первой миро-

¹ Сараскина Л. Исторический образ XX века в творчестве А. И. Солженицына // «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 289.

вой войной, она бы не произошла, если бы не было Первой мировой войны. Стало быть, надо как-то описать и Первую мировую войну... Та война тоже, кстати, у нас потеряна, отодвинута гражданской войной. Однако оказалось, что и с этого нельзя начать, потому что все исторические персонажи, все действующие лица, они несут в себе и прошлое, последние перед тем десятилетия, и нельзя понять хода событий, если не отступить ещё назад и не объяснить, как сложились сами люди, само общественное настроение, само историческое понимание. Так я стал отступать сперва в столыпинскую эпоху...»¹.

В «Красном Колесе» А.И.Солженицын описал всю предысторию Февраля 1917 года, саму Февральскую революцию и неумолимые её последствия для России. «Большевицкий переворот — был логическое и неуклонное завершение Февраля»². В 30-томном Собрании сочинений А.И.Солженицына «Красное Колесо» занимает 10 томов — с 7-го по 16-й.

Из советских писателей никто не дерзнул написать полномасштабное художественно-историческое исследование о революции, несмотря на то, что десятки лет советское искусство осеяло её ореолом непререкаемого могущества и величия: «...русские писатели, старшие меня по возрасту, обошли главную тему нашей новейшей истории или скользнули по ней поверхностно», — писал в 1991 году А.И.Солженицын в предисловии к первому русскому зарубежному изданию «Августа Четырнадцатого»³.

Старшие писатели обошли главную тему новейшей истории по двум причинам: и правду было написать нельзя, и даже требуемую господствующей идеологией неправду писать было очень опасно. Утратившее свою скорость колесо революции даже десятки лет спустя продолжало ломать судьбы и писателей, и читателей, и даже тех, кто славил революцию.

Истоки и плоды величайшего гражданского братоубийства, названного прелестным⁴ словом «революция», А.И.Солженицын прозрел на фронтах Великой Отечественной войны, в своих лагерных «университетах» и десятки лет не отступал от твёрдо поставленной задачи — **«написать правдивое историческое исследование о русской революции»**⁵.

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: «Верхняя Волга», 1997. С. 251.

² «Русский вопрос» к концу XX века (1994) // Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 675.

³ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: «Верхняя Волга», 1997. С. 485.

⁴ Славянское слово «прелесть» является производным от слова «лесть», что значит ложь, обман. Прелесть — это обман (или самообман) в превосходной степени. В отличие от художественной литературы последних столетий, в памятниках древнерусской литературы слово «прелесть» употреблялось исключительно в негативном значении.

⁵ Александр Солженицын. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // «Новый мир». 2001. № 4. С. 120.

В воззвании «Жить не по лжи!» (1974 г.) А.И. Солженицын писал, что *все роковые пути* за последний XX век *отпробованы в горькой русской истории*. «Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда всё посеянное взошло, — видно нам, как мы заблудились, как зачಾದились те молодые, самонадеянные, кто думали террором, кровавым восстанием и гражданской войной сделать страну справедливой и счастливой».

Почему топоры?

«Только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора... К топору зовите Русь». Эти слова из письма Н.Г. Чернышевского в «Колокол» 1860 года, звавшие русских людей к революции, А.И. Солженицын поставил эпиграфом к действию первому «Революция» эпопеи «Красное Колесо» — главного произведения всей жизни писателя.

В 2009 году, когда будет опубликован полный текст «Дневника Р – 17» (дневника романа о революции семнадцатого года), тридцать лет сопровождавшего работу автора над эпопеей «Красное Колесо» (1960–1991 гг.), каждый преподаватель родной литературы и отечественной истории XX века сможет прочесть, как создавалось это произведение, названное автором «повествованием в отмеренных сроках». А пока можно воспользоваться отрывками из «Дневника Р – 17», опубликованными в книге «Между двумя юбилеями»¹.

Началом систематической работы над романом «Красное Колесо» писатель называет 1963 год, когда уже многое было обдумано и много было собрано материалов. 18 июня 1965 года А.И. Солженицын в своём Дневнике написал следующие строки:

«Сейчас, когда я, кажется, взаправду вступаю в роман всей моей жизни, задуманный в 1936 г. (сформулировано 18.11.36, но ещё и до того, наверно, надо мной носилось в воздухе неясно — с каких-то ранних детских лет), — сейчас потянуло меня не разбрасывать распирающие мысли и сомнения, а заносить их в дневник, так успокаиваться, отъединяться для работы». Писатель прекрасно понимал, что для работы над таким масштабным произведением потребуются сосредоточенность и уединение.

А.И. Солженицына в мире знают и почитают как негибавшего борца. И он, действительно, бесстрашно боролся с неправдой, ложью, насилием, клеветой. Однако «Дневник Р – 17» показывает и то, с каким глубоким христианским смирением писатель приступал к главному труду своей жизни. К написанию «Красного Колеса» он относился как к священному действию: «Полное ощущение, что я *вхожу* во храм, *вхожу* — и, значит, надо писать». «И только если Бог благословит — я могу справиться с этим непомерным».

Сокрушаясь перед величием поставленной задачи — «написать правдивое историческое исследование о русской революции» — А.И. Солженицын записал в Дневнике самому себе такое утешение:

¹ Три отрывка из «Дневника Р – 17» // «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 9–28. Фрагмент из «Дневника Р – 17» см. на с. 111–113 этого журнала.

«1) даже если роман совсем не удастся — его надо писать. Так много обдумано — что нельзя теперь этого не высказать, хотя бы просто для разъяснения, как исторический этюд. И

2) если я — не смогу, — то ведь в современной литературе, насколько можно судить по поверхности, — и никто другой не может.

А тем, кто будет приходить *после* нас, — будет ещё трудней. Для них потеряются последние ощущения *современности* этих событий. Они будут рассматривать их так же исторически, как декабристов, Новгород или наполеоновскую войну».

Что, как правило, затемнялось в большевистской картине революционной эпохи?

– *Целенаправленное расшатывание духовно-нравственных устоев и социального уклада России на рубеже XIX– XX вв.*

– *Провокационный характер смуты 1905 года.*

– *Подоплёка и последствия для России убийства Петра Аркадьевича Столыпина.*

– *Разложение революционными агитаторами русской армии на фронтах Первой мировой войны.*

– *Подлинный Февраль 1917 года!*

– *Странный Октябрь 1917 года...*

Вокруг этих ключевых глав отечественной истории начала XX века десятилетиями создавались и укреплялись революционные мифы. Сама революция была овеяна священным ореолом как высочайшая ценность для «спасённого» ею народа. Дореволюционное же прошлое России, как говорилось выше, именовалось «проклятым», последний император — «кровавым», Россия — «тюрьмой народов». День 25 октября (по реформированному в январе 1918 года календарю — 7 ноября) на протяжении многих десятилетий был главным праздником в стране. А основным догматом революционной псевдорелигии стало утверждение: спасение человека, народа, страны, всего мира — только в революции!

Российскую историю первых двух десятилетий XX века А.И. Солженицын перечитывает заново, изучает сверхтщательно, на каждом шагу показывая забытые и открывая новые исторические источники.

Изучив протоколы заседаний Временного Правительства, писатель отмечает в своём Дневнике: «Как я ни был готов к Февральской революции, но я не понимал степени и неотвратимости *уже* произошедшей катастрофы, *уже* в первых числах марта. Начав свой замысел когда-то с Октябрьской, всё остальное считая прелюдией, которую писателю нельзя обминуть, — я, видимо, всю оставшуюся жизнь только и ухлопаю на эту одну „прелюдию“». Эта запись была сделана в Дневнике 16 апреля 1976 года. А спустя день, 17 апреля, Солженицын пишет в Дневнике: «К страшным я открытиям пришёл относительно Февральской революции. Не ожидал».

Писатель говорил, что первоначально и у него была та концепция, «которую разделяет большинство живущих ныне и на Западе и на Востоке, — что главным решающим событием была Октябрьская революция и её последствия. Но чем больше, десятилетиями, я знакомился с материалом — с архивами, книгами, устными и письменными личными свидетельствами, — тем яснее для меня становилось, что главным и решающим событием была не Октябрьская революция. И что даже она вообще не была революцией, потому что революцией мы называем массовое стихийное движение, — ничего подобного в Октябре не было. Истинной революцией была Февральская революция»¹. «Между прочим, — уточняет писатель, — все двадцатые годы и сами большевики говорили „октябрьский переворот“, а потом спохватились и стали говорить „революция“»².

В 1980–1983 годах, работая над «Красным Колесом», Солженицын написал четыре обзорных главы, получивших название «Размышления над Февральской революцией»³. В 1988 году им была опубликована статья «Черты двух революций»⁴.

Когда писателя в интервью журналу «Тайм» спросили, почему свой труд о русской революции он назвал «Красное Колесо», он ответил так:

«Революция — огромное космическое Колесо, подобное галактике, закрученной спиральной галактике. Огромное Колесо, которое начинает разворачиваться, — и все люди, включая и тех, которые начинали его крутить, становятся песчинками. Они там и гибнут во множестве. Это грандиозный процесс, его невозможно остановить, если он уже начался».

Другой вопрос корреспондента Солженицыну: «Нельзя остановить это Колесо, раз оно пошло?»

«Трудно, — отвечал писатель. — Хотя революция с революцией не совпадает. Как простое колесо, если вы покатите — оно покатится, покатится и потом остановится раньше или позже. Но за это время страна, в которой произошла революция, может неузнаваемо измениться».

Новый вопрос корреспондента: «Есть по меньшей мере два толкования истории — марксистское и христианское. По второму — за историей стоит воля Божия. Как бы Вы предложили человеку XX столетия понимать историю и что случается с обществом?»

«Да, по-христиански, история есть результат взаимодействия Божьей воли и свободных человеческих волей. Конечно, Божья воля проявляется, но не фаталистично, и человеческие воли тоже проявляются. И как взаимодействие — получается история. Но вообще история нелегка к пониманию. История иррациональна

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. С. 470–471.

² Там же. С. 471.

³ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 457–503. 27 февраля 2007 г. статья «Размышление над Февральской революцией» была перепечатана в «Российской газете».

⁴ Там же. С. 504–537.

для нас, мы её по-настоящему понять не можем. Но что безусловно мы признаём: что жизнь — органична и должна развиваться так, как растёт дерево, как течёт река. А всякий перерыв её — болезнен, неестественен. Революция — и есть такой перерыв»¹.

О том, что история нелегка к пониманию и что течение истории можно сравнить с ростом дерева и течением реки, мы читаем и в «Красном Колесе». Павел Иванович Варсонофьев говорит двум молодым воинам:

«История растёт как дерево живое. И разум для неё топор, разумом вы её не вырастите. Или, если хотите, история — река, у неё свои законы течений, поворотов, завихрений. Но приходят умники и говорят, что она — загнивающий пруд, и надо перепустить её в другую, лучшую, яму, только правильно выбрать место, где канаву прокопать. Но реку, но струю прервать нельзя, её только на вершок разорви — уже нет струи. А нам предлагают рвать её на тысячу саженей. Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это и есть связь струи»².

А. И. Солженицын в «Красном Колесе» разрушил миф о закономерности, неизбежности, сакральности и спасительности российской революции. Более того, в своей эпопее писатель весьма убедительно показал, что именно революция прервала поступательное государственное, культурно-историческое и научно-техническое развитие России. В документально-художественном развенчании в «Красном Колесе» революции как величайшего социального обмана XX века, как грандиозного бедствия России и мира — непреходящая заслуга русского писателя.

«Красное Колесо», по словам А. И. Солженицына, не боевик, который будут читать для удовольствия и для развлечения. Эта книга рассчитана на тех людей, которые хотят серьёзно понять исторический ход, причем исторический ход не только русской, но и мировой истории.

Говоря о Февральской революции, А. И. Солженицын утверждал, что «вообще, вся Февральская революция (что привело к ней и что из неё вытекло) имеет очень *общее* значение. Этот процесс идёт и во всём мире и везде даёт губительные плоды»³. Подобное предостережение содержится и в высказываниях А. И. Солженицына о **перерождении гуманизма**.

В беседе с итальянским журналистом Витторио Страда, происходившей 20 октября 2000 года, А. И. Солженицын, касаясь рубежа века и тысячелетия, сказал следующее:

«Сейчас, во второй половине XX века, начался грандиозный процесс, который ещё, может быть, мы до конца не оценили, — процесс *перерождения гуманизма*. Гуманизм, когда он возникал, увлёкся таким замечательным замыслом: заимствовать у христианства его лучшие идеи, доброту, сочувствие к угнетённым, но

¹ Солженицын А. И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. С. 474.

² Солженицын А. И. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 7. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Книга 1. М.: «Время», 2006. С. 374.

³ Три отрывка из «Дневника Р – 17» // «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь. 2005. С. 23.

попробовать, чтобы это без Бога шло. И на какое-то время гуманизму это удалось. Два столетия гуманизм шествовал как светлое явление, которое проводит светлые идеи, но без Бога. А в середине XX века гуманизм принял ещё контуры глобализма, обещательного глобализма: мы потому никак не пробьёмся к светлому будущему, что у нас нет центрального правительства земного, нет рационального распределения всех ресурсов.

Но вдруг — к концу XX века подошло с неожиданной стороны. Оглянулись — планета наша маленькая, кончается для нас. Гуманизм-глобализм, который призывал помочь всем обездоленным во всем мире, освободить все колонии, поднять Третий мир до уровня Первого, вдруг разглядел, сработала железная логика: это не удастся, потому что нет на это средств и невозможно такое осуществить на нашей тесной Земле. И тут глобализм показал своё новое лицо. <...> Нынешний глобализм уже выдвигает такой термин: не *прогресс*, а социал-дарвинистский *отбор*: происходит отбор успешных, лучших, и этот отбор идёт уже десятилетия на наших глазах. <...> Таким образом гуманизм переродился в глобализм худшего вида, и сегодня не все это ещё признали. А потому что без Бога строили, вот два века протянули... И это трагедия гуманизма, это главное содержание перехода в XXI век и в Третье тысячелетие»¹.

Говоря о критическом положении России в эпоху перерождения гуманизма, писатель в той же беседе добавил следующее: «Вот НАТО — Северо-Атлантический союз, я подчёркиваю, *Северо-Атлантический*. И где оно уже? В Средней Азии, в Закавказье и броненосцем врезалось в Украину, которая мечтает войти в НАТО. Как должна Россия понять?»².

Вспомним, что А. И. Солженицын скончался 3 августа 2008 года. А 7 августа 2008 года началась бомбардировка Цхинвала... Своё предостережение о Закавказье писатель сделал почти за 8 лет до трагических событий в Южной Осетии.

10 мая 1983 года в Лондоне, в Гилдхолле, А. И. Солженицын прочёл лекцию после вручения ему Темплтоновской премии, которая присуждается «лицам, имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире». Свою лекцию писатель начал теми же словами, которые приведены в начале настоящего учебного материала: «Больше полувека назад, ещё ребенком, я слышал от разных пожилых людей в объяснение великих сотрясений, постигших Россию: „Люди забыли Бога, оттого и всё“. С тех пор, потрудясь над историей нашей революции немногим менее полувека, прочтя сотни книг, собрав сотни личных свидетельств и сам уже написав в расчистку того обвала 8 томов, — я сегодня на просьбу как можно короче назвать главную причину той истребительной революции, сглодавшей у нас до 60 миллионов людей, не могу выразить точнее, чем повторить: **„Люди забыли Бога, оттого и всё“**.

Но и более, события русской революции только и могут быть поняты лишь сейчас, в конце века, — на фоне того, что произошло с тех пор в остальном мире.

¹ «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь. 2005. С. 44–45.

² Там же. С. 46.

Тут проясняется процесс всеобщий. Если бы от меня потребовали назвать кратко главную причину всего XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: „**Люди — забыли — Бога**“. Пороками человеческого сознания, лишённого божественной вершины, определились и все главные преступления этого века»¹.

В этой же лекции Солженицын указал на связь революции с воинствующим безбожием. «Всё тот же Достоевский, судя по французской революции, кипевшей от ненависти к церкви, вывел: „Революция непременно должна начать с атеизма“. Так и есть. Но такого организованного, военизированного и злоупорного безбожия, как в марксизме,— мир ещё не знал прежде. В философской системе и в психологическом стержне Маркса и Ленина ненависть к Богу — главный движущий импульс, первое всех политических и экономических притязаний. Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт её. Для её дьявольских целей надо владеть населением безрелигиозным и безнациональным, уничтожить и веру и нацию»².

13 декабря 2000 года в резиденции французского посла состоялась церемония вручения А.И.Солженицыну Большой премии Французской Академии нравственных и политических наук. На этой церемонии писатель и обратился с ответной речью, которая так и называлась — «**Перерождение гуманизма**». В ней А.И.Солженицын также изложил **свой** взгляд на российскую и мировую историю XX века.

Революция 1917 года — горький урок истории России XX века. Чем раньше российская историография освободится от атеистического догмата о «Великой» и «славной» революции, тем скорее и школьное преподавание родной истории, литературы и культуры будет поставлено на прочный фундамент научного источниковедения. Существенную помощь здесь могут оказать историко-художественные исследования А.И.Солженицына «Красное Колесо» и «Архипелаг ГУЛАГ».

...Революционная смута 1917 года. Братоубийство гражданской войны. «Перелом» хребта народа насильственной коллективизацией. Кровавые 1930-е. Страшная цена победы над Гитлером. Стройки ГУЛАГа. Антирелигиозная «оттепель» Хрущева. Россия в обвале 1990-х годов — вот краткий перечень тем, которые раскрыл в своих художественных и публицистических творениях А.И.Солженицын. И ясно показал, что случилось перерождение гуманизма.

Страшно сказать, писатель осмелился осветить даже такую деликатную тему, как *еврейский вопрос*. И вызвал на себя бурю новых нападок, так как писать на эту тему ещё рискованнее, чем развенчивать революцию и большевизм.

В книге «Двести лет вместе» Солженицын со строго научной скрупулёзностью рассматривал различные исторические источники, в том числе и те, в которых евреи, озабоченные судьбой своего народа, сами свидетельствуют о себе и

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 447.

² Там же. С. 450.

своём народе. Поэтому, если кто-либо второпях начнёт обвинять Солженицына в антисемитизме (а было и это), то тогда придётся обвинять в этом грехе самих евреев.

А.И. Солженицын писал о них: «Сила их развития, напора, таланта *вселилась* в русское общественное сознание. Понятия о наших целях, о наших интересах, импульсы к нашим решениям — мы слили с их понятиями. Мы приняли их взгляд на нашу историю и на выходы из неё. И понять это — важней, чем подсчитывать, какой процент евреев раскачивал Россию (раскачивали её — мы все), делал революцию, или участвовал в большевицкой власти»¹.

Христианское разрешение *еврейского вопроса* задолго до XX века дал святой апостол Павел, сам по национальности — еврей. Чтобы ознакомиться с его мнением, достаточно открыть Библию и прочитать 9–11 главы Послания к Римлянам. В Новом Завете есть также Послание этого апостола к Евреям, где подробно раскрывается связь Ветхого и Нового Завета.

Солженицын даёт **свой** взгляд на многострадальную историю России XX века. И чтобы понять и оценить этот взгляд — надо прочесть его произведения. Тогда и пресловутые погромы, и революция 1917 года, и холокост, и Великая Отечественная, и ГУЛАГ предстанут в новом освещении. Станет более понятным, какую огромную роль во всемирно-историческом процессе играют антирелигиозная борьба и политические провокации. Солженицын обнажил провокацию как побудительную причину и движущую силу террора, революций, войн, и тем самым вызвал шквальный огонь на себя...

Есть слова, которые давно уже употребляются как *ярлыки*, как *штампы*. Например, говоря о прошлом или будущем России, писатели, публицисты, политики, социологи, историографы часто употребляют такие слова, как *революция*, *социализм*, *гуманизм*... Давно известные слова. Без них, кажется, не обойтись и в преподавании отечественной и всемирной истории, литературы и культуры. Но *от необдуманного употребления эти слова давно уже потеряли точный смысл. Отдельные публицисты в разные десятилетия понимали под ними разное.*

Эту меру — «*в разные десятилетия*» — подметил Александр Исаевич Солженицын².

Не проглядели ли **мы** за переменчивостью слов перерождение гуманизма?

¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 475.

² Александр Солженицын. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 119.

ВЫСОКОЕ МИРОЧУВСТВИЕ ПИСАТЕЛЯ

Преданно и настойчиво нам, русским, следует держаться за духовный дар православия — уж видно, что из наших последних, теряемых даров.

*А.И. Солженицын
«Россия в обвале» (1998)*

3 августа 2008 года, на исходе Воскресного дня, скончался Александр Исаевич Солженицын.

11 сентября, на Усекновение главы Иоанна Крестителя, когда православные люди России по традиции пришли в свои храмы помолиться о упокоении душ всех православных воинов, на поле брани за веру и Отечество жизнь свою положивших, исполнилось 40 дней со дня кончины великого русского писателя.

А три месяца спустя — **11 декабря 2008 года** — благодарные писателю люди вспомнят о 90-летию со дня его рождения. Совсем немного Александр Исаевич не дожил до своего девяностолетия, но очень многое успел осмыслить и запечатлеть в своих творениях.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своём соболезновании в связи с кончиной писателя отметил, что в жизненном и творческом пути «ему выпало немало испытаний, которые он всегда принимал со смирением и христианским достоинством. Он вынес все тяготы Великой Отечественной войны, несправедливых судов и лагерей, а также высылку из родного Отечества. Много сил и энергии он отдавал любимому делу — литературе. Долгое время, живя в вынужденной эмиграции, он продолжал свидетельствовать об истине и нелегкой судьбе России XX века. Его выдающиеся, яркие произведения снискали заслуженную любовь и глубокое уважение многих людей как в нашей стране, так и за её пределами. Александр Исаевич стремился сделать всё возможное, дабы сохранить русскую литературу, обеспечить преемственность традиций. Он принимал деятельное участие в общественной жизни нашей страны, занимал активную гражданскую позицию, живо откликался на развитие социальной, культурной и духовной жизни в новой, обновлённой России. Он был инициатором многих благих дел и начинаний. С большим воодушевлением Александр Исаевич относился к возрождению исконных традиций нашего народа, к сохранению богатого культурного наследия».

* * *

Таинство Святого Крещения будущий писатель принял в младенчестве: крестили его в церкви святого великомученика Пантелеимона города Кисловодска. Всемиловитый Целитель¹ ограждал его даже в неисцельных (по человеческому рассуждению) болезнях.

¹ Имя Пантелеимон в переводе с греческого языка означает «всемиловитый».

Первое детское воспоминание Александра Исаевича также связано с православным храмом: «Я в церкви. Много народа, свечи. Я с матерью. А потом что-то произошло. Служба вдруг обрывается. Я хочу увидеть, в чём же дело. Мать меня поднимает на вытянутые руки, и я возвышаюсь над толпой. И вижу, как проходят серединой церкви отменные остроконечные шапки кавалерии Будённого, одного из отборных отрядов революционной армии, но такие шапки носили и чекисты».

Оборвав церковную службу и с шумом пройдя в алтарь, бесстрашные, то есть потерявшие страх Божий, стражи революции занялись открытым грабежом, который на официальном языке назывался тогда «изъятием церковных ценностей в пользу голодающих».

«Мрачная картина подавления и уничтожения Православной Церкви в России стала лейтмотивом детства Солженицына, — пишет биограф писателя Людмила Сараскина. — Он видел, как рушат церковные купола, как беснуются воинствующие безбожники вокруг пасхальной службы, вырывая у верующих свечи и куличи, как сбрасывают колокола наземь и долбят храмы на кирпичи».

Ещё ребёнком услышал будущий писатель от местных стариков неполитическое объяснение великих бедствий, потрясших Россию: **люди забыли Бога**. Много лет спустя на вопрос о глубинных причинах страшных катастроф XX века мудрый писатель отвечал теми же словами: **люди забыли Бога!**

Таисья Захаровна, мама будущего писателя, отдала сына в школу № 15 города Ростова-на-Дону, сразу во второй класс, и то не с сентября, а со второй четверти. Здесь второклассник Саша испытал первые гонения за веру: за то, что носил на шее крестик, за то, что продолжал ходить с матерью в последний незакрытый православный храм Ростова-на-Дону. Был случай, когда соученики силой сорвали с него крест.

Александр Исаевич никогда всуе не говорил о религии, никогда не выставлял напоказ свою православную веру. Но свои православные убеждения писатель никогда и не скрывал. О православном воспитании в детстве, о том, как потом в студенческие годы он отклонился было от веры и как вернулся в церковную жизнь, А. И. Солженицын говорил неоднократно.

В одном из интервью (1987 год, Кавендиш, США) Александр Исаевич рассказывал об этом довольно подробно:

«Видите ли, говорить публично о собственном отношении к вере бывает сложно. Однако я могу сказать, что в моём детстве православие в самой простонародной форме мне было внушено и усвоено мною. Мой дедушка и моя бабушка были простые люди. Эта народная набожность подвергалась резкому преследованию в советской школе, подавлялась. Мне очень трудно было устаивать против этого давления. Я подчёркиваю: в моем детстве моя вера была именно в той форме, как верит простой народ. А затем, в ходе советской жизни, действительно, я испытал сильное воздействие того марксистского учения, которое нам внушали в университете, и отошёл от веры. В тюрьме я был в самом деле некоторое время

агностиком, это отражено в „Круге первом“, — но к концу лагеря, и особенно когда я заболел раком и выздоровел, я возвратился к прежней вере»¹.

Поворотным днём в течении болезни был день зимнего праздника в честь Святителя Николая (19 декабря 1953 года), и писатель всегда помнил об этом.

В другом интервью (2000 год, Москва) о формировании своих религиозных убеждений Солженицын говорил следующее:

«...я ещё с детства имел воспитание православное и, кроме того, ясно ориентированное относительно этого режима. И так я держался лет до шестнадцати. А вот лет с семнадцати-восемнадцати увлёкся диалектическим материализмом, всеми марксистскими этими идеями, поверил в них. Однако с некоторыми исключениями. Во-первых, я никогда не разделял восхищения Сталиным, всегда относился к нему резко отрицательно. Во-вторых, изучая, скажем, „Диалектику природы“ Энгельса, я не очаровывался его замечаниями о естественных науках или о математике, с иронической улыбкой их воспринимал. Вот эта „недоработка“ в советском идеале, она и сказалась: собственно, рано или поздно я должен был сесть. А когда я попал в тюрьму, в 26 лет, то уже за один год я действительно полностью очистился ото всего марксистского, потому что я в тюрьмах пытался спорить и всё время был бит, всё время мне не хватало аргументов. Так меня тюрьма перевоспитала, и уже с 27 лет я имел отчётливое представление — то, с которым прошёл жизнь, с которым написал все свои произведения»².

В 1952 году в Экибастузском каторжном лагере з/к «Щ-232» (лагерный номер Солженицына) пишет стихотворение «Акафист».

Да когда ж я так допуста, дочиста
Всё развеял из зёрен благих?
Ведь провёл же и я отрочество
В светлом пении храмов Твоих!

Рассверкалась премудрость книжная,
Мой надменный пронзая мозг,
Тайны мира явились — постижными,
Жребий жизни — податлив как воск.

Кровь бурлила — и каждый выполоск
Иноцветно сверкал впереди, —
И, без грохота, тихо рассыпалось
Зданье веры в моей груди.

Но пройдя между быти и небыти,
Упадав и держась на краю,
Я смотрю в благодарственном трепете
На прожитую жизнь мою.

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3-х тт. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: «Верхняя Волга», 1997. С. 289.

² «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 37.

Не рассудком моим, не желанием
Освещён её каждый излом —
Смысла Высшего равным сиянием,
Объяснившимся мне лишь потом.

И теперь, возвращённую мерою
Надчерпнувши воды живой, —
Бог Вселенной! Я снова верую!
И с отрекшимся был Ты со мной...¹

Почему это стихотворение озаглавлено словом «Акафист»? Может быть, по схожести обстоятельств написания? Акафист Божией Матери (с припевом «Радуйся, Невесто Неневестная!»), послуживший образцом для всех других православных акафистов², был составлен в связи со смертельной опасностью, угрожавшей Царьграду (Константинополю) во время осады его аварами в 626 г. Стихотворение Солженицына «Акафист» было написано находившимся в заключении писателем также в дни смертельной опасности от неисцельной болезни. И в том и в другом случае грозила неминуемая (по человеческому рассуждению) гибель, и в том и другом случае после величайших испытаний чудесно открылся пасхальный исход — спасение от Господа.

Озабоченный русской судьбой, писатель глубоко переживал искоренение в России христианской веры и нравственности. Ещё в раннем детстве Солженицын видел, как «антипасхальные бригады», формировавшиеся Союзом воинствующих безбожников, оскорбляли пасхальное богослужение. Новые тяжёлые впечатления он получил в 1966 году: тогда Пасха пришлась на 10 апреля. Писатель жил в то время в Переделкине, под Москвой, в доме у Корнея Ивановича Чуковского. На ночную пасхальную службу Александр Исаевич пошёл в местный храм Преображения Господня³. Возвратившись со Светлой Заутрени, он сразу написал рассказ «Пасхальный крестный ход».

Строгий, торжественный, трепетный пасхальный крестный ход вокруг храма проходит в тесном окружении толпы развязной молодёжи с модными тогда транзисторными приёмниками, сигаретами во рту и матерщиной:

«Плюют на асфальт, в забаву толкают друг друга, громко свистят, есть и матюгаются <...> Татары наверное не наседали так на Светлую Заутреню.

Уголовный рубеж не перейдён, а разбой бескровный, а обида душевная — в этих губах, изогнутых по-блатному, в разговорах наглых, в хохоте, ухаживаниях, выщупываниях, курении, плевоте в двух шагах от страстей Христовых. В этом

¹ Александр Солженицын. Протеревши глаза: Сборник. М.: «Наш дом – L'Age d'Homme», 1999. С. 199.

² Подробно об Акафисте см.: «Православная Энциклопедия». Т. I. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2000. С. 371–381.

³ Около этой церкви погребён великий миссионер Русской Православной Церкви Владыка Нестор (Анисимов; † 1962), который в 1956–1957 гг. был митрополитом Новосибирским и Барнаульским, но воинствующие атеисты добились его удаления с Новосибирской кафедры.

победительно-презрительном виде, с которым сопляки пришли смотреть, как их деды повторяют обряды пращуров»¹.

«Пасхальный крестный ход» Солженицына — это документальное свидетельство, показывающее, как десятки лет в СССР оскорблялись религиозные чувства миллионов православных граждан, причём оскорблялись в самые святые для них минуты. Но всё это кощунство не могло затмить пасхальной службы. «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» — радостно пели верующие люди, завершая у врат церковных пасхальный крестный ход, и вера церковная у этих презираемых молодёжью за «невежество» богомольцев лишь укреплялась.

А как же та самая молодёжь? Об этом — конец рассказа:

«Старуха крестится в стороне и говорит другой:

– В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько.

Ах, вот оно! Так это ещё — лучший год?..

Что ж будет из этих роженных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещённые усилия и обнадёжные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждём мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех!

И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут»².

В мае 1971 года А. И. Солженицын написал предисловие к русскому зарубежному изданию «Августа Четырнадцатого», открывавшему его литературно-историческое исследование «Красное Колесо». Книга вышла в Париже в июне того же года. До изгнания писателя из Отечества оставалось ещё около трёх лет, но проект указа о лишении его гражданства СССР был уже принят. О чём же пишет А. И. Солженицын в этом кратком предисловии к «Августу Четырнадцатого»? Может быть, о политических тисках, в которых он вынужден был тогда писать и из-за которых не может у себя на Родине опубликовать главную задумку своей жизни? Нет! В предисловии к главному произведению своей жизни он пишет следующее:

«Эта книга сейчас не может быть напечатана на нашей родине иначе как в Самиздате — по цензурным возражениям, не доступным нормальному человеческому рассудку, да даже из-за одного того, что потребовалось бы писать слово Бог непременно с маленькой буквы. На это унижение я уже не могу пригнуться. Директива писать Бога с маленькой есть дешёвая атеистическая мелочность, мелкость. И верующие, и неверующие согласятся, что когда Областное Управление Заготовок пишется с больших, а КГБ или ЗАГС — из одних больших, то для понятия,

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 265.

² Там же. С. 267. Полный текст рассказа опубликован в разделе «Хрестоматия» настоящего выпуска журнала (см. с. 99–101).

обозначающего высшую творческую силу Вселенной, можно бы отпустить одну большую букву. Не говорю уже, что в устах и представлениях людей 1914 года „бог“ с маленькой резало бы исторической фальшью»¹.

Задумаемся: как же надо было пригнуть, духовно принизить целый народ, чтобы в книгах, газетных и журнальных публикациях, а также в учебниках привычным стало неправомерное написание слова Бог?!

В трудные осенние дни 1973 года, когда над Солженицыным сгустились политические тучи, когда уже назрело изгнание, но писатель ожидал и худшего, он молился так: «О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!»

А. И. Солженицына иногда называли пророком. «Нет пророка в своём отечестве!», — вспоминали евангельское выражение, когда писателя *не замечали, не признавали, изгоняли*. Однако слово **пророк** на языке Библии означает гораздо большее, нежели «провидец» или «предсказатель будущего». Пророк призван возвещать людям волю Божию, а если люди отступают от Закона Божия, то — обличать их (вспомним пушкинскую строку: «*глаголом жги сердца людей*»). Пророк призван открывать людям диагноз их душевных недугов, о котором они чаще всего не хотят и слышать. Поэтому пророков немногие почитали, а многие ненавидели, преследовали и даже убивали. Пророки ведь призывали жить по правде Божией, по совести. А человек своей правды ищет...

Кстати, сам писатель не считал себя ни пророком, ни политиком. Считал себя — писателем. И как писатель он постоянно призывал **«жить не по лжи»**, многим тем самым причиняя беспокойство. Он обличал сильных мира сего за беззакония их. Обличал Запад за нравственное разложение. Обличал академика Андрея Сахарова, обвинившего Солженицына в «великорусском национализме». (Да и само слово «православие» в работах Солженицына *настораживало* Сахарова.) Обличал Солженицын и писателей, собратьев по перу, которые *из-за него* не могли спокойно и торжественно *творить*.

В 1972 году, во время Великого поста, А. И. Солженицыным было написано письмо Святейшему Патриарху Пимену. В нём — крик души о детях России.

В то время как все «обречённо молчали» и не смели говорить о том, что из-за господствующего атеизма православные родители в СССР практически были почти полностью лишены возможности прививать своим детям родную веру православную, писатель услышал, как в Рождественском послании к русским православным людям, жившим за рубежом, Патриарх призывает их прививать своим детям любовь к Церкви. Услышал и написал:

«Святейший Владыко!

Камнем гробовым давит голову и разламывает грудь ещё не домершим православным русским людям — то, о чём это письмо. Все знают, и уже было крикнуто вслух, и опять все молчат обречённо. И на камень ещё надо камешек прило-

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: «Верхняя Волга», 1997. С. 485.

жить, чтобы дальше не мочь молчать. Меня таким камешком придавило, когда в рождественскую ночь я услышал Ваше послание.

Защемило то место, где Вы сказали, наконец, о детях — может быть, в первый раз за полвека с такой высоты: чтобы наряду с любовью к Отчизне родители прививали бы своим детям любовь к Церкви (очевидно, и к вере самой?) и ту любовь укрепляли бы собственным добрым примером. Я услышал это — и поднялось передо мной моё раннее детство, проведённое во многих церковных службах, и то необычайное по свежести и чистоте изначальное впечатление, которого потом не могли стереть никакие жернова и никакие умственные теории.

Но — что это? Почему этот честный призыв обращён только к русским эмигрантам? <...> Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто-ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстать и даже не узнать, что потеряно. Перешиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании».

Далее писатель с величайшей душевной скорбью излагал бедственное положение Русской Православной Церкви и православных людей в СССР: требование паспорта при крещении, запрет колокольного звона, другие примеры порабощения церковного от «запоздало-остервенелого атеизма»:

«Сколько населённых мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двухсот километров? И совсем без церквей остался наш Север — издавнее хранилище русского духа и, предвидимо, самое верное русское будущее. <...> О колокольном звоне мы уже и спрашивать не смеем, — а почему лишена Россия своего древнего украшения, своего лучшего голоса? Да храмы ли? — даже Евангелие у нас нигде не достать...».

Заканчивалось это великопостное письмо призывом к самопожертвованию... Солженицын описывал беды и скорби Церкви и её верных чад так, как будто Патриарх не чувствовал, не знал или не понимал бедственно-гонимого положения Церкви, священнослужителей и прихожан чудом сохранившихся от разрушения или закрытия православных храмов.

Письмо было отправлено адресату по почте, но вскоре же попало и в Самиздат. Оно получило широкое хождение в Советском Союзе и за его пределами, а также многократно озвучивалось зарубежными радиостанциями. Для зложелателей Русской Церкви (особенно из числа диссидентствующих) письмо стало поводом к новым нападкам на страждущую Церковь и её служителей.

Прочитав это послание, Патриарх с горечью произнёс: «Побывать бы ему в моих башмаках только пару дней... Но пусть пишет!»¹.

Пусть пишет!..

Святейший Патриарх Пимен (1910–1990) не по слухам знал, что такое репрессии, тюрьмы и лагеря. И, говоря публично о православном воспитании русских детей Зарубежья, он, несомненно, прежде всего, болел душой и за христианское воспитание детей России. И Господь сподобил его привести Русскую Пра-

¹ «Русская Православная Церковь. XX век». М.: Сретенский монастырь, 2008. С. 539.

вославную Церковь к её 1000-летию. А после празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 году в России стали возрождаться Воскресные школы, а ещё через два-три года — учреждаться православные общеобразовательные школы, лицеи и гимназии, детские сады, детские и молодёжные летние лагеря и другие православные образовательные и воспитательные заведения. И в том, что православные дети православных родителей могут теперь изучать Закон Божий в Воскресных школах — великая заслуга и А.И.Солженицына. Знаменательно, что именно в 1988 году вновь открылись страницы отечественных литературных журналов для произведений Александра Исаевича.

Говоря о православном мирочувствии А.И.Солженицына, можно привести поразительный пример предвидения писателя, подтвердившегося недавним и очень важным событием церковной жизни.

Вскоре после того как А.И.Солженицына выслали за границу (февраль 1974 г.), ему последовало приглашение от главы Русской Зарубежной Церкви митрополита Филарета высказать свои соображения о том, «как и чем может угнетённая часть Русской Православной Церкви помочь её угнетённой, пленённой части». Под угнетённой частью подразумевалась Московская Патриархия. В ответ на приглашение Александр Исаевич в августе 1974 года направил текст своего Обращения к Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви, которое приобретает особое значение сейчас, когда уже произошло каноническое воссоединение Русской Зарубежной Православной Церкви с Матерью-Церковью, то есть с Московским Патриархатом.

На вопрос «Как и чем может помочь свободная часть Русской Православной Церкви её угнетённой части?» писатель ответил так:

«Не припомню исключений: основные движения, которые решают будущее страны и народа, происходят всегда в метрополии, а не в диаспорах. (Такую плату платят все, избравшие изгнание: ослабляется их влияние на судьбу своей страны.) Итак, ожидаемое и, конечно, произойдущее освобождение и нашей Церкви и нашего народа тоже совершится — в метрополии, процессами внутренними, божественно-неисповедимыми, как всё сложное, не прогнозируемое самими дальновидными умами. Но и формы, которые отольются или проступят тотчас после освобождения, тем менее доступны нашему прогнозу. Я очень бы предостерег отдельных заносчивых мечтателей от такого ожидания, что освобождённый православный мир рухнет оземь и будет просить иерархию Зарубежной Церкви прийти и возглавить себя. Не человеческими весами взвесить, *кто кого* должен тут оказаться достоин по силе страданий, по силе раскаяния и по силе веры своей»¹.

Беседа с эками из эмигрантов на нарах в лагере, Солженицын мечтал дожить до того дня, когда русская эмиграция воссоединится с Россией. В «Архипелаге» он писал, что каждый, кто истинно любит русскую культуру, «будет стремиться к воссоединению обеих ветвей — метрополии и зарубежья.

¹ Александр Солженицын. Публицистика: В 3 тт. Том 1. Статьи и речи. Ярославль: «Верхняя Волга», 1995. С. 212.

Лишь тогда она достигнет полноты, лишь тогда обнаружит способность к неущербному развитию. Я мечтаю дожить до того дня»¹.

Ожидаемое освобождение Русской Православной Церкви от госатеистического плена началось осуществляться двадцать лет тому назад с празднования 1000-летия Крещения Руси (**1988 г.**). Соединение Русской Зарубежной Церкви с Матерью-Церковью произошло в праздник Вознесения Господня в воссозданном Храме Христа Спасителя **17 мая 2007** года. Но А. И. Солженицын ведь ещё **в 1974 году**, находясь в изгнании, написал Третьему Собору Русской Зарубежной Церкви, что **произойдёт** и освобождение Православной Церкви в России, **произойдёт** и соединение в литургическом общении русских людей, живущих в России и за её пределами. 33 года писатель ждал исполнения своей надежды и стал свидетелем её осуществления.

С 1958 по 1960 год А. И. Солженицын периодически писал небольшие рассказы, названные им «Крохотками». А. Т. Твардовский, которому были показаны несколько таких коротеньких рассказов, не торопился печатать их в «Новом мире». А весной 1964 года, вопреки своей осторожности, Александр Исаевич дал свои «Крохотки» некоторым своим друзьям, сказав, что их можно не прятать, а давать добрым людям. «Крохотки» имели большой успех и широко распространились, даже в провинцию. Осенью 1964 года эти короткие рассказы были напечатаны за границей в журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне).

В некоторых «крохотках» писатель прямо говорил или чуть касался православной веры, скорбя о разрушенном и утраченном.... И даже для него самого стало неожиданным то, как душевно русский читатель воспринял защиту десятки лет попираемого православия. Скорбные вздохи писателя о разрушенных храмах и почти утраченном духовном богатстве предков не могли не коснуться сердец читателей этих литературных миниатюр.

«...И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли — вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни.

Ковыряй, Витька, долбай, не жалеи! Кино будет в шесть, танцы в восемь...»².

Высокое мирочувствие Александра Исаевича нашло отражение в его молитвах. Известны тексты двух молитв. Одна — о России (впервые была опубликована в 2004 году).

¹ Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: опыт художественного исследования. В 3-х кн. Ч. I–II. Екатеринбург: «У-Фактория», 2007. С. 250.

² Путешествуя вдоль Оки // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 553.

Молитва о России

Отче наш Всемилостивый!
Россиюшку Твою многострадальную
Не покинь в ошеломлении нынешнем,
В её израненности, обнищании
И в смутности духа.
Господи Вседержитель!
Не дай ей, не дай пресечься:
Не стать больше быть.
Сколько прямодушных сердец
И сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, —
Не послуживши во имя Твое!
Из глубин Беды —
Вызvoli народ Свой неукладный.

Другая молитва писателем не предназначалась к публикации. Но по непредвиденной случайности и она оказалась напечатанной. Одна из помощниц писателя, перепечатывая «Крохотки» для Самиздата, самовольно прибавила к ним и «Молитву», данную ей лишь для чтения. Так непредназначенная для публикации молитва писателя, составленная им в 1963 году, увидела свет.

Молитва

Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!
Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра, —
Ты снисылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты.
На хребте славы земной
я с удивлением оглядываюсь на тот путь
через безнадёжность — сюда,
откуда я смог послать человечеству
отблеск лучей Твоих.
И сколько надо будет,
чтобы я их ещё отразил, —
Ты дашь мне.
А сколько не успею —
значит, Ты определил это другим¹.

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 554.

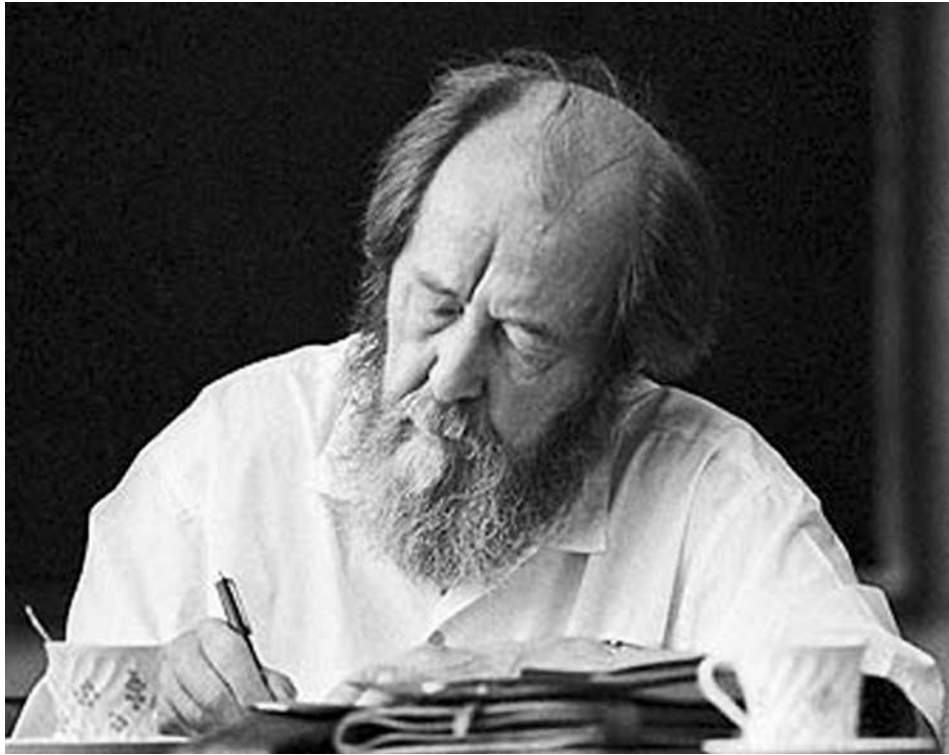
Отпевание писателя проходило в Большом соборе Донского монастыря. Александр Исаевич очень чтит Донской монастырь. Сколько событий русской истории связано с этой древней московской обителью! И именно здесь русский учитель-воин-писатель выразил желание по кончине быть погребённым. Погребён Александр Исаевич в центральной части монастырского кладбища, за алтарём храма Преподобного Иоанна Лествичника, рядом с могилой выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, зная о желании писателя быть погребённым в Донском монастыре, за пять лет до его кончины своим благословением утвердил его как завещание.

И как духовное завещание народу России читаются слова Александра Исаевича Солженицына, начертанные им за десять лет до кончины — в тяжком 1998 году — в книге «Россия в обвале»:

«Преданно и настойчиво нам, русским, следует держаться за духовный дар православия — уж видно, что из наших последних, теряемых даров.

Именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип. Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепит тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных. Если в предстоящие десятилетия мы будем ещё, ещё терять и объём населения, и территории, и даже государственность — то одно нетленное и останется у нас: православная вера и источаемое из неё высокое мирочувствие»¹.

¹ Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С. 187.

Хрестоматия

КОЛОКОЛЬНЯ	90
КОЛОКОЛ УГЛИЧА	91
ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ	92
ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА (Отрывок)	93
ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД	99
ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!	102
АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ (Отрывок)	106
Из «ДНЕВНИКА Р – 17»	111
НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ	114

КОЛОКОЛЬНЯ

Кто хочет увидеть единым взором, в один окоём, нашу недотопленную Россию — не упустите посмотреть на калязинскую колокольню.

Она стояла при соборе, в гуще изобильного торгового города, близ Гостиного двора, и на площадь к ней спускались улицы двухэтажных купеческих особняков. И никакой же провидец не предсказал тогда, что древний этот город, переживший разорения жестокие и от татар, и от поляков, на своём восьмом веку будет, невежественной волей самодурных властителей, утоплен на две трети в Волге: всё бы спасла вторая плотина, да поскудились большевики на неё. (Да что! — Мо-ло́га и вся на дне.) И сегодня, стань на прибрежной грани, — даже воображению твоему уже не подъять из хляби этот изневольный Китеж, или Атлантиду, ушедшую на дюжину сажений глубины.

Но осталась от утопленного города — высокостройная колокольня. Собор взорвали или растащили на кирпичи ради нашего будущего — а колокольню почему-то не доспели свалить, даже вовсе не тронули, как заповедную бы. И — вот, стоит из воды, добротнейшей кладки, белого кирпича, в шести ярусах сужаясь кверху (полтора яруса залито), в последние годы уж и отмостку присыпали к ней для сохранности низа, — стоит, нисколько не покосясь, не искривясь, пятью просквоженными пролётами, а дальше луковкой и шпилем — в небо! Да ещё на шпиле — каким чудом? — крест уцелел. От крупных волжских теплоходов, не добирающих высотой, как издали глянуть, и на пол-яруса, — шлёпают волны по белым стенам, и с палуб уже пятьдесят лет глазают советские пассажиры.

Как по израненным, бродишь по грустным уцелевшим улочкам, где и с покошенными уже домишками тех поспешно переселённых затопленцев. На фальшивой набережной калязинские бабы, сохраняя старую приверженность к исконной мягкости и чистоте волжской воды, тщатся выполаскивать бельё. Полузамерший, переломленный, недобитый город, с малым остатком прежних отменных зданий. Но и в этой запусте у покинутых тут, обманутых людей нет другого выбора, как жить. И жить — здесь.

И для них тут, и для всех, кто однажды увидел это диво: ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, в с ю Русь до конца не попустит Господь утопить...

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт.
Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 560–561.*

КОЛОКОЛ УГЛИЧА

Кто из нас не слышал об этом колоколе, в диковинное наказание лишённом и языка и одной проушины, чтоб никогда уже не висел в колокольном достоинстве; мало того — битом плетьюми, а ещё и сосланном за две тысячи вёрст, в Тобольск, на колымаге, — и во всю, и во всю эту даль не лошади везли заклятую клажу, но тянули на себе наказанные угличане — сверх тех двухсот, уже казнённых за растерзанье *государевых людей* (убийц малюго царевича), и те — с языками урезанными, дабы не изъясняли по-своему происшедшее в городе.

Возвращаясь Сибирью, пересёкся я в Тобольском кремле с опустелым следом изгнанника — в часовенке-одиночке, где отбывал он свой тристолетний срок, пока не был помилован к возврату. А вот — я и в Угличе, в храме Димитрия-на-Крови. И колокол, хоть и двадцатипудовый, а всего-то в полчеловеческих роста, укреплен тут в почёте. Бронза его потускла до выстраданной серизны. Било его свисает недвижно. И мне предлагают — ударить.

Я — бью, единожды. И какой же дивный гул возникает в храме, сколь многозначно это слитие глубоких тонов, из старины — к нам, неразумно поспешливым и замутнённым душам. Всего один удар, но длится полминуты, а додлеается минуту полную, лишь медленно-медленно величественно угасая — и до самого умолка не теряя красочного многозвучья. Знали предки тайны металлов.

В первые же миги по известью, что царевич зарезан, пономарь соборной церкви кинулся на колокольную, догадливо заперев за собою дверь, и, сколько в неё ни ломились недруги, бил и бил набат вот в этот самый колокол. Вознёсся вопль и ужас угличского народа — то колокол возвещал общий страх за Русь.

Те раскатные колокольные удары — клич великой Беды — и предвестили Смуту Первую. Досталось и мне, вот, сейчас ударить в страдальный колокол — где-то в длении, в тлении Смуты Третьей. И как избавиться от сравнения: провидческая тревога народная — лишь досадная помеха трону и непробивной боярщине, что четыреста лет назад, что теперь.

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт.
Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 559.*

ПОМИНОВАНИЕ УСОПШИХ

Оно — с высокой мудростью завещано нам людьми святой жизни.

Понять этот замысел — не в резвой юности, когда мы тесно окружены близкими, родными, друзьями. Но — с годами.

Ушли родители, уходят сверстники. Куда уходят? Кажется: это — неугадано, непостижно, нам не дано. Однако с какой-то предданной ясностью просвечивает, мерцает нам, что они — нет, не исчезли.

И — ничего больше мы не узнаем, пока живы. Но молитва за души их — перекидывает от нас к ним, от них к нам — неосязаемую арку — вселенского размаха, а непреградной близости. Да вот они, почти можно коснуться. И — незнание они, и, по-прежнему, такие привычные. Но — отставшие от нас по годам: иные, кто был старше нас, те уже и моложе.

Сосредоточась, даже вдыхаешь их отзыв, заминку, предупреждение. И — своё земное тепло посылаешь им в обмен: может, и мы чем-то пособим?

И — обещанье встречи.

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт.
Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 570.*

ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА

(Отрывок)

Вдруг прогудел гудок с энергопоезда. Он не сразу во всю мочь загудел, а сперва хрипловато так, будто горло прочищал.

Полдня — долой! Перерыв обеденный!

Эх, пропустили! Давно б в столовую идти, очередь занимать. На объекте одиннадцать бригад, а в столовую больше двух не входит.

Бригадира всё нет. Павло окинул оком быстрым и так решил:

— Шухов и Гопчик — со мной! Кильдигс! Як Гопчика до вас пришлю — ведить зараз бригаду!

Места их у печи тут же и захватили, окружили ту печку, как бабу, все обнимать лезут.

— Кончай ночевать! — кричат ребята. — Закуривай!

И друг на друга смотрят — кто закурит. А закуривать некому — или табака нет, или зажимают, показать не хотят.

Вышли наружу с Павлом. И Гопчик сзади зайчишкой бежит.

— Потёплело, — сразу определил Шухов. — Градусов восемнадцать, не боле. Хорошо будет класть.

Оглянулись на шлакоблоки — уж ребята на подмости покидали многие, а какие и на перекрытие, на второй этаж.

И солнце тоже Шухов проверил, сощурясь, — насчёт кавторангова декрета.

А наоткрыте, где ветру простор, всё же потягивает, пощипывает. Не забывайся, мол, помни январь.

Производственная кухня — это халабуда маленькая, из тёсу сколоченная вокруг печи, да ещё жостью проржавленной обитая, чтобы щели закрыть. Внутри халабуду надвое делит перегородка — на кухню и на столовую. Одинаково, что на кухне полы не стелены, что в столовой. Как землю заторили ногами, так и осталась в буграх да в ямках. А кухня вся — печь квадратная, в неё котёл вмазан.

Орудуют на той кухне двое — повар и санинструктор. С утра, как из лагеря выходить, получает повар на большой лагерьной кухне крупу. На брата, наверно, грамм по пятьдесят, на бригаду — кило, а на объект получается немногим меньше пуда. Сам повар того мешка с крупой три километра нести не станет, даёт нести *шестёрке*. Чем самому спину ломать, лучше тому шестёрке выделить порцию лишнюю за счёт работяг. Воду принести, дров, печку растопить — тоже не сам повар делает, тоже работяги да доходяги — и им он по порции, чужого не жалко. Ещё положено, чтоб ели, не выходя со столовой: миски тоже из лагеря носить приходится (на объекте не оставишь, ночью вольные сопрут), так носят их полсотни, не больше, а тут моют да оборачивают побыстреей (носчику мисок — тоже порция сверх). Чтоб мисок из столовой не выносили — ставят ещё нового шестёрку на дверях, не выпускать мисок. Но как он ни стереги — всё равно уне-

сут, уговорят ли, глаза ли отведут. Так ещё надо по всему, по всему объекту сборщика пустить: миски собирать грязные и опять их на кухню стаскивать. И тому порцию. И тому порцию.

Сам повар только вот что делает: крупу да соль в котёл засыпает, жиры делит — в котёл и себе. (Хороший жир до работяг не доходит, плохой жир — весь в котле. Так ээки больше любят, чтоб со склада отпускали жиры плохие.) Ещё — помешивает кашу, как доспевает. А санинструктор и этого не делает: сидит смотрит. Дошла каша — сейчас санинструктору: ешь от пуза. И сам — от пуза. Тут дежурный бригадир приходит — меняются они ежедён — пробу снимать, проверять будто, можно ли такой кашей работяг кормить. За дежурство ему — двойную порцию. Да с бригадой получит.

Тут и гудок. Тут приходят бригады в черёд, и выдает повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы — не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редек в рот, если рот откроешь.

Свистит над голой степью ветер — летом суховейный, зимой морозный. Отроду в степи той ничего не росло, а меж проволоками четырьмя — и подавно. Хлеб растёт в хлеборезке одной, овёс колосится — на продскладе. И хоть спину тут в работе переломи, хоть животом ляжь — из земли еды не выколотишь, больше, чем начальничек тебе выпишет, не получишь. А и того не получишь за поварами, да за шестёрками, да за придурками. И здесь воруют, и в зоне воруют, и ещё раньше на складе воруют. И все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. А ты — вкалывай и бери, что дают. И отходи от окошка.

Кто кого сможет, тот того и гложет.

Вошли Павло с Шуховым и с Гопчиком в столовую — там прямо один к одному стоят, не видно за спинами ни столов куцых, ни лавок. Кто сидя ест, а больше стоя. 82-я бригада, какая ямки долбала без угреву полдня, — она-то первые места по гудку и захватила. Теперь и поевши не уйдёт — уходить ей некуда. Ругаются на неё другие, а ей что по спине, что по стене — всё отрадней, чем на морозе.

Пробились Павло и Шухов локтями. Хорошо пришли: одна бригада получает, да одна всего в очереди, тоже помбригадиры у окошка стоят. Остальные, значит, за нами будут.

— Миски! Миски! — повар кричит из окошка, и уж ему суют отсюда, и Шухов тоже собирает и суёт — не ради каши лишней, а быстрее чтоб.

Ещё там сейчас за перегородкой шестёрки миски моют — это тоже за кашу.

Начал получать тот помбригадир, что перед Павлом, — Павло крикнул через головы:

— Гопчик!

— Я! — от двери. Тонюсенский у него голосочек, как у козлёнка.

— Зови бригаду!

Убёг.

Главное, каша сегодня хороша, лучшая каша — овсянка. Не часто она бывает. Больше идёт магара по два раза в день или мучная затирка. В овсянке между зёрнами — навар этот сытен, он-то и дорог.

Сколища Шухов смолоду овса лошадям скормил — никогда не думал, что будет всей душой изнывать по горсточке этого овса.

— Мисок! Мисок! — кричат из окошка.

Подходит и 104-й очередь. Передний помбригадир в свою миску получил двойную «бригадирскую», отвалил от окошка.

Тоже за счёт работяг идёт — и тоже никто не перечит. На каждого бригадира такую дают, а он хоть сам ешь, хоть помощнику отдавай. Тюрин Павлу отдаёт.

Шухову сейчас работа такая: вклинился он за столом, двух доходяг согнал, одного работягу по-хорошему попросил, очистил стола кусок мисок на двенадцать, если вплоть их ставить, да на них вторым этажом шесть станут, да ещё сверху две, теперь надо от Павла миски принимать, счёт его повторять и доглядывать, чтоб чужой никто миску со стола не увёл. И не толкнул бы локтем никто, не опрокинул. А тут же рядом вылезают с лавки, влезают, едят. Надо глазом границу держать: миску — свою едят? или в нашу залезли?

— Две! Четыре! Шесть! — считает повар за окошком. Он сразу по две в руки даёт. Так ему легче, по одной сбиться можно.

— Дви, чотыри, шість,— негромко повторяет Павло туда ему в окошко. И сразу по две миски передаёт Шухову, а Шухов на стол ставит. Шухов вслух ничего не повторяет, а считает острее их.

— Восемь, десять.

Что это Кильдигс бригаду не ведёт?

— Двенадцать, четырнадцать... — идёт счёт.

Да мисок недостало на кухне. Мимо головы и плеча Павла видно и Шухову: две руки повара поставили две миски в окошечке и, держась за них, остановились, как бы в раздумьи. Должно, он повернулся и посудомоев ругает. А тут ему в окошечко ещё стопку мисок опорожненных суют. Он с тех нижних мисок руки стронул, стопку порожних назад передаёт.

Шухов покинул всю гору мисок своих за столом, ногой через скамью перемахнул, обе миски потянул и, вроде не для повара, а для Павла, повторил не очень громко:

— Четырнадцать.

— Стой! Куда потянул? — заорал повар.

— Наш, наш,— подтвердил Павло.

— Ваш-то ваш, да счёта не сбивай!

— Четырнáйцать, — пожал плечами Павло. Он-то бы сам не стал миски *косить*, ему, как помбригадиру, авторитет надо держать, ну, а тут повторил за Шуховым, на него же и свалить можно.

— Я «четырнадцать» уже говорил! — разоряется повар.

— Ну что ж, что говорил! А сам не дал, руками задержал! — шумнул Шухов. — Иди, считай, не веришь? Вот они, на столе все!

Шухов кричал повару, но уже заметил двух эстонцев, пробивавшихся к нему, и две миски с ходу им сунул. И ещё он успел вернуться к столу, и ещё успел соchnуть, что все на месте, соседи спереть ничего не успели, а свободно могли.

В окошке вполноту показалась красная рожа повара.

— Где миски? — строго спросил он.

— На, пожалуйста! — кричал Шухов. — Отодвинься ты, друг ситный, не засть! — толкнул он кого-то. — Вот две! — он две миски второго этажа поднял повыше. — И вон три ряда по четыре, акурат, считай.

— А бригада не пришла? — недоверчиво смотрел повар в том маленьком просторе, который давало ему окошко, для того и узкое, чтоб к нему из столовой не подглядывали, сколько там в котле осталось.

— Ни, нэма ще бригады, — покачал головой Павло.

— Так какого ж вы хрена миски занимаете, когда бригады нет? — рассвирепел повар.

— Вон, вон бригада! — закричал Шухов.

И все услышали окрики кавторанга в дверях, как с капитанского мостика:

— Чего столпились? Поели — и выходи! Дай другим!

Повар пробуркотел ещё, выпрямился, и опять в окошке появились его руки.

— Шестнадцать, восемнадцать...

И, последнюю налив, двойную:

— Двадцать три. Всё! Следующая!

Стали пробиваться бригадники, и Павло протягивал им миски, кому через головы сидящих, на второй стол.

На скамейке на каждой лётке село бы человек по пять, но как сейчас все одеты были толсто — еле по четыре умещалось, и то ложками им двигать было несправно.

Рассчитывая, что из закошенных двух порций уж хоть одна-то будет его, Шухов быстро принялся за свою кровную. Для того он колёно правое подтянул к животу, из-под валеного голенища вытянул ложку «Усть-Ижма, 1944», шапку снял, поджал под левую мышку, а ложкою обтронул кашу с краёв.

Вот эту минуту надо было сейчас всю собрать на еду и, каши той тонкий пласт со дна снимая, бережно в рот доносить, а там языком переминать. Но приходилось поспешить, чтобы Павло увидел, что он уже кончил, и предложил бы ему вторую кашу. А тут ещё Фетюков, который пришёл с эстонцами вместе, всё подметил, как две каши закосили, стал прямо против Павла и ел стоя, поглядывая на четыре оставшихся неразобранных бригадных порции. Он хотел тем показать Павлу, что ему тоже надо бы дать если не порцию, то хоть полпорции.

Смуглый молодой Павло, однако, спокойно ел свою двойную, и по его лицу никак было не знать, видит ли он, кто тут рядом, и помнит ли, что две порции лишних.

Шухов доел кашу. Оттого, что он желудок свой раззявил сразу на две — от одной ему не стало сытно, как становилось всегда от овсянки. Шухов полез во внутренний карман, из тряпицы беленькой достал свой незамёрзлый полукруглый кусочек верхней корочки, ею стал бережно вытирать все остатки овсяной размазни со дна и разложистых боковин миски. Насобирав, он слизывал кашу с корочки языком и ещё собирал корочкою с эстолько. Наконец миска была чиста, как вымыта, разве чуть замутнена. Он через плечо отдал миску сборщику и продолжал минуту сидеть со снятой шапкой.

Хоть закосил миски Шухов, а хозяин им — помбригадир.

Павло потомил ещё немного, пока тоже кончил свою миску, но не вылизывал, а только ложку облизал, спрятал, перекрестился. И тогда тронул слегка — передвинуть было тесно — две миски из четырёх, как бы тем отдавая их Шухову.

— Иван Денисович. Одну соби визмѣть, а одну Цезарю отдасьтѣ.

Шухов помнил, что одну миску надо Цезарю нести в контору (Цезарь сам никогда не унижался ходить в столовую ни здесь, ни в лагере), — помнил, но, когда Павло коснулся сразу двух мисок, сердце Шухова обмерло: не обе ли лишние ему отдавал Павло? И сейчас же опять пошло сердце своим ходом.

И сейчас же он наклонился над своей законной добычей и стал есть рассудительно, не чувствуя, как толкали его в спину новые бригады. Он досадовал только, не отдали бы вторую кашу Фетюкову. Шакалить Фетюков всегда мастак, а закосить бы смелости не хватило.

...А вблизи от них сидел за столом кавторанг Буйновский. Он давно уже кончил свою кашу и не знал, что в бригаде есть лишние, и не оглядывался, сколько их там осталось у помбригадира. Он просто разомлел, разогрелся, не имел сил встать и идти на мороз или в холодную, необогревающую обогревалку. Он так же занимал сейчас незаконное место здесь и мешал новоприбывающим бригадам, как те, кого пять минут назад он изгонял своим металлическим голосом. Он недавно был в лагере, недавно на общих работах. Такие минуты, как сейчас, были (он не знал этого) особо важными для него минутами, превращавшими его из властного звонкого морского офицера в малоподвижного осмотрительного зэка, только этой малоподвижностью и могущего перемочь отвёрстанные ему двадцать пять лет тюрьмы.

...На него уже кричали и в спину толкали, чтоб он освобождал место.

Павло сказал:

— Капитан! А, капитан?

Буйновский вздрогнул, как просыпаясь, и оглянулся.

Павло протянул ему кашу, не спрашивая, хочет ли он. Брови Буйновского поднялись, глаза его смотрели на кашу, как на чудо невиданное.

— Берить, берить,— успокоил его Павло и, забрав последнюю кашу для бригадира, ушёл.

Виноватая улыбка раздвинула истресканные губы капитана, ходившего и вокруг Европы, и Великим северным путём. И он наклонился, счастливый, над неполным черпаком жидкой овсяной каши, безжирной вовсе,— над овсом и водой.

Фетюков злобно посмотрел на Шухова, на капитана и отошёл.

А по Шухову, правильно, что капитану отдали. Придёт пора, и капитан жить научится, а пока не умеет.

Ещё Шухов слабую надежду имел — не отдаст ли ему и Цезарь своей каши? Но не должен бы отдать, потому что посылки не получал уже две недели.

После второй каши так же вылизав донце и развал миски корочкой хлеба и так же слизывая с корочки каждый раз, Шухов напоследок съел и саму корочку. После чего взял охолодевшую кашу Цезаря и пошёл.

— В контору! — оттолкнул он шестёрку на дверях, не пропускавшего с миской.

*Отрывок приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт.
Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 53–59.*

ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

Учат нас теперь знатоки, что маслом не надо писать всё, как оно точно есть. Что на то цветная фотография. Что надо линиями искривлёнными и сочетаниями треугольников и квадратов передавать мысль вещи вместо самой вещи.

А я не доразумеваю, какая цветная фотография отберёт нам со смыслом нужные лица и вместит в один кадр пасхальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции. Один только этот пасхальный сегодняшний ход разъяснил бы многое нам, изобрази его самыми старыми ухватками, даже без треугольников.

За полчаса до благовеста выгладит приограды патриаршей церкви Преображения Господня как топталовка при танцплощадке далёкого лихого рабочего посёлка. Девки в цветных платочках и спортивных брюках (ну, и в юбках есть) голосистые, ходят по трое, по пятеро, то толкнутся в церковь, но густо там в притворе, с вечера раннего старухи места занимали, девчёнки с ними перетявкнутся и наружу; то кружат по церковному двору, выкрикивают развязно, кличутся издали и разглядывают зелёные, розовые и белые огоньки, зажжённые у внешних настенных икон и у могил архиереев и протопресвитеров. А парни — и здоровые и плюгавые — все с победным выражением (кого они победили за свои пятнадцать-двадцать лет? — разве что шайбами в ворота...), все почти в кепках, шапках, кто с головой непокрытой, так не тут снял, а так ходит, каждый четвёртый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит, да противно как курит, прислонивши папиросу к нижней губе. И ещё до ладана, вместо ладана, сизые клубы табачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурых неподвижных тучах. Плюют на асфальт, в забаву толкают друг друга, громко свистят, есть и матюгаются, несколько с транзисторными приёмниками наяривают танцевалку, кто своих марух обнимает на самом проходе, и друг от друга этих девок тянут, и петушисто посматривают, и жди как бы не выхватили ножи: сперва друг на друга ножи, а там и на православных. Потому что на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяйка на мух.

Всё же до ножей не доходит — три-четыре милиционера для прилики прохаживаются там и здесь. И мат — не воплями через весь двор, а просто в голос, в сердечном русском разговоре. Потому и милиция нарушений не видит, дружелюбно улыбается подрастающей смене. Не будет же милиция папиросы вырывать из зубов, не будет же она шапки с голов схлобучивать: ведь это на улице, и право не верить в Бога ограждено конституцией. Милиция честно видит, что вмешиваться ей не во что, уголовного дела нет.

Растеснённые к ограде кладбища и к церковным стенам, верующие не то чтоб там возражать, а озираются, как бы их ещё не пырнули, как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до воскресения Христа. Здесь, вне храма, их, православных, и меньше гораздо, чем зубоскалящей, ворошашейся вольницы. Они напуганы и утеснены хуже, чем при татарах.

Татары наверное не наседали так на Светлую Заутреню.

Уголовный рубеж не перейден, а разбой безкровный, а обида душевная — в этих губах, изогнутых по-блатному, в разговорах наглых, в хохоте, ухаживаниях, выщупываниях, курении, плевоте в двух шагах от страстей Христовых. В этом победительно-презрительном виде, с которым сопляки пришли смотреть, как их деды повторяют обряды пращуров.

Между верующими мелькают одно-два мягких еврейских лица. Может крещёные, может сторонние. Осторожно посматривая, ждут крестного хода тоже.

Евреев мы всё ругаем, евреи нам безперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься — остолбенеешь.

И ведь, кажется, не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освящённые вырывали из рук и улюлюкали под чертей, — нет! Это как бы любознательные: хоккейный сезон по телевидению кончился, футбольный не начинался, тоска, — вот и лезут к свечному окошечку, растолкав христиан, как мешки с отрубями, и, ругая «церковный бизнес», покупают зачем-то свечи.

Одно только странно: все приезжие, а все друг друга знают, и по именам. Как это у них так дружно получилось? Да не с одного ль они завода? Да не комсорг ли их тут ходит тоже? Да может эти часы им как за дружину записываются?

Ударяет колокол над головой крупными ударами — но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных глубоких. Колокол звонит, объявляя крестный ход.

И тут-то повалили! — не верующие, нет, опять эта ревущая молодость. Теперь их вдвое и втрое навалило во двор, они спешат, сами не зная, чего ищут, какую сторону захватывать, откуда будет Ход. Зажигают красные пасхальные свечечки, а от свечек — от свечек они прикуривают, вот что! Толпятся, как бы ожидая начать фокстрот. Ещё не хватает здесь пивного ларька, чтоб эти чубатые вытянувшиеся ребята — порода наша не мельчает! — сдували бы белую пену на могилы.

А с паперти уже сошла голова Хода и вот заворачивает сюда под мелкий благовест. Впереди идут два деловых человека и просят товарищей молодых сколько-нибудь расступиться. Через три шага идёт лысенький пожилой мужичок вроде церковного ктитора и несёт на шесте тяжеловатый гранёный остеклённый фонарь со свечой. Он опасливо смотрит вверх на фонарь, чтоб нести его ровно, и в стороны так же опасливо. И вот отсюда начинается картина, которую так хотелось бы написать, если б я мог: ктитор не того ли боится, что строители нового общества сейчас сомнут их, бросятся бить?.. Жуть передаётся и зрителю.

Девки в брюках со свечками и парни с папиросами в зубах, в кепках и в расстёгнутых плащах (лица неразвитые, вздорные, самоуверенные на рубль, когда не понимают на пятак; и простогубые есть, доверчивые; много этих лиц должно быть на картине) плотно обстали и смотрят зрелище, какого за деньги нигде не увидишь.

За фонарём движутся двое хоругвей, но не отдельно, а тоже как от испуга стеснясь.

А за ними в пять рядов по две идут десять поющих женщин с толстыми горящими свечами. И все они должны быть на картине! Женщины пожилые, с твёрдыми отрешёнными лицами, готовые и на смерть, если спустят на них тигров. А две из десяти — девушки, того самого возраста девушки, что столпились вокруг с парнями, однолетки — но как очищены их лица, сколько светлости в них.

Десять женщин поют и идут сплочённым строем. Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны. Эти женщины не дышат папиросным дымом, их уши завешаны от ругательств, их подошвы не чувствуют, что церковный двор обратился в танцплощадку.

Так начинается подлинный крестный ход! Что-то пробрало и зверят по обе стороны, притихли немного.

За женщинами следуют в светлых ризах священники и дьяконы, их человек семь. Но как непросторно они идут, как сбились, мешая друг другу, почти кадиллом не размахнуться, орарий не поднять. А ведь здесь, не отговорили б его, мог бы идти и служить Патриарх всея Руси!..

Сжато и поспешно они проходят, а дальше — а дальше Хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не забиться.

Молящихся нет, но тут-то и попёрла, тут-то и попёрла наша бражка! Как в проломленные ворота склада, спеша захватить добычу, спеша разворовать пайки, обтираясь о каменные верей, закруживаясь в вихрях потока, — теснятся, толкаются, пробиваются парни и девки — а зачем? Сами не знают. Поглядеть, как будут попы чудаковать? Или просто толкаться — это и есть их задание?

Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди — первые ряды этой публики, как они втискиваются в ограду, должны ещё обязательно попасть на картину! И тогда она будет завершена!

Старуха крестится в стороне и говорит другой:

— В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько.

Ах, вот оно! Так это ещё — лучший год?..

Что ж будет из этих роженных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещённые усилия и обнадёжные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждём мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех!

И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут.

*10 апреля 1966
Первый день Пасхи*

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 тт.
Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: «Время», 2007. С. 264–267.*

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!

Когда-то мы не смели и шёпотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат, а уж друг другу-то, сойдясь в курилках НИИ, от души нажалуемся: чего только *они* не накуролесят, куда только не тянут нас! И ненужное космическое хвастовство при разорении и бедности дома; и укрепление дальних диких режимов; и разжигание гражданских войн; и безрассудно вырастили Мао Цзе-дуна (на наши средства) — и нас же на него погонят, и придётся идти, куда денешься? и судят, кого хотят, и здоровых загоняют в умалишённые — всё «они», а мы — бессильны.

Уже до доньшка доходит, уже всеобщая духовная гибель насунулась на всех нас, и физическая вот-вот запылает и сожжёт и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему всё улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно:

— А чем же мы помешаем? У нас нет сил.

Мы так безнадёжно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твёрдости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щёлочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки.

Уж как долбили нам на политкружках, так в нас и вросло, удобно жить, на весь век хорошо: *среда*, социальные условия, из них не выскочишь, бытие определяет сознание, мы-то при чём? мы ничего не можем.

А мы можем — всё! — но сами себе лжём, чтобы себя успокоить. Никакие не «они» во всём виноваты — мы сами, только мы!

Возрают: но ведь действительно ничего не придумаешь! Нам заклипили рты, нас не слушают, не спрашивают. Как же заставить их послушать нас?

Переубедить их — невозможно.

Естественно было бы их переизбрать! — но перевыборов не бывает в нашей стране.

На Западе люди знают забастовки, демонстрации протеста, — но мы слишком забиты, нам это страшно: как это вдруг — отказаться от работы, как это вдруг — выйти на улицу?

Все же другие роковые пути, за последний век отпробованные в горькой русской истории, — тем более не для нас, и вправду — не надо! Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда всё посеянное взошло, — видно нам, как заблудились, как зачಾದились те молодые, самонадеянные, кто думали террором, кровавым восстанием и гражданской войной сделать страну справедливой и счастливой. Нет, спасибо, отцы просвещения! Теперь-то знаем мы, что гнусность методов расплывается в гнусности результатов. Наши руки — да будут чистыми!

Так круг — замкнулся? И выхода — действительно нет? И остаётся нам только бездейственно ждать: вдруг случится что-нибудь с а м о?

Но никогда оно от нас не отлипнет с а м о, если все мы все дни будем его признавать, прославлять и упрочнять, если не оттолкнёмся хотя б от самой его чувствительной точки.

От — лжи.

Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несёт, и кричит: «Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!» Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. И не каждый день, не на каждое плечо кладёт насилие свою тяжёлую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — и в этом вся верноподданность.

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: *личное неучастие во лжи!* Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет *не через меня!*

И это — прорез во мнимом кольце нашего бездействия! — самый лёгкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатываются ото лжи — она просто перестаёт существовать. Как зараза, она может существовать только на людях.

Не призываемся, не созрели мы идти на площади и громогласить правду, высказывать вслух, что думаем, — не надо, это страшно. Но хоть откажемся говорить то, чего не думаем!

Вот это и есть наш путь, самый лёгкий и доступный при нашей проросшей органической трусости, гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения по Ганди.

Наш путь: *ни в чём не поддерживать лжи сознательно!* Осознав, где граница лжи (для каждого она ещё по-разному видна), — отступить от этой гангренозной границы! Не подклеивать мёртвых косточек и чешуек Идеологии, не сшивать гнилого тряпья — и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадёт, и чему надлежит быть голым — то явится миру голым.

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остаётся ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!), или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих и современников. И с этого дня он:

— впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду;

— такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет ни от себя, ни по шпаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;

— живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует ни одной ложной мысли, ни одного искажения истины, которое различает;

— не приведёт ни устно, ни письменно ни одной «руководящей» цитаты из угождения, для страховки, для успеха своей работы, если цитируемой мысли не разделяет полностью или она не относится точно сюда;

— не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг, если это против его желания и воли; не возьмёт в руки, не подымет транспаранта, лозунга, которого не разделяет полностью;

— не поднимет голосующей руки за предложение, которому не сочувствует искренне; не проголосует ни явно, ни тайно за лицо, которое считает недостойным или сомнительным;

— не даст загнать себя на собрание, где ожидается принудительное, искажённое обсуждение вопроса;

— тотчас покинет заседание, собрание, лекцию, спектакль, киносеанс, как только услышит от оратора ложь, идеологический вздор или беззастенчивую пропаганду;

— не подпишется и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются.

Мы перечислили, разумеется, не все возможные и необходимые уклонения ото лжи. Но тот, кто станет очищаться, — взором очищенным легко различит и другие случаи.

Да, на первых порах выйдет не равно. Кому-то на время лишиться работы. Молодым, желающим жить по правде, это очень осложнит их молодую жизнь при начале: ведь и отвечаемые уроки набиты ложью, надо выбирать. Но и ни для кого, кто хочет быть честным, здесь не осталось лазейки: никакой день никому из нас даже в самых безопасных технических науках не обминуть хоть одного из названных шагов — в сторону правды или в сторону лжи; в сторону духовной независимости или духовного лакейства. И тот, у кого неостанет смелости даже на защиту своей души, — пусть не гордится своими передовыми взглядами, не кичится, что он академик или народный артист, заслуженный деятель или генерал, — так пусть и скажет себе: я — быдло и трус, мне лишь бы сытно и тепло.

Даже этот путь — самый умеренный из всех путей сопротивления — для засидевшихся нас будет нелёгкок. Но насколько же легче самосожжения или даже голодовки: пламя не охватит твоего туловища, глаза не лопнут от жара, и чёрный-то хлеб с чистой водою всегда найдётся для твоей семьи.

Преданный нами, обманутый нами великий народ Европы — чехословацкий — неужели не показал нам, как даже против танков выстаивает незащищённая грудь, если в ней достойное сердце?

Это будет нелёгкий путь? — но самый лёгкий из возможных. Нелёгкий выбор для тела, — но единственный для души. Нелёгкий путь, — однако есть уже у нас люди, даже десятки их, кто годами выдерживает все эти пункты, живёт по правде.

Итак: не первыми вступить на этот путь, а — присоединиться! Тем легче и тем короче окажется всем нам этот путь, чем дружнее, чем гуще мы на него вступим! Будут нас тысячи — и не управятся ни с кем ничего поделывать. Станут нас десятки тысяч — и мы не узнаем нашей страны!

Если ж мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не даёт дышать — это мы сами себе не даём! Пригнёмся ещё, подождём, а наши братья биологи помогут приблизить чтение наших мыслей и переделку наших генов.

Если и в этом мы струсим, то мы — ничтожны, безнадёжны, и это к нам пушкинское презрение:

К чему стадам дары свободы?

<...>

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремушками да бич.

12 февраля 1974

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 7:
В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989.
М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. С. 95–99.*

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

(Отрывок)

В нашем славном отечестве самые важные и смелые книги не бывают прочитаны современниками, не влияют вовремя на народную мысль (одни потому, что запрещены, преследуются, неизвестны, другие потому, что образованные читатели заранее от них отвращены). И эту книгу я пишу из одного сознания долга — потому что в моих руках скопилось слишком много рассказов и воспоминаний, и нельзя дать им погибнуть. Я не чаю своими глазами видеть её напечатанной где-либо; мало надеюсь, что прочтут её те, кто унёс свои кости с Архипелага; совсем не верю, что она объяснит правду нашей истории тогда, когда ещё можно будет что-то исправить. В самом разгаре работы над этой книгой меня постигло сильнейшее потрясение жизни: дракон вылез на минуту, шершавым красным язычком слизнул мой роман, ещё несколько старых вещей — и ушёл пока за занавеску. Но я слышу его дыхание и знаю, что зубы его намечены на мою шею, только ещё не отмерены все сроки. И с душой разорённой я силюсь кончить это исследование, чтоб хоть оно-то избежало драконовых зубов. В дни, когда Шолохов, давно уже не писатель, из страны писателей растерзанных и арестованных поехал получать Нобелевскую премию, — я искал, как уйти от шпиков в укывище и выиграть время для моего потайного запыхавшегося пера, для окончания вот этой книги.

Это я отвлёкся, а сказать хотел, что у нас лучшие книги остаются неизвестны современникам, и очень может быть, что кого-то я зря повторяю, что, зная чей-то тайный труд, мог бы сократить свой. Но за семь лет хилой блеклой свободы кое-что всё-таки всплыло, одна голова пловца в рассветном море увидела другую и крикнула хрипло. Так я узнал шестьдесят лагерных рассказов Шаламова и его исследование о блатных.

Я хочу здесь заявить, что кроме нескольких частных пунктов между нами никогда не возникало разнотолка в изъяснении Архипелага. Всю туземную жизнь мы оценили в общем одинаково. Лагерный опыт Шаламова был горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт.

Это, однако, не запрещает мне возразить ему в точках нашего расхождения. Одна из этих точек — лагерная санчасть. О каждом лагерном установлении говорит Шаламов с ненавистью и жёлчью (и прав!) — и только для санчасти он делает всегда пристрастное исключение. Он поддерживает, если не создаёт, легенду о благодетельной лагерной санчасти. Он утверждает, что всё в лагере против лагерника, а вот врач — один может ему помочь.

Но *может* помочь ещё не значит: помогает. Может помочь, если захочет, и прораб, и нормировщик, и бухгалтер, и нарядчик, и каптёр, и повар, и дневальный — да много ли помогают?

Может быть до 1932 года, пока лагерная санитария ещё подчинялась Наркомздраву, врачи могли быть врачами. Но в 1932 они были переданы полностью в ГУЛАГ — и стала их цель помогать угнетению и быть могильщиками. Так не говоря о добрых случаях у добрых врачей — кто держал бы эту санчасть на Архипелаге, если б она не служила общей цели?

Когда комендант и бригадир избивают доходягу за отказ от работы — так, что он зализывает раны как пёс, двое суток без памяти лежит в карцере (Бабич), два месяца потом не может сползти с нар, — не санчасть ли (1-й ОЛП Джидинских лагерей) отказывается составить акт, что было избиение, а потом отказывается и лечить?

А кто, как не санчасть, подписывает каждое постановление на посадку в карцер? (Впрочем, не упустим, что не так уж начальство в этой врачебной подписи нуждается. В лагере близ Индигирки был вольнонаёмным «лепилой» (фельдшером, — а не случайно лагерное словцо!) С.А.Чеботарёв. Он не подписал ни одного постановления начальника ОЛПа на посадку, так как считал, что в такой карцер и собак сажать нельзя, не то что людей: печь обогревала только надзирателя в коридоре. Ничего, посадки шли и без его подписи.)

Когда по вине прораба или мастера из-за отсутствия ограждения или защиты погибает на производстве зэк, — кто, как не лекпом и санчасть, подписывают акт, что он умер от разрыва сердца? (И, значит, пусть остаётся всё по-старому и завтра погибают другие. А иначе ведь и лекпома завтра в забой. А там и врача.)

Когда происходит квартальная *комиссовка* — эта комедия общего медицинского осмотра лагерного населения с квалификацией на ТФТ, СФТ, ЛФТ и ИФТ (тяжёлый-средний-лёгкий-индивидуальный физический труд), — много ли возражают добрые врачи злому начальнику санчасти, который сам только тем и держится, что поставляет колонны тяжёлого труда?

Или, может быть, санчасть была милосердна хоть к тем, кто не пожалел доли своего тела, чтобы спасти остальное? Все знают закон, это не на одном каком-нибудь лагпункте: саморубам, членовредителям и *мостырщикам* медицинская помощь вовсе *не оказывается!* Приказ — администрации, а кто это *не оказывает* помощи? Врачи... Рванул себе капсулем четыре пальца, пришёл в больничку — бинта не дадут: иди, подыхай, пёс! Ещё на Волгоканале во время энтузиазма всеобщего соревнования вдруг почему-то (?) стало слишком много *мостырок*. Это нашло мгновенное объяснение: вылазка классового врага. Так их — лечить?.. (Конечно, здесь зависит от хитрости мостырщика: можно сделать мостырку так, что это не докажешь. Анс Бернштейн обварил умело руку кипятком через тряпку — и тем спас свою жизнь. Другой обморозит умело руку без рукавички или намочится в валенок и идёт на мороз. Но не все разочтёшь: возникает гангрена, а за нею смерть. Иногда бывает мостырка невольная: цинготные незаживающие язвы Бабича признали за сифилис, проверить анализом крови было негде, он с радостью солгал, что и сам болел сифилисом и все родственники. Перешёл в венерическую зону и тем отсрочил смерть.)

Или санчасть освобождала когда-нибудь всех, кто в этот день был действительно болен? Не выгоняла каждый день сколько-то совсем больных людей за зону? Героя и комика народа эков Петра Кишкина врач Сулейманов не клал в больницу потому, что понос его не удовлетворял норме: чтоб каждые полчаса и обязательно с кровью. Тогда при этапировании колонны на рабочий объект Кишкин *сел*, рискуя, что его подстрелят. Но конвой оказался милосерднее врача: остановил проезжую машину и отправил Кишкина в больницу. — Возразят, конечно, что санчасть была ограничена строгим процентом для группы «В» — больных стационарных и больных ходячих¹. Так объяснение есть в каждом случае, но в каждом случае остаётся и жестокость, которую никак не перевесить соображением, что «зато кому-то другому» в это время сделали хорошо.

Да добавить сюда ужасные лагерные больнички вроде стационара 2-го лагпункта Кривощёкова: маленькая приёмная, уборная и комната стационара. Уборная зловонна и наполняет больничный воздух, но разве дело в уборной? Тут в каждой койке лежит *по два* поносника и на полу между койками тоже. Ослабевшие оправляются прямо в кроватях. Ни белья, ни медикаментов (1948–49 годы). Заведует стационаром студент 3-го курса мединститута (сидит по 58-й), он в отчаянии, но сделать ничего не может. Санитары, кормящие больных, — сильные жирные ребята: они объедают больных, воруют из их больничного пайка. Кто их поставил на это выгодное место? Наверно, *кум*. У студента не хватает сил их изгнать и защитить паёк больных. А у врача — у всякого хватало?..²

Или, может быть, в каком-нибудь лагере санчасть имела возможность отстоять действительно человеческое питание? Ну, хотя бы чтоб не видеть по вечерам этих «бригад куриной слепоты», так и возвращающихся с работы цепочкою слепых, друг за друга держась? Нет. Если чудом кто и добивался улучшения питания, то производственная администрация, чтоб иметь крепких работяг. А не санчасть вовсе.

Врачей никто во всём этом и не винит (хотя часто слабо мужество их сопротивления, потому что на общие страхи идти), но не надо же и легенды о спасительной санчасти. Как всякая лагерная ветвь, и санчасть тоже: дьяволом рождена, дьяволовой кровью и налита.

Продолжая свою мысль, говорит Шаламов, что только на одну санчасть и может рассчитывать в лагере арестант, а вот на труд своих рук он полагаться не может, не смеет: это — могила. «В лагере губит не маленькая пайка, а большая.»

¹ Врачи обходили это как могли. В Сымском ОЛПе устраивали *полустационар*: доходяги лежали на своих бушлатах, ходили чистить снег, но питались из больничного котла. Вольный начальник санотдела А.М.Статников обходил группу «В» так: он сокращал стационары в рабочих зонах, но расширял ОЛПы-больницы, то есть целиком состоящие из одних больных. В официальных гулаговских бумагах даже писали иногда: «поднять физпрофиль з/к з/к», — да поднимать-то не давали средств. Вся сложность этих увёрток честных врачей как раз и убеждает, что не дано было санчасти остановить смертный процесс.

² Достоевский ложился в госпиталь безо всяких помех. И санчасть у них была даже общая с конвоем. Неразвитость!

Пословица верна: большая пайка губит. Самый крепкий работяга за сезон выкатки леса доходит вчистую. Тогда ему дают временную инвалидность: 400 граммов хлеба и самый последний котёл. За зиму большая часть их умирает (ну, например 725 из 800). Остальные переходят на «лёгкий физический» и умирают уже на нём.

Но какой же другой выход мы можем предложить Ивану Денисовичу, если фельдшером его не возьмут, санитаром тоже, даже освобождения липового ему на один день не дадут? Если у него недостаток грамоты и избыток совести, чтоб устроиться придурком в зоне? Остаётся ли у него другой путь, чем положиться на свои руки? Отдыхательный Пункт (ОП)? Мостырка? Актировка?..

Пусть он сам расскажет о них, он ведь и их обдумывал, время было.

«ОП — это вроде дома отдыха лагерного. Десятки годов зэки горбят, отпусков не знают, так вот им — ОП, на две недели. Там кормят много лучше, и за зону не гонят, а в зоне часа три-четыре в день легонечко: щебёнку бить, зону убирать или ремонтировать. Если в лагере человек полтысячи — ОП открывают на пятнадцать. Да оно, если б честно разложить, так за год с небольшим и все б через ОП обернулись. Но как ни в чём в лагере правды нет, так с ОП особенно нет. Открывают ОП исподвоху, как собака тяпнет, уже и список на три смены готовый, и закроют так же вихрем, полугода оно не простоит. И прутся туда — бухгалтеря, парикмахера, сапожники, портные, — вся аристократия, а работяг подлинных добавят несколько для прикраски — мол, лучшие производственники. И ещё тебе портной Беремблюм в нос тычет: я, мол, шубу вольному сшил, за неё в лагерную кассу тысячу рублей плочено, а ты, дурак, целый месяц баланы катаешь, за тебя и ста рублей в лагерь не попадёт, так кто производственник? кому ОП дать? И ходишь ты, душой истекаешь: как бы в ОП попасть, ну легонечко передышаться, глядь — а его уж и закрыли, с концами. И самая обида, что хоть бы где в тюремном деле помечали, что был ты в ОП в таком-то году, ведь сколько бухгалтеров сидит. Не, не помечают. Потому что им невыгодно. На следующий год откроют ОП — и опять Беремблюм в первую смену, тебя опять мимо. За десять лет прокатят боками через десять лагерей, в десятом будешь проситься, хоть разик бы за целый срок в ОП просунуться, посмотреть, ладно ли там стены крашены, не был де ни разу, а как докажешь?..

Нет уж, лучше с ОП не расстраиваться.

Другое дело — мостырка, покалечиться так, чтоб и живу остаться, и инвалидом. Как говорится, минута терпения — год кантовки. Ногу сломать да потом чтоб срослась неверно. Воду солёную пить — опухнуть. Или чай курить — это против сердца. А табачный настой пить — против лёгких хорошо. Только с мерою надо делать, чтоб не перемостырить, да через инвалидность в могилку не скакнуть. А кто меру знает?..

Инвалиду во многом хорошо: и в кубовой можно устроиться, и в лаптеплётку. Но главное, чего люди умные через инвалидность достигают, — это актировки. Только актировка тем более волнами, хуже, чем ОП. Собирают комиссию, смотрят инвалидов и на самых плохих пишут акт: числа такого-то по состоянию

здоровья признан негодным к дальнейшему отбыванию срока, ходатайствуем освободить.

Ходатайствуем только! Ещё пока этот акт по начальству вверх подыметсЯ да вниз скатится — тебя уж и в живых не застанет, частенько так бывало. Начальство-то ведь хитрозадое, оно тех и актирует, кому подыхать через месяц¹: Да ещё тех, кто заплатит хорошо. Вон, у Каликман однодельша — полмиллиона хопнув, сто тысяч заплатила — и на воле. Не то что мы дураки.

Это по бараку книга такая ходила, студенты её в своём уголке вслух читали. Так там парень один добыл миллион и не знал, что с тем миллионом при советской власти делать — будто, де, купить на него ничего нельзя и с голоду помрёшь с им, с миллионом. Смеялись и мы: уж брешите кому-нибудь другому, а мы этих миллиончиков за ворота не одного провожали. Только может здоровья божьего на миллион не купишь, а свободу покупают, и власть покупают, и людей с потрохами. С миллионами их уже ой-ой-ой на воле завелось, только что на крышу не лезут, руками не махают.

А Пятьдесят Восьмой активировка закрыта. Сколько лагеря стоят — раза три по месяцу, говорят, была активировка Десятому Пункту, да тут же и захлопывалась. И денег от них никто не возьмёт, от врагов народа, — ведь это свою голову класть взамен. Да у них и денег не бывает, у политиканов.»

— У кого это, Иван Денисыч, у них?

— Ну, у нас...

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 тт. Т. 5:
Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 3, 4.
М.: ТЕРРА, 2000. С. 198–205.*

¹ У бывшего зэка Олега Волкова в рассказе «Деды»; «активированные» старики выгнаны из лагеря, но им некуда уходить, и они располагаются тут же поблизости, умереть — без отнятой пайки и крова. (Рассказ впоследствии вошёл в книгу «Погружение во тьму», гл. 8. — *Прим. ред.*)

ИЗ «ДНЕВНИКА Р—17»¹

1965

18 июня

Сейчас, когда я, кажется, взаправду вступаю в роман всей моей жизни, задуманный в 1936 г. (сформулировано 18.11.36, но ещё и до того, наверно, надо мной носилось в воздухе неясно — с каких-то ранних детских лет), — сейчас потянуло меня не разбрасывать распирающие мысли и сомнения, а заносить их в дневник, так успокаиваться, отъединяться для работы.

Последние дни я был угнетён от своего ничтожества перед этой темой, перед таким размахом. Я знаю — что́ нужно, но не верю, что могу осуществить это, — я, со своими ограниченностями.

Потом записал себе такое У т е ш е н и е:

1) даже если роман совсем не удастся — его надо писать. Так много обдуманно — что нельзя теперь этого не высказать, хотя бы просто для разъяснения, как исторический этюд. И

2) если я — не смогу, — то ведь в современной литературе, насколько можно судить по поверхности, — и никто другой не может.

А тем, кто будет приходить *после* нас, — будет и ещё трудней. Для них потеются последние ощущения *современности* этих событий. Они будут рассматривать их так же исторически, как декабристов, Новгород или наполеоновскую войну.

19 июня

Ещё, наверно, вот зачем я начал этот дневник: чтобы запретить себе дальнейшие проволочки, откладывание, работу над чем-нибудь другим. Полное ощущение, что я *вхожу* во храм, *вхожу* — и, значит, надо писать. (Смешно, конечно, что первые строки дневника начались раньше первых строк романа.)

Сегодня я очень хорошо работал над тамбовскими материалами — и смотрю, что они целыми кусками, почти готовыми ложатся в будущий роман. Это то дивное ощущение, когда «всё само начинает вязаться», как у шахматиста, в чью пользу склонилась партия: его слонам сами открываются все нужные диагонали (а противнику, как назло, сами запираются), его коням каждая клетка обещает дать *вилку*. Так и у меня вдруг — выплывают эти «вилки», которых я не подстраивал: 2-я армия Самсонова — и 2-я под Несвижем; Западный фронт — и демобилизация его в Тамбове. Не надо ни в чём насиловать Историю — она сама стелет дорожки для героев. И, кажется, папин путь — если б он не умер — я тоже начал постигать в эти дни. (Я добавлю ему несколько лет жизни — таких горьких, каких он не знал...)

¹ Дневник романа о Революции Семнадцатого года — «Красное Колесо», тридцать лет сопровождавший работу автора: 1960–1991. — *Ред.*

И ещё: когда я печатаю на машинке серьёзный ответственный текст — я просто никогда не ошибаюсь. Но когда печатаю обязательные, но скучные и не нужные мне ответы (вчера — отзывы на бездарные рукописи), я ошибаюсь непрерывно, стыдно смотреть на грязный лист. Так, наверно, и в творчестве: страшно браться за Р-17, слишком огромно для моих сил, — но уж там-то я выложу их вполную, все, не сделаю глупых ошибок. <...>

Я понимаю, во что я вступаю, — в Храм. И только если Бог благословит — я могу справиться с этим непомерным.

Этот Роман, ещё не написанный, всегда был величайшей любовью моей жизни. Ничего на свете я не любил до такого обмирания сердца. Все эти четверть века, хотя ни одной взрослой строчки в нём нет... (Нет, уже не четверть века, а треть...)

Дневник станет ещё одним действующим лицом в создании романа — моим помощником, критиком и — погонщиком. Это бодро получится. (Никогда я не нуждался в подстёгивании, а сейчас, м.б., и понужусь.)

<...>

1976

<...>

26 июля

О первых трёх днях революции мало что есть в истории: крупные политические деятели ещё не включились, революционные партии застигнуты врасплох, и всем им неинтересно было писать об этих днях, интересно — когда сами они уже руководили. Это затрудняет мою работу, но и указывает путь: выявить рельеф чувств и событий в тех безымянных мелочах. В первых трёх днях историческое исследование только художнику и доступно.

— Да, вот это именно я и прирождён написать — революцию, в каждом её шажке, клочке и повороте, — вот это моё. Ничего больше я мог бы и не писать — но только Март Семнадцатого — непременно!

27 июля

Фрагменты от толпы как-то невольно сами сдвигаются к киноэкрану, тут нет чёткой границы, а форма, очевидно, самая естественная. Это надо ещё обдумывать и понять.

— Граница между жанрами должна быть чёткая. Неопределённость их — это уже доля современного вавилонского смешения искусства.

4 августа

Объём материала, который нужно проработать для первых двух-трёх Узлов, — необъятно широк, вся русская история за столетие. А начиная с 4-го — он быстро сужается, концентрируется весь только к событиям этих дней. Так же — и в осмыслении исторических персонажей, и в выборе вымышленных. Так же — и с использованием всех показаний сохранившихся стариков (необходимость, подгоняемая их возрастом). Т.е. работа, которую нужно вложить, выглядит пира-

мидой с очень пологими (после 3-го Узла) сторонами. Я движусь очень медленно, и так должно быть. Но через 5 лет, если сохранюсь в рабочем состоянии, пойду быстро, снимая плоды подготовки.

<...>

31 октября

О, своевременность каждой вещи в возрасте писателя и в его жизненных обстоятельствах! Не написал любовных рассказов в юности — уже и не напишешь. Упустил советско-германскую войну из-за ареста — и никогда не вернёшься. «Архипелага» если б не написал под сильным давлением и гонением — теперь бы ни за что не написал, или уже без той страсти, обкатисто, без острых пронзительных углов. Если бы «Телёнка» не писал одновременно с борьбой — ничего бы не было, или бледно, теперь — не интересно возвращаться. «Раковый» — уже был упускаем (как и не осуществлённый «Один день учителя», многие рассказы), захватил на последнем пределе. И только единственный Р-17 всегда откладывался, давая место всем прочим. Или это — к гибели его или, пожалуй, — к высшей зрелости. И это — единственная книга не прямо из личного опыта, она могла и откладываться.

С годами автор меняется и физиологически, и умственно, и в убеждениях, и в настроениях. Ничто не повторимо. И если он пишет 30 лет, то это — не единый насквозь автор.

<...>

18 ноября

Сегодня 40 лет, как я задумал Р-17. Такой замысел пронести в себе даже неосуществлённым — уже счастье. Да почти этим и кончается оно. По сути, я встречаю 40-летие в поражении: и малой части не написал того, что задумал, и даже обнаружил в последние месяцы, что я задумал тогда не то, что нужно теперь писать: я задумал — как получился Октябрь и его последствия. А нужно это всё писать — о Феврале.

Помню, это был слабосолнечный ноябрьский день, по тогдашнему счёту (каждый шестой) — выходной. Накануне вечером была большая студенческая вечеринка, а теперь я вышел в душевном томлении и пошёл по Пушкинскому бульвару. Трёх кварталов не прошёл — и между Николаевским и Соборным даже остановился, так внезапно вгрузился в меня замысел — и стал лавинно расширяться (я ещё не знал тогда понятия лавинности). Побрёл домой, боясь расплескать, — но ещё до дома не дойдя, стал что-то записывать, уже не держалось.

В тот день мне ещё не было 18 лет, — откуда берётся эта уверенность молодости? А без неё бы мы ничего не сделали.

Отрывок приводится по изданию: «Между двумя юбилеями (1998–2003)»: Писателя, критики, литературоведы о творчестве А.И.Солженицына: Альманах. М.: Русский путь. С. 9–10, 27–28.

НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ

1

Как тот дикарь, в недоумении подобравший странный выброс ли океана? захоронок песков? или с неба упавший непонятный предмет? — замысловатый в изгибах, отблескивающий то смутно, то ярким ударом луча, — вертит его так и сяк, вертит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной низшей службы, никак не догадываясь о высшей.

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаём за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затычкою или палкою, как схватишь, — для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А искусство — не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделяя нам часть своего тайного внутреннего света.

Но охватим ли весь тот свет? Кто осмелится сказать, что *определил* Искусство? перечислил все стороны его? А может быть уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы не долго могли на том застояться: мы послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как всегда спеша сменить хоть и самое лучшее — а только бы на новое! И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было.

Один художник мнит себя творцом независимого духовного мира, и взваливает на свои плечи акт творения этого мира, населения его, объемлющей ответственности за него, — но подламывается, ибо нагрузки такой не способен выдержать смертный гений; как и вообще человек, объявивший себя центром бытия, не сумел создать уравновешенной духовной системы. И если овладевает им неудача — валят её на извечную дисгармоничность мира, на сложность современной разорванной души или непонятливость публики.

Другой — знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога, хотя ещё строже его ответственность за всё написанное, нарисованное, за воспринимающие души. Зато: не им этот мир создан, не им управляется, нет сомненья в его основах, художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям. И в неудачах и даже на дне существования — в нищете, в тюрьме, в болезнях — ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его.

Однако вся иррациональность искусства, его ослепительные извивы, непредсказуемые находки, его сотрясающее воздействие на людей — слишком волшебны, чтоб исчерпать их мировоззрением художника, замыслом его или работой его недостойных пальцев.

Археологи не обнаруживают таких ранних стадий человеческого существования, когда бы не было у нас искусства. Ещё в предутренних сумерках человечест-

ва мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: зачем нам этот дар? как обращаться с ним?

И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что искусство разложится, изживёт свои формы, умрёт. Умрём — мы, а оно — останется. И ещё поймём ли мы до нашей гибели все стороны и все назначенья его?

Не всё — называется. Иное влечёт дальше слов. Искусство растепляет даже захлаженную, затемнённую душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению.

Как то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь — не себя, — увидишь на миг Недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает...

2

Достоевский загадочно обронил однажды: «Мир спасёт красота». Что это? Мне долго казалось — просто фраза. Как бы это возможно? Когда в кровожадной истории, кого и от чего спасала красота? Облагораживала, возвышала — да, но кого спасла?

Однако есть такая особенность в сути красоты, особенность в положении искусства: убедительность истинно художественного произведения совершенно непроверяема и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, напористую публицистику, программу социальной жизни, философскую систему можно по видимости построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи; и что скрыто, и что искажено — увидится не сразу. А выйдет на спор противонаправленная речь, публицистика, программа, иноструктурная философия, — и всё опять так же стройно и гладко, и опять сошлось. Оттого доверие к ним есть — и доверия нет.

Попусту твердится, что к сердцу не ложится. Произведение же художественное свою проверку несёт само в себе: концепции придуманные, натянутые, не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам её сгущённо-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, — и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать.

Так может быть это старое триединство Истины, Добра и Красоты — не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трёх деревьев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, — то может быть причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвьются *в то же самое место*, и так выполнят работу за всех трёх?

И тогда не обмолвкой, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасёт красота»? Ведь ему дано было многое видеть, озаряло его удивительно.

И тогда искусство, литература могут на деле помочь сегодняшнему миру?

То небольшое, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть, я и попытаюсь изложить сегодня здесь.

3

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трём-четырёх примощённым ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмёрзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть с бóльшим даром, сильнее меня, — погибли. Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге Гулаге, рассыпанном на дробное множество островов, да под жерновом слежки и недоверия не со всяким разговорился, об иных только слышал, о третьих только догадывался. Те, кто канул в ту пропасть уже с литературным именем, хотя бы известны, — но сколько не узнанных, ни разу публично не названных! и почти-почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребённая не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустынею. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева.

И мне сегодня, сопровождаённому тенями павших, и со склонённой головой пропуская вперёд себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать они?

Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы её понимали. Словами Владимира Соловьёва:

Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

В томительных лагерных переброях, в колонне заключённых, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно откликнется мир. Отчётливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось перевеса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, тою жизнью проверены, оттуда выросли.

Когда ж ослабилось внешнее давление — расширился мой и наш кругозор, и постепенно, хотя бы в щёлочку, увиделся и узнался тот «весь мир». И поразительно для нас оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали, как мы надеялись: «не тем» живущий, «не туда» идущий, на болотную топь восклицающий: «Что за очаровательная лужайка!», на бетонные шейные колодки: «Какое утончённое ожерелье!», а где катятся у одних неотирные слёзы, там другие приплясывают беспечному мьюзикалу.

Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувственен ли мир? Или это — от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга? Слова отзвучивают и утекают как вода — без вкуса, без цвета, без запаха. Без следа.

По мере того как я это понимал, менялся и менялся с годами состав, смысл и тон моей возможной речи. Моей сегодняшней речи.

И уже мало она похожа на ту, первоначально задуманную в морозные лагерные вечера.

4

Человек извечно устроен так, что его мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, его мотивировки и шкала оценок, его действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Как говорит русская пословица: не верь брату родному, верь своему глазу кривому. И это — самая здоровая основа для понимания окружающего и поведения в нём. И долгие века, пока наш мир был глухо загадочно раскинут, пока не пронизался он едиными линиями связи, не обратился в единый судорожно бьющийся ком, — люди безошибочно руководились своим жизненным опытом в своей ограниченной местности, в своей общине, в своём обществе, наконец и на своей национальной территории. Тогда была возможность отдельным человеческим глазам видеть и принимать некую общую шкалу оценок: что признаётся средним, что невероятным; что жестоким, что за гранью злодейства; что честностью, что обманом. И хотя очень по-разному жили разбросанные народы и шкалы их общественных оценок могли разительно не совпадать, как не совпадали их системы мер, эти расхождения удивляли только редких путешественников да попадали диковинками в журналы, не неся никакой опасности человечеству, ещё не единому.

Но вот за последние десятилетия человечество незаметно, внезапно стало единым — обнадёжно единым и опасно единым, так что сотрясения и воспаления одной его части почти мгновенно передаются другим, иногда не имеющим к тому никакого иммунитета. Человечество стало единым, — но не так, как прежде бывали устойчиво едиными община или даже нация: не через постепенный жизненный опыт, не через собственный *глаз*, добродушно названный кривым, даже не через родной понятный язык, — а, поверх всех барьеров, через международное радио и печать. На нас валит накат событий, полмира в одну минуту узнаёт об их выплеске, но мерок — измерять те события и оценивать по законам неизвестных нам частей мира — не доносят и не могут донести по эфиру и в газетных листах: эти мерки слишком долго и особенно устаивались и усваивались в особой жизни отдельных стран и обществ, они не переносимы на лету. В разных краях к событиям прикладывают собственную, выстраданную шкалу оценок — и неуступчиво, самоуверенно судят только по своей шкале, а не по какой чужой.

И таких разных шкал в мире если не множество, то во всяком случае несколько: шкала для ближних событий и шкала для дальних; шкала старых обществ и шкала молодых; шкала благополучных и неблагополучных. Деления шкал кричаще не совпадают, пестрят, режут нам глаза, и чтоб не было нам больно, мы отма-

хиваемся ото всех чужих шкал как от безумия, от заблуждения, — и весь мир уверенно судим по своей домашней шкале. Оттого кажется нам крупней, больней и невыносимей не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам. Всё же дальше, не грозящее прямо сегодня докатиться до порога нашего дома, признаётся нами, со всеми его стонами, задушенными криками, погубленными жизнями, хотя б и миллионами жертв, — в общем вполне терпимым и сносных размеров.

В одной стороне под гоненьями, не уступающими древнеримским, не так давно отдали жизнь за веру в Бога сотни тысяч беззвучных христиан. В другом полушарии некий безумец (и наверно он не одинок) мчится через океан, чтоб ударом стали в первосвященника *освободить* нас от религии! По своей шкале он так рассчитал за всех за нас!

То, что по одной шкале представляется издали завидной благоденственной свободой, то по другой шкале вблизи ощущается досадным принуждением, зовущим к переворачиванию автобусов. То, что в одном краю мечталось бы как неправдоподобное благополучие, то в другом краю возмущает как дикая эксплуатация, требующая немедленной забастовки. Разные шкалы для стихийных бедствий: наводнение в двести тысяч жертв кажется мельче нашего городского случая. Разные шкалы для оскорбления личности: где унижает даже ироническая улыбка и отстраняющее движение, где и жестокие побои простительны как неудачная шутка. Разные шкалы для наказаний, для злодеяний. По одной шкале месячный арест, или ссылка в деревню, или «карцер», где кормят белыми булочками да молоком, — потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и прощены — и тюремные сроки по двадцать пять лет, и карцеры, где на стенах лёд, но раздевают до белья, и сумасшедшие дома для здоровых, и пограничные расстрелы бесчисленных неразумных, всё почему-то куда-то бегущих людей. А особенно спокойно сердце за тот экзотический край, о котором и вовсе ничего не известно, откуда и события до нас не доходят никакие, а только поздние плоские догадки малочисленных корреспондентов.

И за это двоенье, за это остолбенелое непониманье чужого дальнего горя нельзя упрекать человеческое зрение: уж так устроен человек. Но для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью. При шести, четырёх, даже при двух шкалах не может быть единого мира, единого человечества: нас разорвёт эта разница ритма, разница колебаний. Мы не уживём на одной Земле, как не жилец человек с двумя сердцами.

5

Но кто же и как совместит эти шкалы? Кто создаст человечеству единую систему отсчёта — для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? Кто прояснит человечеству, что действительно тяжело и невыносимо, а что только по близости натирает нам кожу, — и направит гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косноному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость,

понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это — искусство. Это — литература.

Доступно им такое чудо: преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне ему проходит опыт других. От человека к человеку, восполняя его куцее земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздаёт опыт, пережитый другими, — и даёт усвоить как собственный.

И даже больше, гораздо больше того: и страны, и целые континенты повторяют ошибки друг друга с опозданием, бывает и на века, когда, кажется, так всё наглядно видно! а нет: то, что одними народами уже пережито, обдуманно и отвергнуто, вдруг обнаруживается другими как самое новейшее слово. И здесь тоже: единственный заменитель не пережитого нами опыта — искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации — никогда не пережитый этою второю трудный многодесятилетний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного, или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории.

Об этом великом благословенном свойстве искусства я настойчиво напоминаю сегодня с нобелевской трибуны.

И ещё в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущённый опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит её утраченную историю — в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу.

(За последнее время модно говорить о нивелировке наций, об исчезновении народов в котле современной цивилизации. Я не согласен с тем, но обсуждение того — вопрос отдельный, здесь же уместно сказать: исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились, в один характер, в одно лицо. Нации — это богатство человечества, это обобщённые личности его; самая малая из них несёт свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла.)

Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это — не просто нарушение «свободы печати», это — замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти. Нация не помнит сама себя, нация лишается духовного единства, — и при общем как будто языке соотечественники вдруг перестают понимать друг друга. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни сами себе, ни потомкам. Если такие мастера, как Ахматова или Замятин, на всю жизнь замурованы заживо, осуждены до гроба творить молча, не слыша отзвука своему написанному, — это не только их личная беда, но горе всей нации, но опасность для всей нации.

А в иных случаях — и для всего человечества: когда от такого молчания перестаёт пониматься и вся целиком История.

В разное время в разных странах горячо, и сердито, и изящно спорили о том, должны ли искусство и художник жить сами для себя или вечно помнить свой долг перед обществом и служить ему, хотя и непредвзято. Для меня здесь нет спора, но я не стану снова поднимать вереницы доводов. Одним из самых блестящих выступлений на эту тему была Нобелевская же лекция Альбера Камю — и к выводам её я с радостью присоединяюсь. Да русская литература десятилетиями имела этот крен — не заглядываться слишком сама на себя, не порхать слишком беспечно, и я не стыжусь эту традицию продолжать по мере сил. В русской литературе издавна вроднились нам представления, что писатель может многое в своём народе — и должен.

Не будем попира́ть пра́ва художника выразить исключительно собственные переживания и самонаблюдения, пренебрегая всем, что делается в остальном мире. Не будем требовать от художника, — но укорить, но попросить, но позвать и поманить дозволено будет нам. Ведь только отчасти он развивает своё дарование сам, в большей доле оно вдунуто в него от рожденья готовым — и вместе с талантом положена ответственность на его свободную волю. Допустим, художник никому ничего *не должен*, но больно видеть, как *может* он, уходя в своесозданные миры или в пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных, а то и ничтожных, а то и безумных.

Оказался наш XX век жесточе предыдущих, и первой его половиной не кончилось всё страшное в нём. Те же старые пещерные чувства — жадность, зависть, необузданность, взаимное недоброжелательство, на ходу принимая приличные псевдонимы вроде классовой, расовой, массовой, профсоюзной борьбы, рвут и разрывают наш мир. Пещерное неприятие компромиссов введено в теоретический принцип и считается добродетелью ортодоксальности. Оно требует миллионных жертв в нескончаемых гражданских войнах, оно нагуживает в душу нам, что нет общечеловеческих устойчивых понятий добра и справедливости, что все они текучи, меняются, а значит всегда должно поступать так, как выгодно твоей партии. Любая профессиональная группа, как только находит удобный момент *вырвать кусок*, хотя б и не заработанный, хотя б и избыточный, — тут же вырывает его, а там хоть всё общество развалилось. Амплитуда швыряний западного общества, как видится со стороны, приближается к тому пределу, за которым система становится метастабильной и должна развалиться. Всё меньше стесняюсь рамками многовековой законности, нагло и победно шагает по всему миру насилие, не заботясь, что его бесплодность уже много раз проявлена и доказана в истории. Торжествует даже не просто грубая сила, но её трубное оправдание: заливают мир наглая уверенность, что сила может всё, а правота — ничего. *Бесы* Достоевского — казалось, провинциальная кошмарная фантазия прошлого века — на наших глазах расползаются по всему миру, в такие страны, где и вообразить их не могли, — и вот угонами самолётов, захватами заложников, взрывами и пожарами последних лет сигналият о своей решимости сотрясти и уничтожить цивилизацию! И это вполне может удалиться им. Молодёжь — в том возрасте, когда ещё нет другого опыта, кроме сексуального, когда за плечами ещё нет годов

собственных страданий и собственного понимания, — восторженно повторяет наши русские опороченные зады XIX века, а кажется ей, что открывает новое что-то. Новоявленная хунвейбиновская деградация до ничтожества принимается ею за радостный образец. Верхоглядное непонимание извечной человеческой сути, наивная уверенность непоживших сердец: вот *этих* лютых, жадных притеснителей, правителей прогоним, а следующие (мы!), отложив гранаты и автоматы, будут справедливые и сочувственные. Как бы не так!.. А кто пожил и понимает, кто мог бы этой молодёжи возразить, — многие не смеют возражать, даже заискивают, только бы не показаться «консерваторами», — снова явление русское, XIX века, Достоевский называл его «рабством у передовых идеек».

Дух Мюнхена — нисколько не ушёл в прошлое, он не был коротким эпизодом. Я осмелюсь даже сказать, что дух Мюнхена преобладает в XX веке. Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно воротившегося оскаленного варварства не нашёл ничего другого противопоставить ему, как уступки и улыбки. Дух Мюнхена есть болезнь воли благополучных людей, он есть повседневное состояние тех, кто отдался жажде благоденствия во что бы то ни стало, материальному благосостоянию как главной цели земного бытия. Такие люди — а множество их в сегодняшнем мире — избирают пассивность и отступления, лишь дальше потянулась бы привычная жизнь, лишь не сегодня бы перешагнуть в суровость, а завтра, глядишь, обойдётся... (Но никогда не обойдётся! — расплата за трусость будет только злей. Мужество и одоление приходят к нам, лишь когда мы решаемся на жертвы.)

А ещё нам грозит гибелью, что физически сжатому стеснённому миру не дают слиться духовно, не дают молекулам знания и сочувствия перескакивать из одной половины в другую. Это люта опасность: пресечение информации между частями планеты. Современная наука знает, что пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения. Пресечение информации делает призрачными международные подписи и договоры: внутри *оглушённой* зоны любой договор ничего не стоит перетолковать, а ещё проще — забыть, он как бы и не существовал никогда (это Оруэлл прекрасно понял). Внутри оглушённой зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский экспедиционный корпус, они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы пойти топтать её в святой уверенности, что «освобождают».

Четверть века назад в великих надеждах человечества родилась Организация Объединённых Наций. Увы, в безнравственном мире выросла безнравственной и она. Это не организация Объединённых Наций, но организация Объединённых Правительств, где уравниены и свободно избранные, и насильственно навязанные, и оружием захватившие власть. Корыстным пристрастием большинства ООН ревниво заботится о свободе одних народов и в небрежении оставляет свободу других. Угодливым голосованием она отвергла рассмотрение частных жалоб — стонов, криков и умолений единичных маленьких *просто людей*, слишком мелких букашек для такой великой организации. Свой лучший за 25 лет документ — Декларацию Прав человека — ООН не посилилась сделать обязательным для

правительств, условием их членства, — и так предала маленьких людей воле не избранных ими правительств.

Казалось бы: облик современного мира весь в руках учёных, все технические шаги человечества решаются ими. Казалось бы: именно от всемирного содружества учёных, а не от политиков, должно зависеть, куда миру идти. Тем более что пример единиц показывает, как много могли бы они сдвинуть все вместе. Но нет, учёные не явили яркой попытки стать важной самостоятельно действующей силой человечества. Целыми конгрессами отшатаываются они от чужих страданий: уютней остаться в границах науки. Всё тот же дух Мюнхена развесил над ними свои расслабляющие крыла.

Каковы ж в этом жестоком, динамичном, взрывном мире, на черте его десяти гибелей, — место и роль писателя? Уж мы и вовсе не шлём ракет, не катим даже последней подсобной тележки, мы и вовсе в презренье у тех, кто уважает одну материальную мощь. Не естественно ли нам тоже отступить, разувериться в неколебимости добра, в недробимости правды и лишь поведывать миру свои горькие сторонние наблюдения, как безнадёжно исковеркано человечество, как измельчали люди и как трудно средь них одиноким тонким красивым душам?

Но и этого бегства — нет у нас. Однажды взявшись за *слово*, уже потом никогда не уклониться: писатель — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всём зле, совершённом у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, — то бурые пятна навек зашлёпали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, — то на ладонях писателя синяки от той верёвки. И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам или хватают заложников, — то перемешивается это зловоние с дыханием писателя.

Найдём ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?

7

Однако ободряет меня живое ощущение мировой литературы как единого большого сердца, колотящегося о заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу.

Помимо исконных национальных литератур, существовало и в прежние века понятие мировой литературы — как огибающей по вершинам национальных и как совокупности литературных взаимовлияний. Но случалась задержка во времени: читатели и писатели узнавали писателей иноязычных с опозданием, иногда вековым, так что и взаимные влияния опаздывали и огибающая национальных литературных вершин проступала уже в глазах потомков, не современников.

А сегодня между писателями одной страны и писателями и читателями другой есть взаимодействие если не мгновенное, то близкое к тому, я сам на себе испытываю это. Не напечатанные, увы, на родине, мои книги, несмотря на поспешные и часто дурные переводы, быстро нашли себе отзывчивого мирового читателя. Критическим разбором их занялись такие выдающиеся писатели Запада, как

Генрих Бёлль. Все эти последние годы, когда моя работа и свобода не рухнули, держались против законов тяжести как будто в воздухе, как будто ни на чём — на невидимом, немом натяге сочувственной общественной плёнки, — я с благодарною теплотой, совсем неожиданно для себя узнал поддержку и мирового братства писателей. В день моего 50-летия я изумлён был, получив поздравления от известных европейских писателей. Никакое давление на меня не стало проходить незамеченным. В опасные для меня недели исключения из писательского союза — стена защиты, выдвинутая видными писателями мира, предохранила меня от худших гонений, а норвежские писатели и художники на случай грозившего мне изгнания с родины гостеприимно готовили мне кров. Наконец, и само выдвижение меня на Нобелевскую премию возбуждено не в той стране, где я живу и пишу, но — Франсуа Мориак и его коллегами. И, ещё позже того, целые национальные писательские объединения выразили поддержку мне.

Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлечённая огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами, но некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества. Ещё багровеют государственные границы, накалённые проволокою под током и автоматными очередями, ещё иные министерства внутренних дел полагают, что и литература — «внутреннее дело» подведомственных им стран, ещё выставляются газетные заголовки: «не их право вмешиваться в наши внутренние дела!», — а между тем внутренних дел вообще не осталось на нашей тесной Земле! И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего: людям Востока было бы сплошь безразлично, что думают на Западе; людям Запада — сплошь безразлично, что совершается на Востоке. И художественная литература — из тончайших, отзывчивейших инструментов человеческого существа — одна из первых уже переняла, усвоила, подхватила это чувство растущего единства человечества. И вот я уверенно обращаюсь к мировой литературе сегодняшнего дня — к сотням друзей, которых ни разу не встретил въявь и может быть никогда не увижу.

Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим! В своих странах, раздираемых разногласиями партий, движений, каст и групп, кто же искони был силою не разъединяющей, но объединяющей? Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального языка — главной скрепы нации — и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае и национальной души.

Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями; перенести сгущённый опыт одних краёв в другие, так чтобы перестало у нас двоиться и рябить в глазах, совместились бы деления шкал, и одни народы узнали бы верно и сжато истинную историю других с тою силой узнавания и болевого ощущения, как будто пережили её сами, — и тем обезрежены бы были от запоздалых жестоких ошибок. А сами мы при этом быть можем сумеем развить в себе и *мировое зрение*: центром глаза, как и каждый человек, видя близкое, краями глаза начнём вбирать и то, что делается в остальном мире. И соотнесём, и соблюдём мировые пропорции.

И кому же, как не писателям, высказать порицание не только своим неудачным правителям (в иных государствах это самый лёгкий хлеб, этим занят всякий, кому не лень), но — и своему обществу, в его ли трусливом унижении или в самодовольной слабости, но — и легковесным броскам молодёжи, и юным пиратам с замахнутыми ножами?

Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А: не забудем, что насилие не живёт одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, — оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь её сладкоречием. Оно уже не всегда, не обязательно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире, — но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: *победить ложь!* Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! — зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь, — но только не против искусства.

А едва развеяна будет ложь, — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падёт.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскалённый час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, — но выйти на бой!

В русском языке излюблены пословицы о правде. Они настойчиво выражают немалый тяжёлый народный опыт, и иногда поразительно:

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.

1972

*Текст приводится по изданию:
Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9-ти тт. Т. 7:
В Советском союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989.
М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 17–33.*

Приложения

Краткая хронология жизни и творчества А.И. Солженицына¹ (1918—2008)

1918 г.

11 декабря — родился Александр Солженицын; крещён в храме Святого великомученика Пантелеимона г. Кисловодска.

1927 г.

9 ноября — поступил во второй класс средней школы № 15 г. Ростова-на-Дону.

1936 г.

26 июня — окончил ростовскую среднюю школу № 15 с золотым аттестатом.

19 июля — подал заявление о приёме в Ростовский государственный университет (РГУ) на физико-математический факультет.

22 июля — зачислен на физмат РГУ без вступительных экзаменов.

18 ноября — возникает замысел романа о русской революции («Р – 17»), с точкой отсчёта в августе 1914 года.

1939 г.

20 июля — принят без экзаменов в экстернат искусствоведческого факультета Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ).

1941 г.

16 июня — государственная экзаменационная комиссия РГУ присуждает Солженицыну диплом с отличием.

22 июня — приезжает на летнюю сессию в Москву; слышит по радио о начале войны.

Конец июня — август — неудачные попытки призваться на фронт через ростовский военкомат.

Середина августа — получает распределение на работу в среднюю школу г. Морозовска Ростовской области на должность учителя математики.

16 октября — получает мобилизационную повестку в военкомат.

18 октября — А.И. Солженицын определён ездovým в 74-й Отдельный гужтранспортный батальон.

1942 г.

18 марта — направлен в Сталинград, в штаб округа.

¹ При составлении данного раздела журнала «Источниковедение в школе» использован материал из книги: Людмила Сараскина «Александр Солженицын». М.: Молодая гвардия, 2008. С. 923–928. (Сер.: «Жизнь замечательных людей»).

8 апреля — прибывает в город Семёнов Горьковской области для прохождения службы на Артиллерийских курсах усовершенствования командного состава.

14 апреля — по направлению начальника курсов прибывает в Кострому, в расположение 3-го Ленинградского артиллерийского училища.

1 ноября — оканчивает обучение в артиллерийском училище.

2 ноября — выпускается из училища с присвоением лейтенантского звания; направлен из Костромы в Саранск, в запасной разведывательный артиллерийский полк.

6 ноября — прибывает в Саранск, где формируется 794-й Отдельный армейский разведывательный артиллерийский дивизион.

5 декабря — назначен заместителем командира звуковой батареи, минуя командование взводом.

21 декабря — назначен командиром звукобатареи (БЗР-2).

1943 г.

13 февраля — 794-й артдивизион выдвигается из резерва на Северо-Западный фронт.

Май — начинает делать записи для «Военных блокнотов».

11 июня — подавлено 17 батарей противника, из них 5 — по координатам звукобатареи Солженицына.

23 июля — лавинное наступление на Орёл; за успешную и быструю подготовку личного состава, за умелое руководство по выявлению группировки артиллерии противника командир БЗР-2 А. И. Солженицын представлен к ордену Отечественной войны II степени (вручен 15 августа).

15 сентября — приказом командующего армией А. И. Солженицыну присвоено звание старшего лейтенанта.

1944 г.

Февраль — тяжёлые бои за Рогачёв.

Начало марта — переправа через Днепр.

С 6 на 7 марта — 300-километровый марш и занятие плацдарма между Днепром и Березиной.

7 мая — маршалом К. К. Рокоссовским подписан приказ о присвоении Солженицыну звания капитана.

12 июля — А. И. Солженицын награждён орденом Красной Звезды на взятие Рогачёва.

20 июля — 48-я армия переходит границу СССР и движется на запад.

1945 г.

14 января — наступление на запад и далее на север, в Восточную Пруссию.

27 января — операция против контратаки немцев. А. И. Солженицын выводит свою батарею из окружения.

- 1 февраля* — за спасение личного состава батареи и техники капитан А.И.Солженицын представлен к ордену Красного Знамени
- 9 февраля* — А.И.Солженицын арестован армейской контрразведкой СМЕРШ в Восточной Пруссии, под городом Вормдитом.
- 19 февраля* — спецконвой доставляет арестанта Солженицына на Лубянку, в центральную тюрьму НКГБ.
- 9 мая* — по салюту в 40 залпов, услышанному в камере, догадывается об окончании Великой Отечественной войны.
- 7 июля* — в день «великой амнистии» — заседание ОСО НКВД, осудившее А.И.Солженицына на 8 лет исправительно-трудовых лагерей.
- 14 августа* — этап из пересыльной тюрьмы в ОЛП (отдельный лагерный пункт) под Новым Иерусалимом.
- С середины августа* — работает на глиняном карьере сменным мастером, откатчиком вагонеток, глинокопом.
- 9 сентября* — переведён в Москву, в строительный лагерь по адресу: ул. Большая Калужская, 30.

1946 г.

- 27 сентября* — этапирован в спецтюрьму г. Рыбинска Ярославской области для работы на авиационной «шарашке».

1947 г.

- 21 февраля* — этапирован из Рыбинска в Москву («третья Бутырка»).
- 6 марта* — этапирован в Загорск, для работы в оптической «шарашке».
- Весна* — начало работы над «Словарём» Даля.
- Июнь* — составляет ходатайство на имя Генерального прокурора СССР о пересмотре дела.
- 9 июля* — этапирован на «шарашку» в Москву (Марфино).
- 5 сентября* — получает известие, что ходатайство о пересмотре дела «оставлено без удовлетворения».

1948 г.

- 21 января* — «шарашка» в Марфине (спецобъект № 8 системы МВД) закрытым постановлением Совмина СССР реорганизована в Лабораторию № 1 при отделе оперативной техники МГБ СССР для «разработки аппаратуры засекречивания телефонных переговоров гарантированной стойкости».

1950 г.

- Начало года* — А.И.Солженицын отказывается войти в криптографическую группу.
- С 25 июня* — трёхмесячный этап из Бутырок в Экибастуз (Казахстан).

1950 – 1951 гг.

- Возникает замысел рассказа об одном дне зэка.

1952 г.

12 февраля — хирург-заключённый К.Ф. Донис делает А.И. Солженицыну операцию по удалению злокачественной опухоли.

В течение года — сочинены стихотворения: «Россия?», «Акафист», «Прощание с каторгой»; закончена поэма «Дороженька».

1953 г.

С 13 февраля — этапирован из Экибастуза в ссылку: павлодарская, омская, новосибирская пересылки.

Конец февраля — доставлен в тюрьму г. Джамбула. В комендатуре областного МВД получает справку о том, что ссылается навечно в Кок-Терекский район Джамбульской области Казахской ССР под гласный надзор районного МГБ.

5 марта — на центральной площади Кок-Терека слышит из репродуктора о смерти Сталина; первый день без конвоя. Написано стихотворение «Пятое марта».

25 апреля — приглашён в среднюю школу Кок-Терека учителем математики и физики за три недели до выпускных экзаменов.

Конец ноября — в областной больнице Джамбула А.И. Солженицын узнаёт от врачей, что жить ему осталось недели три.

Декабрь — написано стихотворение «Смерть — не как пропасть, а смерть как гребень...».

Конец декабря — закапывает на своём участке бутылку из-под шампанского с листами своих сочинений, скрученных в трубочку.

31 декабря — уезжает в Ташкент на лечение.

1954 г.

4 января — поступает в стационар, проходит курсы лечения лучевой терапией на рентгеновском аппарате, химиотерапией и переливанием крови.

18 февраля — выписывается из онкодиспансера и возвращается в Кок-Терек.

21 июня – 21 августа — проходит повторный курс лечения в Ташкенте; задумывает повесть «Раковый корпус».

1955 г.

Преподаёт в Коктерекской школе и пишет роман «В круге первом».

Сентябрь — пишет заявление на имя Н.С. Хрущёва о снятии ограничений на передвижения.

1956 г.

24 февраля — пишет заявление на имя Н.С. Хрущёва, а также письма заместителю председателя Совета министров СССР А.И. Микояну, министру обороны маршалу Г.К. Жукову, Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко, настаивая на полной реабилитации и возврате боевых наград.

Апрель — отмена ссылки для осуждённых по 58-й статье.

16 апреля — получает справку из Управления МВД Джембульской области об освобождении от дальнейшего отбытия ссылки со снятием судимости.

Май — запрашивает Ивановское и Владимирское облоно по поводу работы в школе.

20 июня — уезжает из Кок-Терека в Москву.

28–30 июня — едет во Владимир устраиваться на работу; посещает село Орехово и посёлок Торфопродукт.

20 августа — уезжает в посёлок Торфопродукт к месту работы.

21 августа — поселяется у М. В. Захаровой, будущей героини «Матрёнина двора».

24 августа — назначается учителем в Мезиновскую среднюю школу Курловского района Владимирской области.

29 сентября — возбуждено ходатайство перед Генеральным прокурором СССР об отмене постановления ОСО в отношении А. И. Солженицына и прекращении его дела.

Осень — завершена первая редакция романа «В круге первом».

1957 г.

6 февраля — определением Военной коллегии Верховного суда СССР Солженицын реабилитирован.

2 марта — вручена по месту жительства справка о реабилитации.

Конец марта — поездка в Рязань на время школьных каникул.

Конец мая — увольняется из Мезиновской школы.

27 июня — прибывает в Рязань.

25 августа — принят на должность учителя физики и астрономии в школу № 2 г. Рязани.

Осень — работа над второй редакцией романа «В круге первом».

1958 г.

Апрель — проходит курс химиотерапии в рязанской онкологической клинике.

Весна — первые «Крохотки», замысел «Архипелага ГУЛАГ».

29 июня — конец июля — поездка в Ленинград для сбора материалов к будущему «Красному Колесу».

1959 г.

С 18 мая — в течение 45 дней пишет рассказ «Один день одного зэка».

16 июля — поездка в Крым; начинает рассказ «Не стоит село без праведника» («Матрёнин двор»).

Осень — окончание «Матрёны» и чистовая перепечатка «Одного дня одного зэка».

1961 г.

8 ноября — решается передать рассказ «Один день одного зека» в «Новый мир» А. Т. Твардовскому через Л. Копелева.

11 декабря — А. Т. Твардовский вызывает А. И. Солженицына в редакцию журнала телеграммой.

12 декабря — А. И. Солженицын в «Новом мире»; знакомство с А. Т. Твардовским, обсуждение рассказа; А. Т. Твардовский предлагает считать его повестью и изменить название — «Один день Ивана Денисовича». А. И. Солженицын подписывает договор.

1962 г.

Январь — апрель — работа над новой редакцией романа «В круге первом».

Конец июня — 21 июля — путешествие в Сибирь к лагерным друзьям.

Первая половина ноября — пишет рассказ «Случай на станции Кочетовка».

15 ноября — привозит А. Т. Твардовскому домой рассказ «Случай на станции Кочетовка»; приходит сигнальный экземпляр «Нового мира» (№ 11) с повестью «Один день Ивана Денисовича».

Начало декабря — принят в Союз писателей (Рязанская организация).

29 декабря — проводит последние уроки в рязанской школе № 2. Принят в Союз писателей РСФСР по секции прозы.

1963 г.

20 января — В «Новом мире» (№ 1) напечатаны рассказы «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кочетовка».

1964 г.

С 10 января — работа в Москве, в Центральном военно-историческом архиве.

Осень — бурное распространение «Крохоток» в Самиздате.

1966 г.

Начало апреля — на даче К. И. Чуковского в Переделкине.

10 апреля — пишет рассказ «Пасхальный крестный ход».

30 ноября — выступление в Институте востоковедения АН СССР.

1967 г.

27 марта — написано письмо к IV съезду писателей СССР.

22 мая, утро — открытие IV Съезда писателей СССР, Солженицын направляет письмо участникам Съезда; день — выступление А. И. Солженицына в военном НИИ.

1968 г.

11 декабря — 50-летний юбилей А. И. Солженицына.

1969 г.

Зима — награждён Премией французских журналистов за лучшую иностранную книгу. Попытки начать работу над «Р – 17».

9 марта — начало непрерывной работы над «Красным Колесом».

19 сентября — переезд на дачу к М. Л. Ростроповичу.

1970 г.

8 октября — Нобелевский комитет присуждает А. И. Солженицыну премию по литературе за 1970 год.

20 ноября — принят проект указа о лишении А. И. Солженицына советского гражданства и выдворении его из пределов СССР.

1971 г.

Июнь — публикация в Париже русского издания «Августа Четырнадцатого».

1973 г.

14 мая — отъезд с дачи М. Л. Ростроповича.

Конец августа — закончено воззвание «Жить не по лжи!», создававшееся в 1972–1973 гг.

28 декабря — в Париже вышел первый том «Архипелага ГУЛАГ» на русском языке.

1974 г.

4 января — начало травли А. И. Солженицына в связи с выходом «Архипелага ГУЛАГ».

12 февраля — арест на квартире в Козицком переулке; доставлен в тюрьму «Лефортово».

13 февраля — процедура высылки; А. И. Солженицына везут из Лефортова в Шереметьево и самолётом Москва — Франкфурт депортируют в ФРГ. В Москве воззвание «Жить не по лжи!» уходит в Самиздат.

14 февраля — приказ Главного управления по охране государственных тайн об изъятии произведений А. И. Солженицына из библиотек общественного пользования.

29 марта — отъезд семьи А. И. Солженицына из Москвы в Цюрих.

8–13 апреля — созревает решение создать Русский Общественный Фонд помощи заключённым, а также переехать из Швейцарии за океан.

6–13 декабря — поездка в Швецию на церемонию вручения Нобелевской премии.

1976 г.

2 апреля — отъезд в Вермонт (США).

Апрель — май — работа в Гуверовском институте над материалами об истории убийства Столыпина.

19 октября — указом Президиума Верховного Совета СССР супруга писателя Н. Д. Солженицына лишена советского гражданства.

1977 г.

Весна — решение об издании Собрания сочинений.

8 июня — выступление в Гарвардском университете при получении почётной докторской степени.

1980 – 1983 гг.

Написаны обзорные главы «Размышления над Февральской революцией».

1982 г.

16 сентября – 17 октября — пребывание в Японии.

1983 г.

7 мая — вылет в Лондон для получения Темплтоновской премии.

10 мая — церемония вручения премии в Букингемском дворце; в доме приёмов Гилдхолл А. И. Солженицын читает Темплтоновскую лекцию.

1985 г.

Февраль — начало травли А. И. Солженицына в американской печати в связи с романом «Август Четырнадцатого».

1988 г.

5 августа — в «Книжном обозрении» напечатана статья Е. Ц. Чуковской «Вернуть Солженицыну гражданство СССР».

Июнь — июль — празднование 1000-летия Крещения Руси.

Август — получена телеграмма от С. П. Залыгина с предложением печатать «Раковый корпус».

Сентябрь — отослано заказное письмо в «Новый мир» с условием: начать печатание в СССР с «Архипелага ГУЛАГ». Редколлегия журнала принимает решение — опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ».

1989 г.

Зима — в Москве и Ленинграде начато печатание публицистических произведений А. И. Солженицына.

Август — в «Новом мире» начато печатание «Архипелага ГУЛАГ».

1990 г.

Весна — лето — написана работа «Как нам обустроить Россию?».

Август — принят указ о возвращении советского гражданства 23 эмигрантам, среди которых Солженицыны.

18 сентября — в «Комсомольской правде» и «Литературной газете» напечатана статья «Как нам обустроить Россию?».

Октябрь — городской Совет депутатов Рязанского горсовета избрал А. И. Солженицына почётным гражданином Рязани. Впервые напечатан на Родине «Раковый корпус».

Осень — в издательстве «Наука» вышел «Русский словарь языкового расширения».

11 декабря — отказался от Государственной премии за «Архипелаг ГУЛАГ».

1991 г.

17 сентября — Генеральный прокурор СССР объявил о прекращении дела по статье 64 УК РСФСР («измена Родине»), возбуждённого в 1974 году, за отсутствием состава преступления.

1992 г.

22 июня — в Министерстве юстиции зарегистрирован Русский Общественный Фонд.

1994 г.

Весна — Написана работа «„Русский вопрос“ к концу XX века».

25 мая — А.И.Солженицын с женой Натальей Дмитриевной и сыном Степаном вылетают из США в Россию.

27 мая — остановка в Магадане. Прибытие во Владивосток, выступление на центральной площади.

27 мая – 20 июля — поездка по России на поезде.

28 июня — **выступление в Новосибирском Академгородке, в Доме учёных Сибирского отделения Российской Академии наук.**

31 августа и 1 сентября — поездка во Владимир и посёлок Торфопродукт; посещение могилы Матрёны Захаровой.

28 октября — выступление в Государственной думе Российской Федерации.

1995 г.

Апрель — начало передач на ОРТ (Общественном российском телевидении) «Встречи с Солженицыным».

26 июля — выступление на Всероссийском земском съезде учителей.

20 сентября — передачи «Встречи с Солженицыным» прекращены по распоряжению руководства ОРТ.

1996 г.

21 января, Воскресенье — Литургия в Успенском соборе Московского Кремля; доклад А.И.Солженицына на IV Международных Рождественских Образовательных Чтениях.

1996 – 1999 гг.

Пишутся новые «Крохотки».

1997 г.

Июнь — избран действительным членом Российской Академии Наук.

24 сентября — выступление в Российской Академии Наук на «круглом столе» с речью «Исчерпание культуры?».

21 октября — Русский Общественный Фонд объявил об учреждении Литературной премии Александра Солженицына.

1998 г.

7 мая — первое вручение Литературной премии Александра Солженицына.

Май — в издательстве «Русский путь» вышла книга «Россия в обвале».

Декабрь — в связи с 80-летним юбилеем награждён церковным орденом Святого князя Даниила Московского и высшей государственной наградой — орденом Святого Апостола Андрея Первозванного.

11 декабря — в Театре на Таганке в день юбилея проходит спектакль «Шарашка»; А. И. Солженицын принимает церковный орден и отказывается принять орден государственный.

1999 г.

Февраль — вышла книга стихов и прозы тюремных-ссылных-лагерных лет «Протеревши глаза».

2 июня — награждён Большой золотой медалью имени М. В. Ломоносова 1998 года — высшей наградой РАН. Выступил с ответной речью «Наука в пиратском государстве».

2000 г.

20 сентября — А. И. Солженицына в Троице-Лыкове посетил Президент России В. В. Путин.

13 декабря — в резиденции французского посла состоялась церемония вручения Большой премии Французской академии нравственных и политических наук; А. И. Солженицын выступил с ответной речью «Перерождение гуманизма».

2001 г.

Июнь — опубликован 1-й том сочинения «Двести лет вместе».

2002 г.

Декабрь — опубликован 2-й том сочинения «Двести лет вместе».

2003 г.

10–11 декабря — проведение в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Международной научной конференции «Академик А. И. Солженицын. К 85-летию со дня рождения».

11 декабря — 85-летний юбилей; в «Известиях» опубликованы фрагменты «Дневника „Красного Колеса“».

17–19 декабря — проведение Международной научной конференции «Александр Солженицын. Проблемы художественного творчества» в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье».

2003 – 2005 гг.

Работа над новой редакцией «Красного Колеса».

2004 г.

16 ноября — вручение А.И. Солженицыну в Троице-Лыкове ордена Святого Саввы Сербского 1-й степени — высшей награды Сербской Православной Церкви.

2005 г.

5 июня — выступление на телеканале «Россия».

1–2 сентября — открытие нового здания библиотеки-фонда «Русское Зарубежье».

2006 г.

Январь — февраль — показ сериала Г.А. Панфилова по роману «В круге первом» на телеканале «Россия».

16 ноября — выходят 1, 7 и 8-й тома Собрания сочинений в 30 томах.

2007 г.

27 февраля — в «Российской газете» перепечатана статья «Размышления о Февральской революции».

12 июня — в Кремле состоялась церемония вручения Государственной премии Российской Федерации «За выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности». Президент РФ В.В. Путин поздравляет писателя в Троице-Лыкове.

Лето — осень — работает над «Литературной коллекцией», готовит к печати очередные тома Собрания сочинений.

11 декабря — А.И. Солженицыну исполнилось 89 лет.

Конец года — выходят 11-й и 12-й тома Собрания сочинений 30 томах.

2008 г.

3 августа, Воскресенье — завершение земного пути писателя.

6 августа — погребение писателя в Донском монастыре (Москва).

5–6 декабря — Международная конференция к 90-летию писателя: «Путь А.И. Солженицына в контексте Большого Времени».

Состав Собрания сочинений А.И. Солженицына в 30 томах¹

- Том 1. **Рассказы и Крохотки**
- Том 2. **В круге первом**
- Том 3. **Раковый корпус**
- Том 4. **Архипелаг ГУЛАГ. Части I–II**
- Том 5. **Архипелаг ГУЛАГ. Части III–IV**
- Том 6. **Архипелаг ГУЛАГ. Части V–VII**
- Том 7. **Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 1**
- Том 8. **Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 2**
- Том 9. **Красное Колесо. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1**
- Том 10. **Красное Колесо. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2**
- Том 11. **Красное Колесо. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 1**
- Том 12. **Красное Колесо. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 2**
- Том 13. **Красное Колесо. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 3**
- Том 14. **Красное Колесо. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 4**
- Том 15. **Красное Колесо. Узел IV. Апрель Семнадцатого. Кн. 1**
- Том 16. **Красное Колесо. Узел IV. Апрель Семнадцатого. Кн. 2**
- Том 17. **Дневник Р-17**
- Том 18. **Раннее (в тюрьмах, лагерях, ссылке)**
- Том 19. **Пьесы и киносценарии**
- Том 20. **Литературная коллекция. Том 1**
- Том 21. **Литературная коллекция. Том 2**
- Том 22. **Публицистика. Том 1**
- Том 23. **Публицистика. Том 2**
- Том 24. **Публицистика. Том 3**
- Том 25. **Публицистика. Том 4**
- Том 26. **Двести лет вместе. Часть I**
- Том 27. **Двести лет вместе. Часть II**
- Том 28. **Бодался телёнок с дубом**
- Том 29. **Угодило зёрнышко промеж двух жерновов**
- Том 30. **Иное время — иное бремя**

¹ Редактор-составитель Собрания сочинений — Наталия Дмитриевна Солженицына. Издательство «Время» (Москва).

Содержание Тома 1 «Рассказы и Крохотки» Собрания сочинений А.И.Солженицына в 30 томах

Рассказы

1959–1966

Один день Ивана Денисовича
Матрёнин двор
Правая кисть
Случай на станции Кочетовка
Для пользы дела
Захар-Калита
Как жаль
Пасхальный крестный ход
Двучастные рассказы

1993–1998

Эго
На краях
Молодняк
Настенька
Абрикосовое варенье
Всё равно
На изломах
Желябугские Выселки

Адлиг Швенкиттен
(односуточная повесть)

Крохотки

1958–1963

Дыхание
Озеро Сегден
Утёнок
Прах поэта
Вязовое бревно
Отражение в воде
Гроза в горах

Город на Неве
Шарик
Способ двигаться
Старое ведро
На родине Есенина
Колхозный рюкзак
Костёр и муравьи
Мы-то не умрём
Приступая ко дню
Путешествуя вдоль Оки
Молитва

1996–1999

Лиственница
Молния
Колокол Углича
Колокольня
Старение
Позор
Лихое зелье
Утро
Завеса
В сумерки
Петушьё пеньё
Ночные мысли
Поминовение усопших
Молитва о России

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ

№1 2005 г. «Псалтирь в русской литературе и педагогике»

ОТ РЕДАКЦИИ.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ	5
<u>Литература</u>	
М.А.Русанова. ПСАЛТИРЬ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	7
Священник Димитрий Долгушин. «КНИГА КНИГ»	21
<u>История</u>	
А.Б.Пивоваров. ПСАЛТИРЬ КАК УЧЕБНАЯ КНИГА: ПЕРВЫЙ РУССКИЙ УЧЕБНИК	27
А.Б.Пивоваров. У ИСТОКОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: УРОКИ ПСАЛТИРИ.....	33
<u>Русский язык</u>	
О.Г.Щеглова. БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере фразеологизмов Псалтири)	40
<u>Мировая художественная культура</u>	
Ф.Ф.Ахмадиева. О ПЕРЕВОДАХ ПСАЛТИРИ	44
<u>Псалтирь в русской истории и культуре</u>	
О.А.Павлова. О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ ПСАЛТИРИ СВЯЩЕННИКОМ ГАВРИИЛОМ ПАКАТСКИМ	58
Протоиерей Борис Пивоваров. ОСОБЫЙ ПСАЛОМ	71
<u>Работы учащихся</u>	
Елена Москаленская. НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПСАЛТИРИ (историко-этимологический аспект)	79
Анастасия Рогова. ПСАЛМЫ В МИНИАТЮРАХ	84

№2 2005 г. «Дни Победы в Российском календаре»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ	3
Протоиерей Борис Пивоваров. ПАМЯТЬ О ДНЯХ ПОБЕДЫ РОССИИ И СВЯТЫНИ РОДНОЙ ЗЕМЛИ	4
Г.П.Волкова. ДНИ ПОБЕДЫ В РОССИЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ	12
Е.В.Комлева. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА (к 625-летию)	26
Священник Димитрий Долгушин. 4 НОЯБРЯ - ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА: НОВЫЙ ПРАЗДНИК В РОССИЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ	44
М.А.Русанова. СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ (сценарий литературной постановки)	60
А.Б.Пивоваров. ХРАМЫ-ПАМЯТНИКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	74
А.Б.Пивоваров. ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ (урок-лекция)	88
Священник Димитрий Долгушин. «ОДА» СВЯЩЕННИКА ГАВРИИЛА ПАКАТСКОГО - ПАМЯТНИК ЭПОХИ 1812 ГОДА	104
Священник Гавриил Пакатский. ОДА (вступление к Священной поэме по случаю окончания войны с Наполеоном)	107

№1 2006 г. (№3) «100 лет со дня рождения Д.С.Лихачева»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ	3
<i>Д. С. Лихачев</i> Из «ПИСЕМ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ»	4
АКАДЕМИК ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ. КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	18
<i>Л. Г. Панин</i> Д.С.ЛИХАЧЕВ ОБ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ РОЛИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА	22
<i>А. Б. Пивоваров</i> КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ Д.С.ЛИХАЧЕВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ	24
<i>Э. А. Гребнева</i> ПУТЯМИ ДОБРОТЫ ИЛИ Д.С.ЛИХАЧЕВ В МОЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ. Эссе.....	38
<i>М. А. Русанова</i> Д.С.ЛИХАЧЕВ О ЛИТЕРАТУРЕ. Эссе.....	43
<i>Т. Г. Гомаюн, Н.М.Дьякова</i> «СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО» КАК ЦЕЛЬ ЖИЗНИ. Урок литературы.....	54
<i>С. М. Цыплакова</i> ЗВУКИ ДЕТСТВА Д.С.ЛИХАЧЕВА. Урок музыки.....	61
<i>М. А. Русанова</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ УРОКОВ ЛИТЕРАТУРЫ ПО КНИГЕ Д.С.ЛИХАЧЕВА «ЗЕМЛЯ РОДНАЯ»	66
<i>Протоиерей Борис Пивоваров</i> ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА	84
<i>О.А.Павлова</i> ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Д.С.ЛИХАЧЕВА. Аннотированный справочник	120

№1 2007 г. (№4) «А. С. Пушкин и русская словесность»

ПАМЯТИ ПУШКИНА. Вступительная статья	3
<u>Русский язык</u>	
К.А.Тимофеев. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С.ПУШКИНА «ПРОРОК».....	5
<u>Словесность</u>	
Л.Г.Панин. ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК». Урок для 5–6 кл.	17
ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЯ «ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ». Методическая разработка урока .	22
<u>Литература</u>	
Протоиерей Борис Пивоваров. А.С.ПУШКИН О ПРОПОВЕДИ ЕВАНГЕЛИЯ	31
Священник Димитрий Долгушин, диакон Димитрий Цыплаков. ПАСХАЛЬНАЯ ТЕМА В ПОСЛЕДНЕМ ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ А.С.ПУШКИНА	35
Ф.Ф.Ахмадиева. «СЛЫШУ УМОЛКНУВШИЙ ЗВУК БОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛЛИНСКОЙ РЕЧИ...»	53
М.А.Русанова. МОТИВ ПОКАЯНИЯ: «ГАМЛЕТ» В.ШЕКСПИРА И «БОРИС ГОДУНОВ» А.С.ПУШКИНА. Размышления учителя словесности.....	63
Л.А.Юганова. «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» А.С.ПУШКИНА. Методическая разработка	79
А.Б.Пивоваров, И.А.Попова. «ПОЭЗИЯ, КАК АНГЕЛ–УТЕШИТЕЛЬ, МЕНЯ СПАСЛА...» Литературная композиция	88
<u>Природоведение</u>	
Священник Андрей Баженов. А.С.ПУШКИН О ПРИРОДЕ	94

№2 2007 г. (№5) «950 лет Остромирову Евангелию»

Протоиерей Борис Пивоваров. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ (урок из учебного пособия «Православная культура России»)	3
Л.Г. Панин. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЮ – 950 ЛЕТ	10
Н.Н. Розов. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ – СТАРЕЙШИЙ ПАМЯТНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.....	20
С.М. Ермоленко. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ КАК ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ: Из истории рукописных почерков, миниатюры, технические аспекты создания рукописи	27
А.Б. Пивоваров. ЕВАНГЕЛИЕ В ЖИЗНИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧЕЛОВЕКА	45
Протоиерей Борис Пивоваров. ЕВАНГЕЛИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.....	51

Выпуски журнала «Источниковедение в школе» размещены на официальном сайте Православной Гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского по адресу: <http://orthgymn.ru/publish/istved/>